

10

КЧ.

А.Х. БОРОВ

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ
В РОССИЙСКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ
ПРОЦЕССЕ

НАЛЬЧИК 2007

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖДУНАРОДНАЯ КАФЕДРА ЮНЕСКО
«ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ
В ДУХЕ КУЛЬТУРЫ МИРА И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

А.Х. Боров

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ
(Проблема социально-культурного синтеза)**

НАЛЬЧИК 2007

УДК 93/94(470.6)

ББК 63(2Р-6К-Б)

Б-82

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор

О.В. Волобуев

кандидат политических наук, профессор

В.В. Черноус

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор

К.Ф. Дзамихов

Боров А.Х.

Б-82. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2007. – 298 с.

В работе осуществлен комплексный анализ и дано целостное представление об основополагающей и сквозной проблеме всего российско-кавказского исторического процесса – проблеме социально-культурного синтеза. Выявлены факторы, формы и пределы социально-культурного синтеза на основных этапах исторического взаимодействия российского общества и государства с народами Северного Кавказа. Охарактеризованы исторические константы и базовые общественные процессы, определяющие перспективу решения проблемы социально-культурного синтеза как основы обеспечения стабильности и устойчивого модернизационного развития Российского Кавказа.

ISBN 5-7558-0409-5

УДК 93/94(470.6)

ББК 63(2Р-6К-Б)

ISBN 5-7558-0409-5

© Кабардино-Балкарский
государственный университет, 2007

ВВЕДЕНИЕ

Историческое кавказоведение в России складывалось в XIX в. в рамках двух основных традиций. Первую из них можно было бы обозначить как политico-этнологическую. В своей академической ипостаси она концентрировалась на этнографическом описании общественных структур и традиционных культур народов региона. В своем прикладном аспекте она решала проблемы взаимной адаптации административно-правовой системы Российской империи и «горцев» Северного Кавказа. Вторая – «просветительская» – традиция, решая тот же круг исследовательских задач, стремилась найти наиболее органичные пути вовлечения этнических обществ в единый с коренной Россией цивилизационный процесс европеизации (или модернизации, говоря современным языком).

В советской историографии Северного Кавказа господствовала своего рода концепция «единого потока». Культурно-историческая специфика региона растворялась в универсалистской формационной схеме, которая позволяла различать только более «передовые» и более «отсталые» общества. Вопрос об этнорегиональной автономности социокультурной динамики частью не мог быть воспринят вообще (в рамках классового подхода), а частью элиминировался ссылкой на то, что местные особенности «учитывались» при осуществлении тех или иных преобразований. Их общие цели, таким образом, всегда достигались, а идеологическое содержание политики «центра» прямо определяло содержание самого исторического процесса. Включенность Северного Кавказа в историю нового и новейшего времени представлялась, с этой точки зрения, очевидной.

Политические и социальные процессы последнего десятилетия резко обострили восприятие проблем социокультурного взаимодействия России и Северного Кавказа. С одной стороны, либеральные аналитики акцентируют глубокую культурную «крознь» (или даже несовместимость) между ними, тупиковый характер социокультурных процессов на Северном Кавказе, протекающих на весьма архаичной социальной основе. С другой –

в этноориентированной историографии внутри региона – подчеркивается разрушительный для местной этнокультурной традиции характер «исторического контекста» с Россией. И в том и в другом случае выходит, что врастания Северного Кавказа в Новое время, как эпоху модерна, так и не произошло. Современный рафинированный либерализм (в центре) и этнокультурный фундаментализм (на периферии), применительно к прошлому и настоящему региона постулируют тотальность традиционалистского дискурса. По сути дела в этих подходах реанимирована политико-этнологическая парадигма осмысления исторических и современных проблем Северного Кавказа, но с явным поворотом направленности анализа от поиска механизмов интеграции к обоснованию неизбежности дезинтеграции. «Просветительская» традиция сохранила проблематику, усовершенствовала методологию и углубила понимание своего предмета исследования, но ее результаты остаются в сугубо академических рамках.

А вот постановка задач практической политики в регионе сводится к нескольким односторонним схемам. Либерально настроенные аналитики в России и на Западе акцентируют вопросы обеспечения прав человека в регионе. Специалисты и политические деятели, исходящие из приоритетности национальных интересов России, выдвигают на первый план задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Интеллектуалы, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия. Во всех этих случаях в качестве явной или неявной посылки присутствует представление, что источником проблем, противоречий и конфликтов в регионе является его этнокультурное и конфессиональное своеобразие.

Один из авторов книги «Россия и Кавказ: сквозь два столетия», изданной в 2001 г. в Санкт-Петербурге, видит суть современной ситуации в развертывании кавказского конфликта. Опираясь на этимологию слова «конфликт» (обоюдный удар, ударять, атаковать друг друга), он считает самым юлоболытным «то, почему Россия и Чечня с какой-то слепой неизбежностью ринулись в

атаку друг на друга». Попытки предложить практические решения вопроса и придать ситуации «торопливую и простую понятность» он считает иллюзорными. Для России сегодня Кавказ предстает «почти мифическим пейзажем», который складывается из сверхустойчивых образований почвенного характера. Кавказ никогда не может быть полностью прозрачным – место соприкосновения России и Кавказа игнорирует рациональную мотивацию, мотивацию порядков. То, что появляется здесь на обломках «советского» не умещается «ни в какие «современные» формы социальности. Все эти инстанции пали, и перед нами... начала подниматься тень «чужого». Причем речь идет не о некоторых отличиях, а о *радикальной чуждости*. С «чужим», который явился сегодня, – подчеркивает автор – «уже нельзя договориться, он в ином топосе (пространстве, измерении – авт.), поэтому невозможна коммуникация, невозможно то, что лежит в основе новоевропейской матрицы, – «общественный договор»»¹.

Пожалуй, в этих рассуждениях суммированы все основные элементы современного политico-публицистического дискурса по «кавказскому вопросу».

Во-первых, реалии и проблемы Северного Кавказа в политических и аналитических выступлениях воспроизводятся весьма обедненно. Из всего многообразия проблем региона серьезное внимание уделяется только этнополитическим и геополитическим проблемам. Их анализ, в свою очередь, ограничивается рассмотрением текущей ситуации. При этом на первый план неизменно выводятся ее кризисные или конфликтные компоненты. В итоге и проблемы, и обстановка в целом моделируются, как правило, по экстремальным формам их проявления, и создается впечатление, что именно они являются «пурмой» общественно-политической жизни на Северном Кавказе.

Во-вторых, не только в обыденном сознании, но экспертных суждениях доминирует представление о том, что Кавказ сам по себе, объективно, есть зона нестабильности и конфликтов. Они коренятся и спонтанно возникают из недр его этнодемографической, социокультурной, этнополитической структуры, исторически унаследованных проблем и враждебности к России. Представляя собой нарушение социокультурной и по-

литической однородности государственного пространства, Северный Кавказ служит фактором, подрывающим общую социально-политическую стабильность в России.

В-третьих, при убежденности во внутренней его конфликтности многие воспринимают регион только как некую социально-политическую целостность, особую сущность. Внутренняя дифференцированность, социоэкономическая и социокультурная неоднородность (а не просто этнодемографическая пестрота) Северного Кавказа представляются второстепенными. Поэтому, так легко взаимозаменяются в текстах понятия «Северный Кавказ» и «Чечня».

В-четвертых, для наблюдателя на Кавказе достаточно очевидно, что многие авторы как бы походя совершают логическую операцию *«остранения»* Кавказа, постулируя, по сути дела, что Северный Кавказ – не Россия, но представляет собой проблему для России. Чаще это проявляется в нюансах языка, но может выражаться и в достаточно явной форме. Авторы одной из публикаций 1994 года по проблемам Юга России не только ограничивали его территорию Ростовской областью, Краснодарским и Ставропольским краями, но подчеркивали его пограничность и характеризовали как «стратегический буфер, отделяющий Россию от горячих точек Северного Кавказа и Закавказья»².

В-пятых, пытаются осмысливать современные проблемы так, как если бы Кавказ существовал вне истории. В крайней форме это выражено в довольно диком представлении о полной несовместимости будто бы господствующих на Кавказе иррациональных этнических «первоначал» с современными формами социальности. Но имеется и более «мягкое» выражение той же позиции, согласно которому адекватное понимание *современных* проблем Северного Кавказа может дать только *этнография*. Так, в газетном интервью заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, член-корр. РАН С.А.Арутюнов, настаивал, что усилия власти по умиротворению в Чечне вряд ли дадут принципиальное решение вопроса, а потому необходим «поиск нестандартных, нетрадиционных путей или традиционных, пусть неконституционных, но именно тра-

*дициональных в каком смысле слова путей решения этой кровавой, болезненной проблемы*³.

Предлагаемая работа в значительной степени является реакцией на представленные выше позиции. Соответственно, дальнейшее изложение построено на несколько иных основаниях. Не вдаваясь в методологические дискуссии, просто суммирую их в нескольких пунктах.

1) Рациональное познание «кавказской реальности» не только возможно – ему просто нет интеллектуальной альтернативы, заслуживающей серьезного обсуждения.

2) Понятие Кавказа как физико-географического объекта и пространственной единицы неправомерно отождествлять с понятием Кавказа как культурно-исторического и социально-политического субъекта. Единство в первом случае не исключает «множественности», сложной внутренней структурированности – во втором.

3) Описание, объяснение и понимание современной ситуации на Кавказе должно строиться не на столкновении социокультурной традиции («этнографии») народов региона, а *на анализе итогов их культурно-исторической эволюции* и характеристиках их взаимодействия с общими процессами социально-политической трансформации в стране.

4) Адекватной формой познания Кавказа может быть только *диалог с культурно-историческими и социальными субъектами регионального общественно-политического процесса* – его народами и обществом. Это значит, что по форме *познание Кавказа* (его культурно-историческая идентификация) и *самопознание Кавказа* (его культурно-историческая самоидентификация) совпадают, а результаты их должны быть взаимно обратимы. Познание Кавказа, которое не могло бы служить его самопознанию, теряет всякий смысл. Оно бесполезно и для науки о Кавказе, и для политики по отношению к Кавказу, и для самого Кавказа.

Проблема преодоления цивилизационных расхождений и дисбалансов – проблема социально-культурного синтеза – сопровождает весь российско-кавказский исторический процесс. В XVI–XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В первой полу-

виде XIX в. – проблема совместимости в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. С 60-х годов XIX в. тема «Россия и Кавказ» приобретает качественно новое звучание – основным мотивом в ней становится проблема совместного развития, т.е. органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации, а внутренний дуализм привнесенных и автохтонных, современных и традиционалистских начал общественной жизни пронизывает все аспекты мировидения и социальной практики народов региона.

Кризисы и конфликты последнего десятилетия XX века необъяснимы вне этого исторического контекста, а преодоление таких деструктивных явлений, как этнический национализм, сепаратизм или религиозный фундаментализм может быть достигнуто лишь на путях дальнейшей модернизации местных обществ, при одновременном сохранении их культурно-исторической идентичности. Поиск ответов на вопросы о возможности и условиях реализации подобной перспективы определяет основную цель предлагаемой работы – комплексный анализ и целостное представление проблемы социально-культурного синтеза в качестве фактора, определявшего формы взаимодействия Российского государства и народов Северного Кавказа и в качестве «нарастающего исторического итога» их взаимодействия.

Именно в контексте проблем методологического синтеза и целостной концептуализации истории народов Северного Кавказа возникает ряд вопросов. Состоялось ли в содержательном историческом смысле Новое время на социокультурной почве Северного Кавказа? Каковы его региональная хронология и периодизация? Какое место в культурном пространстве и модернизационной динамике России занимали народы Северного Кавказа на основных фазах своей социокультурной эволюции? Каковы перспективы российско-кавказского культурного диалога?

Актуальность теоретико-методологического анализа связана и с другими обстоятельствами. Специалисты отмечают, что в мировой науке идет смена парадигм социального знания, которая включает осознание ограниченности классической социологии. И это связано с ценностным сдвигом, с признанием цивилизационной значимости немодернистских, в том числе традиционных

форм жизни, равно как и ценности «цветущей сложности культуры» – накопленного генофонда цивилизационных мутаций. Концептуализации классического типа расцениваются как социально жесткие, ибо они подверстывают под общее понятие социально-культурное многообразие и нивелируют локальное, индивидуальное. Подобная теоретическая слепота объясняется фундаментализмом классической социальной теории, когда исходная клеточка теоретического анализа выступает в качестве первичного, основополагающего типа социальной связи и онтологизируется. Неклассические же, «мягкие» методологии социального познания предполагают гибкую настройку на культурно-историческую специфику исследуемого объекта и ориентированы на понимание, интерпретацию, культурное посредничество⁴.

Еще один аспект методологического обновления связан с переосмыслением проблем этничности, наций и национализма в контексте современности. Подчеркивается, что националистический дискурс является сегодня доминирующим во всем мире, и ученые, будучи частью общества, не могут выйти за его пределы вне зависимости от своего личного отношения к проблеме национализма. Возрождение национализма и этнических движений, при всех оправданных опасениях, с ними связанных, все чаще воспринимается как свидетельство того, что современность не только ни в коей мере не покончила с национальными самоидентификациями, но на деле предполагает их и соотносится с ними⁵.

Значение бегло и далеко неполно обозначенных здесь тенденций кажется мне достаточно очевидным в свете того, что научная история Северного Кавказа должна ставить и искать ответы на вопросы о внутреннем единстве и внутреннем различии исторической традиции, современности и предвидимого будущего его народов. Эти тенденции достаточно органично ложатся и на общую духовно-идеологическую ситуацию в современной России, и на процессы в российской исторической науке.

В настоящее время историки Северного Кавказа приступают к подготовке обобщающих трудов по истории народов и республик региона. Это происходит в условиях непреодоленного кризиса мировоззренческих ориентаций в обществе и кризиса методологических основ исторической науки. Разумеется, в оте-

чественной историографии все шире утверждается научный плюрализм - признание неустранимой множественности теоретических и конкретно-исторических интерпретаций. Но это не снимает вопроса о взаимной дополнительности различных «историй», о достижимости исторического синтеза. В самом деле, расщепленное состояние исторического процесса (очередной модернизационный рывок России и новая фаза ее культурной колонизации Западом одновременно с постмодернизованным сдвигом на самом Западе и в ряде традиционных обществ) сопровождается глубоким духовно-идеологическим кризисом, который далеко не преодолен. Проявляется он, согласно наиболее убедительным оценкам, в двух основных формах: а) в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации; б) в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей.

Развивающиеся в нашей стране в течение ряда лет процессы мутации общественных структур и общественного сознания уже вызвали в отечественной историографии смену «объяснятельных схем» как в явно выраженных, так и в имплицитных формах. Резкое повышение удельного веса факторов этнонациональной идентичности в общих структурах современного общественно-исторического сознания позволяет предположить, что новые парадигмы исторической науки выступают как некие общие концепции национальной истории тех или иных народов, претендующие на целостное и непротиворечивое осмысление пройденного ими исторического пути.

Под «концепцией национальной истории» здесь подразумевается наиболее общая схема упорядочения исторической информации, имеющая базовое, структурообразующее значение как для исторического сознания данного национального общества, так и для национальной историографии. В контексте общественного сознания и общественной практики концепцию национальной истории можно было бы представить как формулу исторической самоидентификации общества, полученную им от исторической науки в ответ на свой запрос. В этой формуле в обобщенном и вместе с тем непосредственном виде реализуются основные

функции историописания, выраженные когда-то П. Ласлеттом следующим образом: «Реконструкции прошлого и его интерпретации строятся для того, чтобы примирить некоторое общество (или какую-либо группу) с его прошлым и с тем, в чем его настоящее отличается от этого прошлого. Они нужны для того, чтобы сделать понятным каждому новому поколению положенное ему место во времени⁶. Свою наиболее очевидную внешнюю фиксацию концепции национальной истории находят в той периодизации, в соответствии с которой строятся общие труды и учебные пособия по истории того или другого народа.

Мне неизвестны специальные разработки такой концепции применительно к истории народов Северного Кавказа в рамках научной историографии. Но даже весьма поверхностный обзор проблемно-тематических сдвигов в региональной историографии последних лет свидетельствует, на мой взгляд, что она вплотную подошла к постановке проблемы, чрезвычайно важной для целостного видения национальной истории, которую я бы обозначил как проблему континуитета и прерывности, либо как проблему идентичности (единства) ее исторического субъекта.

Первые результаты продвижения национальных историографий в этом направлении получили в литературе скорее негативную оценку. Характеризуя общие тенденции развития историографии на постсоветском пространстве, К. Аймермакхер и Г. Бордюгов, констатируют: «Для нынешнего «переписывания» историй характерны даже среди историков тенденции к геронизация, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счет соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей⁷. Практически все эти тенденции фиксируются наблюдателями и на материале северокавказской историографии⁸. «Северокавказские научные сообщества, – подводит итог Л. Гагаева, – не без потерь пережившие тяготы переходного периода, весьма тяжело избавляют издержки старого мышления и устаревшие методологические стереотипы. Новым испытанием для региональных историков (взамен имперского догматизма партийной науки) представляется «ловушка» этноцентризма. Безусловно, негативными

факторами являются также чрезмерная политизация научного сознания и его провинциализация. Удастся ли северокавказским ученым уберечь историческую науку от идеологических и прочих соблазнов смутного времени – покажет будущее»⁹.

Таким образом, выдвижение проблематики взаимодействия социальных структур и культур в центр анализа и интерпретации российского исторического процесса представляется естественным и вполне назревшим с точки зрения внутрироссийского культурного диалога. Речь здесь должна идти не только и не просто об изменении подхода к предмету исторической науки. Чтобы адекватно описать и интерпретировать свой предмет, современная отечественная историография должна принять на себя функции поддержания, рационализации и развития вглубь культурного диалога; функции выработки обобщенной семантики и синтаксиса, связывающих воедино центральное и периферийное в этом диалоге. Отсюда, на мой взгляд, следует особая значимость изучения теоретико-методологических и историографических аспектов темы. Они непосредственно выходят на проблемы построения обобщающих концепций национальной истории самой России (рассматриваемой как государство, как гражданское сообщество) и народов России (рассматриваемой как цивилизация, как культурное сообщество).

***

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность ректору Кабардино-Балкарского государственного университета профессору Б.С. Карамурзову. Именно ему принадлежит первоначальная идея предлагаемого исследования. На всем протяжении дальнейшей работы обсуждение с ним различных аспектов темы служило стимулом поиска решений, выверенных в научном плане и ответственных в плане общественно-политической актуальности.

Автор также выражает искреннюю признательность коллегам по Социальному-гуманитарному институту КБГУ Ю.В. Буньковой, Н.В. Вариводе, А.Г. Кажарову, П.А. Кузьминову, Е.Г. Муратовой и М.С. Тамазову за предоставленные материалы.

Часть 1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВКЛЮЧЕНИЯ СЕВЕРОКАЗАСКИХ НАРОДОВ В РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Глава 1. Истоки самобытности

1.1. Древность Кавказа и современные поиски идентичности

Существует представление, что в основе таких явлений, как «северокавказский» сепаратизм и «русская» кавказофобия лежит один и тот же фактор – культурно-языковая инаковость народов региона и присущая им, наряду с общероссийской гражданской идентичностью, еще и своя собственная национальная идентичность. Известны попытки устраниТЬ из обихода гражданской жизни формальные признаки ее существования. Их результаты довольно противоречивы. Дело в том, что структуры гражданского и национального самосознания всегда коренятся в истории, а сама история и историческое сознание как фактор самоидентификации не-устранимы из современной культуры. Их необходимо знать и понимать независимо от нашей оценки или нашего отношения к ним.

Этническая психология и самосознание кавказских народов неразрывно связаны с их историей. Свойственное им уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в письменных источниках, но и в исторических преданиях, генеалогиях, эпосе во многом обусловили формирование национального менталитета. И здесь необходимо помнить, что этногенез и этническая история современных народов Северного Кавказа характеризуются двумя важными в данном контексте чертами. Во-первых, независимо от многочисленных этнокультурных взаимовлияний и напластований, эти процессы протекали в пределах региона. *Народы Северного Кавказа имеют неразрывную историческую связь с нынешней территорией своего проживания.* Во-вторых, данные науки свидетельствуют, что на занимаемых кавказскими народами территориях надежно прослеживается культурная преемственность, уходящая в глубокую древность. *Современные народы Северного Кавказа – это действительно древние народы.*

Поэтому российские кавказцы наряду с общероссийской гордостью имеют собственную гордость и воспринимают себя как особую общину со «своей» историей, культурно-бытовыми традициями, кровно-генетической связью, а также со своей исторической территорией, языком и религией. Наверное, такая реальность – веять неустранимая и глубоко укорененная.

Северный Кавказ, как и Закавказье, является одним из древнейших очагов первобытной культуры. На Кавказе уже в VII тыс. до н.э. появились очаги земледелия, а в неолитическое время регион становится территорией широкого распространения земледельческой культуры¹⁰.

Академическая наука зафиксировала глубокие истоки нынешней этнолингвистической пестроты региона. В V тыс. до н.э. палеокавказская этнокультурная общность распалась, и сложились три основные варианта археологических культур: Закавказский, Северо-западный и Северо-восточный. Они положили начало зарождению трех основных лингвистических общинностей палеокавказской языковой семьи: западной (адыго-абхазской), восточной (нахско-дагестанской) и южной (картвельской)¹¹.

О культурном состоянии кавказских племен в раннюю эпоху мы знаем по богатейшим археологическим данным. В III-II тыс. до н.э. сравнительно высокого, для своего времени, уровня развития достигли племена, создавшие на Кавказе майкопскую, куро-арахсскую, колхидскую, дольменную и др. археологические культуры¹².

В науке давно утвердилась, как наиболее приемлемая, гипотеза о преемственной связи многих кавказских племен с древнейшим населением Передней Азии. Главным здесь является то, что кавказские языки как и языки, первоначального населения переднеазиатских стран (шумеров, хаттов, касков), не относились ни к семитической, ни к индоевропейской языковым системам, а между собой проявляли многие черты сходства. В аналогичной связи прослеживают родство древних урартов и хурритов.

Многочисленные памятники, данные клинописи, постепенное распространение среди населения Западного Кавказа pontийского антропологического типа говорят о процессе перемещения с неолитических времен определенных групп земледельческого населения Анатолии (Малой Азии) вдоль побережья Черного моря и их слиянии с родственными племенами Се-

веро-Западного Кавказа. Таким образом, формировался единый этнокультурный регион, население которого говорило на диалектах абхазо-адыгско-хаттской группы языков¹³.

При взаимодействии же племен – носителей куро-аракской культуры с аборигенным населением Восточного Кавказа образовался новый субстрат, на основе которого уже в эпоху поздней бронзы расцвела каякентско-хорочоевская культура, носители которой являются прямыми предками современных дагестанцев, чеченцев и ингушей¹⁴.

Современная этногенезисная наука считает, что, каково бы ни было культурное, политическое, социально-экономическое, статусное и др. состояние общества, доминирующей формой идентификации является соотнесение себя с древними историческими памятниками на данной территории, со значительными культурно-историческими конгломератами и цивилизациями¹⁵. Предки современных народов Северного Кавказа были «современниками» древнейших цивилизаций – месопотамской, египетской, крито-минойской, древнегреческой и римской. Разумеется, это не значит, что они принадлежали к одному с ними культурному ряду. Более того, сами древние предки народов Северного Кавказа могли не знать, что они живут в столь насыщенном историческом контексте. Но сегодня мы располагаем как бы «законченной картиной» того исторического времени, и в нашей ментальности неизбежно устанавливаются связи, которых в реальном историческом прошлом могло не быть. А тот реальный, пусть спорадический и ограниченный, опыт контактов и взаимодействия с великими державами и высокими культурами, который отложился в их историческом наследии, может актуализироваться в самых неожиданных ситуациях.

В период обострения русско-северокавказских отношений в начале XIX в. (1807 г.) видный кабардинский общественный деятель Измайл-бей Атажукин в своем обращении к министру внутренних дел России, графу В.П. Кочубею, ссыпался на события II в. н.э., когда зихи (древние адьги) оказались втянуты в борьбу между Римом и Боспорским царством: «Явитесь, сиятельныйший граф, восстановителем миллионов народа, населяющих Кавказ, знаменистых в древности! Посредством которых великий Митридат мог оспаривать победу всемошному Риму!»¹⁶.

С глубокой древности и до начала римско-парфянских войн Кавказ был тем плацдармом, которым древневосточная цивилизация вклинивалась в «варварское» море и одновременно отгораживалась от него. В I тыс. до н.э. Закавказье попадает в сферу интересов древневосточных государств – Маннейского царства, Мидии, Державы Ахеменидов¹⁷. Со второй половины I тыс. до н.э. в пределах кавказского региона образовались собственные государства: Синдское (на Таманском полуострове), Колхида (Западная Грузия), Иберия (Восточная Грузия), Урарту (Армения), Кавказская Албания (территория позднейшего Азербайджана).

Многие древние народы представляли себе государства Черноморского побережья Кавказа как цветущие и богатые и связывали с ними много сказаний, которые дошли до нас через античных авторов. Считается, что сказания об аргонавтах являются отражением колонизационных устремлений греков в этот регион, довольно высоко развитый с их точки зрения. В пунктах взаимовыгодной торговли греков и местного населения на побережьях Черного и Азовского морей возникло около 30 городов-колоний. Заимствование технических навыков и культурных достижений, синcretизация религиозных культов приводили к постепенной инфильтрации коренного населения, прежде всего синдо-меотов, в состав жителей античных городов Северного Причерноморья. Примером устойчивого взаимовлияния может служить сближение и объединение Боспорского царства и Синдского государства в V в. до н.э.¹⁸.

В политической сфере история кавказских народов в указанный период самым тесным и непосредственным образом связана с длительным процессом взаимодействия с Боспором иPontийским государством, Византией и Ираном, Арабским халифатом и Хазарским каганатом, Аланским государством и Киевской Русью.

Кавказ является одним из регионов наиболее раннего распространения мировых религий: христианства и ислама. *Распространение христианства* не только в Закавказье, но и на Северо-Западном Кавказе рассматривают как результат усиления римского (византийского) влияния. Наиболее удобную среду (и раньше, чем в других северокавказских регионах) христианство нашло у зихских племен, обитавших на Черноморском побережье. Соответствующие церковные документы VI-X вв. в разное время упоминают на данном побережье епископии: Ни-

копсийскую, Зихийскую, Таматархскую, Фанагорийскую. Подпись епископа Зихии Дамиана имеется под протоколами Константинопольского собора 526 г. А в уставе императора Льва Мудрого (894-911 гг.) Тмутараканская и Никопсийская епархии представлены уже архиепископиями, чего удостаивались только древнейшие епархии. По всем данным можно заключить, что зихи (древние адыги) приняли христианство не позже V в. Христианская культура у них вначале должна была носить греческий характер, по источнику своего происхождения. Позже, с IX в., в Зихии, по-видимому, начинает преобладать влияние грузинской христианской культуры. Последняя имела непосредственное отношение к христианизации аланов в X в., а также оставила многочисленные следы своего влияния в горах на территории современных Карачая и Балкарии, Чечни и Ингушетии¹⁹.

Проникновение ислама на Кавказ связано с арабским продвижением в регион. Азербайджан был завоеван халифатом в 639 г., а Дагестан – в 642-643 гг. Население завоеванных территорий постепенно с этого времени начинает приобщаться к исламу²⁰. Дальнейшая трансформация религиозных верований северокавказцев (кроме дагестанцев) связана с тем, что ислам здесь включался в рамки устоявшегося симбиоза христианства и традиционных народных верований. В итоге на Северном Кавказе по существу воцарилась своеобразная полиморфность религиозного сознания, хотя политика Золотой Орды дала очередной сильный импульс распространению ислама в регионе в XIV-XV вв.

1.2. Формирование этнической структуры и цивилизационной специфики региона

На протяжении длительного времени (I тыс. до н.э.-X в. н.э.) происходит тесное и постоянное взаимодействие древнего кавказского автохтонного населения и степных ираноязычных и тюркоязычныхnomadov. В процессе взаимодействия постепенно формируется единая динамическая система, ставшая основой интеграционных процессов, приведших в дальнейшем к сложению устойчивых внутрирегиональных связей. Последние проявлялись в экономической, социальной, политической, культурно-бытовой и этнической сферах²¹.

В экономике наиболее значительным итогом этого периода явился переход степных (ираноязычных и тюркоязычных) народов от кочевого таборного скотоводства к отгонному, сочетающемуся с земледелием и частичной, а местами и полной оседлостью. Северокавказская степь постепенно становится непосредственным продолжением предгорий, что приводит в конечном плане к складыванию единого регионального хозяйственного комплекса. Итогом социального развития было образование на территории региона раннефеодальных обществ. Обще-региональной культуры не сложилось. Несмотря на развитие внутрирегиональных связей, продолжали сохраняться специфические особенности хозяйствственно-бытового уклада и традиций отдельных этнических общностей.

В IV-X вв. в ходе широкомасштабной миграции многочисленных племен (начиная с так называемого великого переселения народов), различных войн соперничающих держав за сферы влияния и контроль над кавказскими территориями окончательно складывается несколько этнокультурных общностей. Доминирующее положение в каждой из них, несмотря на разнообразный состав, занимали определенные этнические группы, к которым прямо или опосредованно восходят современные народности Северного Кавказа

В Закубанье идет формирование *адыгского этнического массива*, связанное в тот период с меотами, зихами и касогами, ассимилировавшими часть сарматов. В Центрально-Кавказской этнокультурной области преобладают аланы и автохтонные племена горной зоны, сыгравшие заметную роль в этногенезе *карачаевцев, балкарцев и осетин*. На Восточном Кавказе – дурдзуки, авары, леки и многие другие племена, составившие основу *нахско-дагестанской группы народов*²².

С гибелю Хазарского, а затем и Аланского, государств и установления власти Золотой Орды на Северном Кавказе сложилась новая этнополитическая ситуация, при которой сохранилось военно-политическое давление и сильное духовное (языковое и религиозное) воздействие на северокавказцев со стороны господствующего в Золотой Орде тюркско-татарского населения. В период с XII по XV вв. в горных тесинах Кавказа наблюдается небывалая ни до, ни после концентрация местного

населения. В условиях господства на предгорных равнинах золотоордынских ханов племена Северного Кавказа сохранили свою этнокультурную самобытность.

Но монгольские походы на Северный Кавказ во многом изменили этническую картину региона. С равнины ушли аланы, дальше на восток продвинулись кабардинцы. С Восточного Причерноморья, с Северо-Западного Кавказа в горные ущелья бассейна р. Кубани перемещаются группы абазин. С распадом Золотой Орды на этнической карте региона появляются ногайцы, которые в XIV-XV вв. занимают обширные пространства Предкавказья. В XVII в. впервые на Северный Кавказ проникают калмыки, которые постепенно вытесняют ногайцев с их традиционных кочевых.

Таким образом, к XV-XVI вв. складывается в основных чертах современная этническая карта Северного Кавказа. На Северо-Западе весь район Прикубанья и Причерноморья до Сочи занимают адыги, которых многие народы называют «чекесами». На Центральном Кавказе на значительной части плоскости и в предгорьях размещаются восточные адыги – кабардинцы. Их соседями стали близкородственные абазины. Восточнее этих народов в горах жили карачаевцы, балкарцы и осетины. На Северо-Восточном Кавказе были расселены вайнахи (чеченцы и ингуши) и многочисленные народы Дагестана. Здесь же, на Тереке, с XVI в. начинает формироваться гребенское (терское) казачество²³.

Вместе с завершением процессов этногенеза северокавказских народов сложился и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени predetermined пути их дальнейшего развития.

В период великого переселения народов, «варваризации» Европы, упадка городской жизни и самых первых этапов складывания раннефеодальных монархий Северный Кавказ в общем и целом не выделялся на социально-политической и культурной карте Восточной Европы. Здесь также происходили процессы становления раннефеодальных обществ и государств. Но к X в. четко обозначилось расхождение путей цивилизационного развития Северного Кавказа и окружающего его исторического мира.

В X-XV вв. в общих чертах сложилась современная западнохристианская цивилизация, возникли централизованные монархии, Европа подошла к началу нового времени. На Руси спо-

жилась восточнохристианская цивилизация (Киевская, затем Московская Русь), завершалось формирование централизованного государства. На востоке – мусульманский мир обрел устойчивую государственно-политическую структуру, сохранившуюся в основных чертах на всем протяжении нового времени. Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые оформились к XV-XVI вв. В масштабах всего региона не укоренилась какая либо одна из мировых религий, не сформировалось ни одно крупное централизованное политическое образование, не получили развитие города, и городская культура не проникла в толщу общественной жизни. В социокультурном плане Кавказ остался самостоятельным; самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе. Необычайная устойчивость традиционных социальных институтов, норм и ценностей блокировала запуск механизмов цивилизационного саморазвития местных народов.

Вместе с тем регион, начиная с XVI в., все глубже втягивался в орбиту geopolитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям. Таким образом, обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия народов Северного Кавказа с окружающим миром, связанные с необходимостью каждый раз преодолевать цивилизационные расхождения и дисбалансы.

На протяжении XVI-XVIII вв. эта коллизия еще не приобрела напряженно-трагического характера, но она сказалась в углублении внутрирегиональной дифференциации по всем измерениям исторического бытия народов Северного Кавказа – социально-политической организации, религиозной жизни, внешнеполитической ориентации.

Прежде всего, в этот период наблюдается дивергенция форм социальной и политической организации общества. С одной стороны, существовали феодальные «владения» в форме княжеств (Кабардинское, Бесленеевское, Бжедугское, Жанеевское и др.), шамхальств (Тарковское), ханств (Мехтулинское) и уцмийств (Кайтагское). С другой – союзы общин («вольные общества») горного Дагестана, Чечни и Ингушетии, Осетии и Западной Черкесии.

Наиболее развитые феодальные структуры и соответствующая им политическая организация существовали в Кабарде

и Приморском Дагестане. В северокавказских феодальных обществах господствующий класс организуется политически в основанную на договорно-служебных отношениях феодальную иерархию. Расчлененной форме земельной собственности соответствует раздробленная структура власти. Здесь закрепляется так называемая ацентрическая система, которой присуща «консервативная» и «дезинтегрированная» структура, не имеющая сколько-нибудь развитого центрального комплекса и аппарата государственной регуляции автономных социальных организмов. Тенденции государственной централизации на Северном Кавказе XV-XVIII вв. не просматриваются. Развитие северокавказских феодальных обществ сводилось к бесконечному воспроизведству одних и тех же социальных образцов, исключающих самообновление и движение к прогрессу. Но феодализированные этносоциальные общности, даже пребывая в состоянии раздробленности, сохраняли для окружающего мира образы особых социально-политических образований, отдельных «земель» или «стран». А принадлежавший им контроль над предгорьями и равниной, в хозяйственном доступе к которым нуждалось население горных областей,ставил последнее в определенную зависимость от карачаевских и дагестанских феодальных владетелей²⁴.

С другой стороны, не следует воспринимать все так называемые «демократические» и «вольные» общества как застывшие на дофеодальной, общинной или военно-демократической стадии. Если часть вольных обществ в горной Чечне, Ингушетии и Дагестане действительно сохраняли доклассовые общинные порядки, то некоторые «вольные общества» в тех же регионах, а также «демократические общества» Западной Черкесии сложились в результате своеобразных «антифеодальных революций», в ходе которых было сломлено социально-экономическое господство феодальной знати и восстановлены общинно-демократические порядки с выборной властью «старшин», хотя сохранялись и следы былой сословно-имущественной стратификации²⁵.

Это лишний раз показывает, что общественные трансформации внутри отдельных этносоциальных общностей отражали действие не только внутренних, эндогенных факторов. Наряду с ними действовали интенсивные межэтнические взаимовлияния, а в некоторых случаях присутствовал внешний

фактор в собственном смысле слова, как это произошло в ходе «демократического переворота» в одном из черкесских феодальных владений – Бжедугии в конце XVIII в.²⁶

В XVI-XVIII вв. теперь уже под воздействием Османской Турции и Крымского ханства, продолжается процесс исламизации народов Северного Кавказа, и к концу этого периода регион в целом приобретает исламскую «окраску». Но различия в религиозной сфере оставались весьма глубокими. Дело не только в том, что большая часть осетин не была охвачена исламским влиянием, а в дальнейшем – к концу XVIII-первой половине XIX в. – у них утвердилось православное христианство. В целом степень исламизации в регионе до конца XVIII в. была не столь значительной. Если, например, в Дагестане ислам укоренился давно (с VII-VIII в.) и глубоко, а арабский язык служил здесь литературным языком, то у других народов сохранялся исламско-языческий синкретизм. Мусульманская религия заняла более прочные позиции у кабардинцев и вайнахов только к концу XVIII в., у западных черкесов, балкарцев и карачаевцев – в первой трети XIX в.

Полиморфность ислама на Северном Кавказе была связана не только с различиями в глубине и прочности его влияния на сознание и социальную практику в тех или иных этносоциальных общностях. Существенно и то, что в восточной части региона (у дагестанских народов, а затем – у чеченцев и ингушей) распространился суфизм и утвердились суфийские братства Накибандий и Кадирий. Характерные для них идеология мистического пути познания истины (тарикат) и организационная структура, построенная на неразрывной связи наставника (мюришида) с его учеником и последователем (мюридом), первоначально не подрывали сложившегося в регионе конфессионального баланса. Социально-политические аспекты суфизма (мюридизма) в полной мере обнаружили себя уже после начала военной экспансии России в регионе²⁷.

Среди главных особенностей этнополитического развития северокавказских народов следует отметить перманентное и интенсивное воздействие внешнего фактора. С конца XV и в XVI в. вокруг кавказского региона возник своеобразный силовой треугольник в лице Османской Турции

и её вассала – Крымского ханства, Сефевидского Ирана и Русского государства. Результатом складывания устойчивой, но разновекторной структуры международных отношений вокруг региона стало усложнение набора внешних воздействий на внутренние социально-политические процессы. Интенсивность и плотность воздействия отдельных держав на те или иные части региона была неодинакова. С определенными оговорками можно утверждать, что Иран имел более тесное взаимодействие с южным Дагестаном, Турцией и Крым – с Черноморским побережьем Кавказа, а Россия имела постоянные контакты с центральным Кавказом, прежде всего с Кабардой, и отчасти с северным Дагестаном через Терский город. Важным обстоятельством является то, что складывание вокруг региона такой равновесной системы международных отношений означало появление реальных альтернатив политического поведения для северокавказских этнополитических образований той эпохи. Возможность маневрирования, выбора союзников позволяла им во взаимоотношениях с несравненно более могущественными государствами выступать в качестве самостоятельных политических субъектов.

Разнообразие форм социально-политической организации, религии и внешнеполитической ориентации у народов региона не препятствовало поддержанию и развитию элементов их социокультурной общности. Сходство условий жизни в горах и предгорьях выработало у народов, даже разных по происхождению, сходные черты в хозяйстве и укладе общественной жизни. Здесь наблюдается последовательная смена примерно одинаковых или похожих орудий труда, оборонительных сооружений, средств передвижения. Зарождаются общие элементы духовной и материальной культуры – складываются общий для многих народов региона эпос, одинаковые семейные обычаи, многие элементы одежды, которые позже составили основу общеқавказского костюма. По-прежнему существенное место в образе жизни занимали «адаты» – нормы обычного права. Они регламентировали основные сферы жизнедеятельности кавказцев. Как и у многих горских народов, у кавказских горцев существовала своя развитая воинская этика, которая обязывала мужчину быть борцом и воином.

Глава 2. Кавказ в магнитном поле державной политики России (середина XVI-середина XIX в.)

С XVI до первой половины XVIII в. доминирующим процессом в рамках противостояния держав в регионе было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Россия поначалу не включалась напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, но реализовала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Это было началом длительного исторического процесса – с момента первых политических контактов (чеченское посольство в Москву 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (закончение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет. В рамках этого периода уместились противоречивые события: политическое и военное сотрудничество в борьбе с общими врагами, покровительство с одной стороны и служба – с другой, военно-колонизационный натиск и вооруженное сопротивление²⁸.

Вместе с тем, на этом длительном историческом отрезке прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений и выделяются три крупных этапа, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установленных связей.

2.1. Этап партнерства феодальных элит

Первый этап (середина XVI-начало XVIII в.) укладывается в рамки Московского периода российской истории. Инициатива облизжения с Россией зародилась в феодальных верхах некоторых народов самого региона. Она поддерживалась поисками альтернативы в условиях внешнего натиска со стороны соседних мусульманских государств и взаимной борьбой между наиболее развитыми этнополитическими образованиями Северного Кавказа. Устойчивые систематические связи с Москвой на этом этапе имели Кабарда и ряд дагестанских феодальных владений. Длительное вза-

имное сотрудничество поддерживалось наличием общей внешней угрозы и общностью феодальной политической культуры. А по содержанию и функциям это сотрудничество приобретало горой характер военно-политического союзничества.

Черкесские посольства 1552-го, 1555-го и 1557-го гг. в Москву, которые положили начало официальному сближению с Россией, явились актами сознательного самостоятельного выбора предков современных кабардинцев, адыгейцев и черкесов. Показательно, что настойчивые обращения адыгов к Москве следовали за покорением Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств. После этих побед Россия уже могла рассматриваться как союзник и покровитель, способный оказать вооруженную помощь в борьбе с общим врагом. Этот выбор был в определенной степени обусловлен и исторической традицией: Северо-Западный Кавказ имел давние связи со славянским миром. Академик Б.А. Рыбаков на основе изучения адыгского эпоса, славянских сказаний и византийских источников полагает, что в Северо-Западной части Кавказа в середине I тыс. н.э. находились значительные массы славян, которые сохраняли эпические сказания о событиях в Причерноморье и на Дунае, а впоследствии они растворились средиprotoадыгских племен и привнесли в эту среду русский эпос²⁹. А тесные контакты предков современных адыгов с Тмутараканской Русью в XI в. являются общеизвестными³⁰.

Весь этот длительный период русско-кавказских отношений наполнен беспрерывными посольствами – кабардинскими, грузинскими, дагестанскими, вайнахскими и осетинскими. Можно говорить о длительном, противоречивом, не всегда поступательном процессе политического взаимодействия и сближения. Несмотря на периодические колебания и сосуществование прорусской и протурецкой ориентаций, кавказско-русские отношения XVI-XVIII вв. во многом способствовали выполнению задач восточной политики России, закреплению Российского государства в бассейне р. Терек и установлению тесных связей с Грузией.

Северокавказские народы и Россия с XVI в. взаимодействовали не просто в качестве государственно-политических единиц, а в качестве «сложных социальных субъектов» взаимных отношений. При всех принципиальных различиях, их социокультурные системы сохраняли традиционный характер и

сходство черт феодальной социально-политической организации, что делало возможным их взаимопонимание.

Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели трагический характер. Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально³¹. Шертные грамоты (присяги), оформлявшие подчинение горских народов царю, понимались Москвой как «вечное подчинение», не допускавшее никакого отхода или отделения, которые в последнем случае трактовались как «измена». «Москва с её латримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, — считает А. Каппелер, — выводила из этого претензии на свое полное господство на территории соседей, на их объединение под своим началом»³². Уже в 1590-е годы в полный титул русского царя вносится добавление: «...Кабардинские земли черкасских и горских князей... государь»³³. Со своей стороны, северокавказские «партнёры» Москвы рассматривали свои отношения с Россией как союзнические, что охотно закреплялось в шертных договорах и присягах, предполагавших взаимные обязательства. В их глазах было естественным право на смену коалиций и союзников.

2.2. XVIII век в отношениях России и Кавказа: от взаимодействия к имперскому «моналогу»

Второй этап взаимоотношений начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный. На этом этапе постепенно теряют силу факторы, дававшие возможным взаимопонимание и сотрудничество, и, напротив, накапливаются предпосылки военно-силового противостояния (Кавказской войны XIX в.).

С первой четверти XVIII в. в государственно-политической системе России происходит принципиальный модернизационный сдвиг. Возникает бюрократическое государство квазисовременного типа, выступающее как один из имперских центров в европейском «концерте» держав. У народов Северного Кавказа сохраняется сугубо традиционная социальная и политическая организация. В результате углубляется стадиальный разрыв уровней их социокуль-

турного развития. Нахождение общего языка для оформления взаимных отношений становится все более затруднительным.

Еще в начале XVIII в., даже после перестройки российской дипломатии на европейский лад и заимствования многих западноевропейских терминов и понятий, в своей грамоте от 4 марта 1711 года Петр I напрямую обращается к «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу», предлагая принять их «в подданство и оборону» на условиях военной службы против Турции и Крыма и освобождения их от подати, ссылаясь на формы взаимоотношений, сложившиеся еще в прежние времена³⁴. Но уже в 1720-30-е годы Россия подписывает серию договоров (Стамбульский 1724 г., Рештский 1732 г., Гянджийский 1735 г. и Белградский 1739 г.), в которых народы и территории Северного Кавказа выступают только как объект соглашений с Ираном и Турцией.

В основе этих сдвигов лежала активизация политики России на южном направлении. После успешного завершения Северной войны и укрепления её территориального и военно-экономического потенциала она напрямую включается в переход сфер влияния в кавказском регионе. Для набирающей мощь России становится реальной цель установления полного военно-политического контроля над Северным Кавказом. После русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Екатерина II приступает к устраниению последних внутренних и внешних помех на этом пути – ликвидируется Запорожская Сечь, существенно ограничивается самостоятельность донского казачества и, наконец, ликвидируется Крымское ханство. Уже с 1735 г. начинается строительство военных крепостей, которые к концу века составили сплошную линию русских военных укреплений от Каспийского до Азовского моря. Она заселяется казаками, и, таким образом, возникает русский «фронтон» – подвижная граница и контактная зона обществ и культур России и Северного Кавказа.

Противоречивый итог векового развития русско-кавказских отношений заключался в том, что культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами организации власти. Культуры этих обществ различа-

лись теперь не только по цивилизационной принадлежности и религии – в то время как в русской культуре уже присутствовали и развивались элементы модернизации, культура народов Северного Кавказа оставалась сугубо традиционной.

В этих условиях обозначился целый набор возможных реакций местных обществ на российское присутствие. С одной стороны, кабардинские феодальные круги начинают борьбу за сохранение своих земель, права суда и власти над своими подданными. С другой стороны, в Чечне начинается первое заметное движение под религиозными лозунгами (восстание шейха Мансура 1785 г.). Однако в то же самое время продолжается процесс добровольного перехода в русское подданство целого ряда феодальных образований и вольных обществ Дагестана, Ингушетии, Осетии³⁵.

2.3. Кавказская война как проблема взаимопонимания социокультурных систем

Третий этап российско-кавказских отношений совпадает с тем, что обозначается в исторической науке понятием «Кавказская война». Самой яркой особенностью этого понятия является то, что по всем основным его аспектам сталкиваются различные (зачастую противоположные) подходы – это касается и причин войны, и хронологии, и характера, и оценки последствий. Если все же вычленить общее содержание различных подходов, то оно сводится к растигнувшемуся на десятилетия утверждению в крае российской администрации путем военного подавления сопротивления местных народов³⁶.

Первые события такого рода прослеживаются, как это было отмечено выше, уже с последней четверти XVIII в. С начала XIX в. быстро складываются международные и geopolитические предпосылки перехода России к прямому покорению народов Северного Кавказа. В январе 1801 г. Павел I подписал манифест о присоединении Грузии к России, а после завершения русско-турецких и русско-персидских войн 1800-1820-х гг. Россия окончательно укрепилась в Грузии и присоединила Северный Азербайджан. Но между Предкавказьем и Закавказьем оставалась не контролируемая ею зона Большого Кавказа. Новая geopolитическая ситуация позволяла империи приняться за окон-

чательное и полное присоединение горских земель, оказавшихся со всех сторон окружеными российскими владениями³⁷. Состояние «необъявленной войны» для России и Северного Кавказа сохранялось до 1864 года.

Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. – невозможна.

Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений – от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это *проблема диалога и взаимопонимания культур*.

В самом деле, интенсивная фаза военного подавления началась после того, как Северный Кавказ уже оказался во внутреннем геополитическом пространстве России. Показательно, что сразу после победы в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., Николай I поставил перед командующим русскими войсками на Кавказе И.Ф. Паскевичем задачу начать другое, «столь же славное» и более важное дело – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»³⁸. Эта установка не связывается с какими-либо внешними угрозами государству, а сфокусирована на самих местных народах. Это обстоятельство уже получило четкое отражение в современных подходах к Кавказской войне. Непонятность образа жизни, обычая, психологии народов Северного Кавказа, отсутствие у них государственных институтов (за исключением приморского Дагестана) требовали значительного такта, времени и терпения. Русское правительство, «спешившее поскорее навести порядок на Северном Кавказе и посчитавшее излишним глубоко вникать в местные тонкости, решило попросту разрубить мечом гордиевые узлы горской политики. Но вместо

решения проблемы оно получило Кавказскую войну...», — пишет известный специалист в этой области³⁹. С другой стороны, для горцев «подчинение чьей-то посторонней, чуждой власти означало катастрофическое крушение всего миропорядка, потерю органичного мироощущения и самовосприятия. Отсюда и уровень непримиримости», — отмечает другой известный автор⁴⁰.

В событиях последних пятнадцати лет чрезвычайно активно был задействован фактор исторической памяти. И Кавказская война стала одним из наиболее «цитируемых» явлений прошлого. Это неудивительно. Память о ней несет в себе большое политическое и эмоциональное напряжение. С одной стороны, ставить под сомнение исторические результаты Кавказской войны — означает сегодня покушаться на территориальную целостность Российского государства. С другой стороны, трудно оставаться беспристрастным, если знаешь, например, что в результате массового истребления и насилиственного изгнания за пределы исторической родины на Северо-Западном Кавказе сохранилось не более 8 % адыгского населения.

Проблема заключается в том, чтобы на основе научного историзма найти формулы, соединяющие эмоциональное и рациональное, нравственное и политическое измерения современного исторического сознания. В связи с этим представляются значимыми следующие соображения.

Первое. Неправомерно делать практически значимые для наших дней выводы на основе акцентирования только отдельных сторон явления. Конечно, геополитический фактор, сыгравший в Кавказской войне свою роль, актуален и сегодня. Нельзя требовать от государства, чтобы оно отказалось от защиты своих геополитических интересов. Но, подчиняя социальные и культурные аспекты чистой геополитике, мы лишим себя возможности найти невоенные и более надежные механизмы интеграции северокавказских народов в социально-политическую систему единой России.

Второе. Перебрасывая мост в прошлое (скажем, к Кавказской войне), нельзя забывать, что нас от нее отделяет не пропасть и вакuum, а полуторавековой процесс совместного социального и культурного развития, постепенной и поэтапной интеграции народов региона в единое гражданское сообщество Российского государства.

дарства. Для тех сил, которые рассматривают Россию и Северный Кавказ как нечто отдельное друг от друга, новая кавказская война окажется вполне «мыслимой» или даже желанной. А для тех, кто помнит, что они соотносятся друг с другом как целое и часть, как государство и региональное сообщество его граждан, невозможно согласиться ни с террором государства по отношению к своим гражданам, ни с террористической деятельностью отдельных групп против государства и своих сограждан.

Третье. Обращаясь к прошлому, не обязательно поворачиваться спиной к будущему. А «с точки зрения будущего» нет абсолютно противоположных и несогласуемых подходов к истории. Поэтому сегодня важнее и продуктивнее не ломать копья по поводу прошлого, а изучать его во всей полноте, как совокупный опыт всего российского общества. Только в таком случае мы будем свободны от власти прошлого. Ведь изучать историю имеет смысл не для того, чтобы прошлое властвовало над нами, а для того, чтобы взять будущее под свою власть.

Тенденция ставить историю на службу злободневным политическим интересам существовала всегда. Исследователи должны быть, разумеется, свободны в *осмыслиении* истории, но это не означает свободы *манипулирования* историческими знаниями и фактами. Специалисты отмечают, что рост этнического национализма и кризисные явления, затронувшие северокавказские народы в последнее десятилетие, привели не только к поискам «национальной идеи», но и к подкреплению их созданием этноцентристских исторических схем, которые провоцируют разъединение и напряженность между народами⁴¹. Это справедливая оценка, но вопрос в том, какова альтернатива такому положению. В условиях информационной открытости современного общества невозможно предотвратить «доступ» к истории и участие в «производстве прошлого» – в том числе и для тех, кто намеренно злоупотребляет историей. Ответ заключается, во-первых, в неукоснительном применении самых строгих академических стандартов к работам, представляемым на соискание ученых степеней, и к публикациям, претендующим на статус научных; во-вторых, в восстановлении системы исторического образования в средней и высшей школе, построенной на научной основе.

Часть 2. НА ПУТИ К СОВРЕМЕННОСТИ: СИСТЕМЫ ВЛАСТИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВ (1860-1980-е гг.)

Окончательное включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Можно сказать, что между эпохой автономного общественного бытия на основе собственной социокультурной традиции и эпохой их пребывания в составе России действительно существует глубокий разрыв исторической преемственности. С другой стороны, время с 1860-х и вплоть до наших дней характеризуется принципиальным единством своего содержания. Внешне противоположные политico-идеологические формы имперского, советского и постсоветского периодов пронизываются сквозными линиями становления современных форм экономики, социальности и культуры. В рамках этой эпохи тема «Россия и Кавказ» приобретает качественно новое звучание. В XVI-XVIII вв. основным мотивом в ней являлась проблема политического взаимодействия различных исторических субъектов, сохраняющих свою самостоятельность и самобытность. В период Кавказской войны – проблема совместности в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем. А с 60-х гг. XIX в. основным мотивом становится *проблема совместного развития*, т.е. органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Ключевым для государственной политики России на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении *системы власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ*.

С этой точки зрения выделяются три этапа, в рамках которых определенным образом сочетаются формы организации государственной власти в регионе и модели реформирования местных обществ. Первый из них соответствует имперскому перформенному периоду (1860-е-1917 г.), второй совпадает с советской эпохой истории России и третий – это нынешний, постсо-

ветский (или демократический) этап политических и общественных изменений. Между первым и вторым этапами пролегает период «смуты» 1917-1920 гг., который «выпадает» из упорядоченного процесса преобразований и выступает как кризисная переходная фаза. Первое десятилетие современного этапа общественных трансформаций в России соединяет в себе черты революции (с проявлениями государственного распада) и элементы целенаправленной политики реформ.

Глава 3. Имперский опыт управления и реформ

3.1. Государственная политика в поисках социально-культурного синтеза: достижения и пределы

Современное научное кавказоведение дает достаточно взвешенные оценки имперской правительственный политики в регионе. При этом выделяются две ее характерные черты – *компетентность и pragmatism*.

Отмечается, что завоевание Кавказа Россией шло одновременно со складыванием российского кавказоведения. Причем и ведущие научные учреждения, и кавказское начальство разместились в Тифлисе. В 1851 году в Тифлисе был учрежден Кавказский отдел Императорского русского географического общества – первый из его региональных отделов. Общество было тесно связано с российскими военными властями и не раз сотрудничало с ними при разработке законопроектов, касающихся управления кавказскими горцами⁴². Уже в первой половине XIX в. большое количество статистических, экономических, этнографических и военно-топографических описаний Кавказа было выполнено офицерами российской армии⁴³. Такого рода материалы несли в себе объективную информацию обо всех сторонах жизни северокавказских народов и служили для российских властей одним из источников для принятия компетентных решений. Во второй половине XIX века панорамные обобщения были сделаны в исторических сочинениях В.А. Потто, Н.Ф. Дубровина, С.С. Эсадзе и др.⁴⁴. Неслучайно даже такой негативно настроенный по отношению к России представитель северокавказской зару-

бежной диаспоры, как А. Авторханов, признавал, что «...самые лучшие ... труды о Кавказе написали царские генералы»⁴⁵.

Всестороннее и масштабное изучение Кавказского региона со временем привело к пониманию самобытности местных народов, осознанию недостаточности силовых мер по их включению в политико-правовое поле Российской империи и тем самым предопределило направления поисков социально-культурного синтеза.

Следует отметить, что поиски эти начались еще задолго до полного покорения Кавказа. Основополагающие идеи, впоследствии в полной мере воплощенные в системе военно-народного управления, исследователи обнаруживают уже в начале XIX века в устройстве управления некоторых территорий Закавказья⁴⁶. Некоторые черты военно-народного управления присущи также действовавшим в Кабарде с 1793 по 1807 гг. родовым судам и родовым расправам, основанным на адате. В целом же управление горскими народами Северного Кавказа в тот период отличалось значительным многообразием и изменчивостью. Проблема совместности в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем постепенно выходила на первый план. В непосредственное взаимодействие вступили общества с различной социальной структурой и религией, хозяйственным укладом, с качественно разнородными системами организации власти.

Было бы ошибкой говорить о последовательной и непротиворечивой политике России в этом вопросе. Здесь сосуществовали две противоположные стратегии упрочения «спаянности» Кавказа с империей, получившие в историографии определения «регионализм» и «централизм»⁴⁷. Регионализм выступает как стратегия управления, которая использует культурное разнообразие и особенности, способствует их функциональному усилению для более органичной интеграции в единое целое. И централизм – как стратегия «принудительной интеграции», состоящая в укреплении единой вертикали власти, усилении «проницаемости» объектов управления, в том числе за счет снижения/подавления уровня их разнообразия и автономии⁴⁸.

В профессиональных научных кругах, приобщенных к разработке и осуществлению правительственной политики, выдвигались весьма глубокие идеи, предполагавшие не просто сосуществование

культур в единых имперских рамках, но их конвергенцию в общем цивилизационном процессе. Таковы были, например, взгляды выдающегося ученого-кавказоведа П.К. Услара (1816-1875 гг.)⁴⁹.

Интеграция народов Северного Кавказа в российское государство должна была быть организована таким образом, чтобы при этом не была подавлена никакая национальность, «сколько бы маловажно не казалась она нам». Цивилизационный процесс должен основываться на национальной и религиозной терпимости. Поэтому включение Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство не связывалось ученым с христианизацией народов мусульманского вероисповедания. Это пространство он понимал как поликультурное и поликонфессиональное. Средство изменить центр цивилизирующего тяготения, «оторвать их (горцев) от арабского тяготения и привлечь, незаметно для них самих, к европейско-русскому», П.К. Услар видел в распространении грамотности на родных языках народов Кавказа⁵⁰.

Но в конечном итоге, в политике «центра» на Северном Кавказе брал верх более приземленный прагматизм. Конечно, неизменной целью правительственной политики в регионе оставались водворение в горских обществах «прочного порядка» и «подчинение их общим с русским населением гражданским учреждениям». Но цель эта достигалась не любой ценой. Характерно, в частности, что на всех этапах имперской политики обязательным условием осуществления конкретных действий, реформ и других мероприятий российских властей на вновь обретенной северокавказской окраине было предварительное изучение специфики социальных отношений и культуры местных обществ. Последнее обстоятельство наиболее ярко себя обнаружило в ходе подготовки земельной и сословной реформ на Северном Кавказе.

Деятельность многочисленных комиссий, подготовивших основные положения социально-экономических преобразований, свидетельствует, что кавказская администрация стремилась без резкой, радикальной ломки адаптировать традиционный быт горского общества к потребностям нового времени, обуславливающегося «замирением» Кавказа. Детально исследуя особенности социальных и земельных отношений у нардов региона, администрация стремилась учесть их специфику, отказываясь от поспешных попыток их унификации и переустройства по образцу русских губерний.

Подготовленные в комитетах и комиссиях решения позволили сравнительно безболезненно провести земельную реформу и освобождение зависимых сословий на Северном Кавказе. Реформы не вызвали тотального отторжения со стороны местных обществ. А вот попытки выявить соответствия и перебросить мост между сословными отношениями и формами собственности в северокавказских обществах и сословным строем и экономическими отношениями в коренной России не удалось. Они оказались несопоставимы. Местные общества не были классовыми в прямом смысле слова: хотя те или иные формы социального неравенства и зависимости присутствовали, но они имели место в рамках «общинных структур». Общество структурировали локальные социальные единицы, а не классы. Отношения собственности (экономические отношения) не сложились в качестве самостоятельной сферы общественных отношений, которая была бы более или менее четко отделена от других сфер, например, общинно-родовых. Связь между социальными структурами и формами отношений собственности не являлась однозначной. Более развитые формы земельной собственности у жителей высокогорья накладывались на более архаические социальные структуры – и наоборот, более четко выраженная социальная стратификация или даже иерархия у народов предгорной и равнинной зоны базировалась порой на коллективных началах хозяйствования.

По этим же причинам на всем протяжении пребывания Кавказа в составе Российской империи сохранялись *особые формы управления краем*. В 1845 г. было образовано Кавказское наместничество, просуществовавшее с небольшим перерывом вплоть до крушения Российской империи⁵¹. Руководители наместничества понимали, что многогликий этнический и культурный мир Кавказа неизменно будет требовать к себе особого подхода и особой осторожности. Другой формой признания данного факта явилось учреждение в Петербурге Кавказского комитета – специального ведомства, занимавшегося делами региона с помощью высококлассенных экспертов под руководством первых лиц государства⁵². В реальной жизни, безусловно, имели место перегибы, но сама идея учета социокультурных особенностей вновь и вновь возникала как в умах, так и в практической политике. Успех этой политики в немалой степени зависел от лично-

стей кавказских наместников – М.С. Воронцова (1845-1854 гг.), А.И. Барятинского (1856-1862 гг.), великого князя Михаила Николаевича (1862-1881 гг.), определявших общую философию и стратегию всех преобразований⁵³.

Уже первый наместник М.С. Воронцов оставил прежние попытки ввести здесь российскую губернскую систему и, откававшись от прежнего территориального деления, вернул естественные границы этносов⁵⁴. В дальнейшем этот подход реализовался в системе так называемого военно-народного управления. Сначала основные принципы преобразования горского общества были определены в «Особой инструкции для управления горцами», составленной А.И. Барятинским в конце 1850-х гг. В дальнейшем были приняты и другие акты, конкретизирующие и развивающие соответствующие положения. При штабе Кавказской армии было создано особое учреждение «Канцелярия по управлению кавказскими горцами», которое в 1865 г. было переименовано в «Кавказское горское управление». Создание системы военно-народного управления в крае в основном завершилось после принятия в 1868-1871 гг. «Положения о сельском управлении в Дагестане» и «Положения об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении».

В 1860 г. Кавказская линия была ликвидирована, как военно-административное подразделение Кавказского наместничества, а все пространство Северного Кавказа было поделено на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Области, в свою очередь, были разделены на округа. Терская область объединяла 8 округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушский, Кумынский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный⁵⁵. Устанавливалось раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Это было, по сути, началом практического осуществления перестройки военно-колонизационного режима населения Северного Кавказа на гражданский лад. Округа делились на участки или наибства, а те, в свою очередь, на аулы.

Основные конструкты новой административной системы, получившей название «военно-народное управление» состояли в следующем. Во-первых, «гужемное население» управлялось не по законам империи, а по «народным обычаям и особым постановлениям». Во-вторых, суд над «гужемцами» принадлежал ме-

стным «народным судам» и осуществлялся под надзором местной военной власти – по адату, в некоторых случаях – по шариату и «по особым постановлениям», однако ограничивалось право «кровной мести» и право «всебо́щего применения оружия»: запрещался трехдневный грабеж имущества убийцы и захват имущества родных и односельчан неисправимого должника в обеспечении долга и в целом не допускалось применение в народных судах «решений по шариату и адату, которые противоречат общему духу наших законов». В-третьих, каждый административный начальник являлся начальником всех войск, расположенных в его районе, и имел право употреблять военную силу «в случаях не терпящих отлагательства».

Уже современники оценили правительственный курс на постепенное внедрение системы управления с максимальным учетом существующих социокультурных различий. По этому поводу Р.А. Фадеев писал: «Чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам кавказских горцев, не внушишь в них неудовольствие, недоверие и отвращение ко всем нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны. Лучшим для того средством будет применяться при всех наших преобразованиях в управлении мирными горцами к общественному их устройству и народным обычаям, каждое из этих преобразований должно быть только переходной ступенью, которую туземные племена нечувствительно могут достигнуть со временем до желаемого нравственного и гражданского развития»⁵⁶. Именно это сохранение многообразных форм традиционного местного самоуправления при достаточно жесткой унифицированной общероссийской структуре было, как считает большинство современных исследователей, главным достоинством военно-народной системы управления горскими территориями⁵⁷.

Таким образом, на Северном Кавказе в 60-х годах XIX в. установилась своеобразная система управления, которая представляла собой совокупность гражданского управления для жителей городов (Екатеринодара, Владикавказа, Моздока, Кизляра и др.) и Ставропольской губернии, военного – для казачества (Герское казачье войско и Кубанское казачье войско) и военно-народного – для горцев. Вся полнота власти находилась в руках российских офицеров, которые занимали должности от начальников областей

до начальников участков, или наибств. Им подчинялись военные, казачьи и полицейские силы, суды, сельские управлений.

Последовательное распространение положений судебной, земской, городовой реформы на те или иные территории и города Северного Кавказа практически не затрагивало общественную жизнь и судебно-административную систему собственно северокавказских народов. Вопреки расхожим представлениям, губернская система управления на них не распространялась.

В связи с этим важно отметить, что в течение всего «имперского периода» развития региона административные границы многократно изменялись, однако одной из основных тенденций в его административном устройстве, тенденцией, нараставшей на протяжении всего XIX века, явилось постепенное, но неуклонное приближение контура административных границ к очертаниям границ этнических. «Этнический принцип» в административно-территориальном делении региона соперничал с другим – общегражданским, надэтническим, при котором административные границы как бы нарочито игнорировали границы этнические. При этом административно-территориальные образования включали в себя фрагменты разных этнических территорий. Борьба этих двух тенденций административно-территориального деления была на деле выражением *одной потребности государства – в устойчивости управления территориями*.

Завершение к концу 1860-х гг. земельной и крестьянской реформы в крае, казалось, открывало путь к унификации порядка управления. Подготовленный проект о новом административно-территориальном устройстве областей Северного Кавказа был утвержден 30 декабря 1869 г. указом Александра II Правительствующему Сенату. Основное содержание нового «Положения о Кубанской и Терской областях» заключалось в устраниении существовавших особых учреждений для гражданского, казачьего и горского населения и подчинении всего населения без этнических различий в единые административно-территориальные единицы, хотя и «с необходимым по местным условиям изъятием для горцев»⁵⁸. «Изъятия», причем значительные, были сделаны и для казачьего населения. Специалисты отмечают, что в Кубанской области сложилось «не гражданское, а военно-казачье административное устройство»⁵⁹. В Терской области

административная, военная и судебная власть в округах по-прежнему принадлежала начальникам округов.

Новая система управления создавала реальные возможности инкорпорирования традиционных общественных институтов горцев, прежде всего на аульном уровне, в административно-правовую систему Российского государства. В «Положении о сельских (аульных) обществах в горском населении Терской области», утвержденном наместником Кавказа 30 сентября 1870 г., четко прослеживается стремление приблизить местное управление в горских обществах к мирскому управлению центральной России⁶⁰. Воссозданы были сельские сходы и Съезд доверенных сельских обществ, решавшие простые хозяйственные, но важные для сельского населения вопросы.

Но к концу 1880-х гг. этнический принцип, реализованный в «военно-народном управлении», вновь был призван к жизни: социально-культурная дистанция между различными группами населения края отторгла унифицированное управление. Государство вновь вынуждено было опереться на этнический принцип и ввести различный режим управления в горских и казачьих территориях. Таким образом, в регионе впервые возникли административные границы, легитимные для российской государственности. До этого существовали лишь этнические границы, не имеющие формально-правового закрепления. Новые этнические границы сопровождались тем административным, государственным оформлением, которое послужило зачатком нынешней этнополитической конструкции региона⁶¹.

Таким образом, система административно-политического контроля и управления на основе этнотERRиториальной организации северокавказского региона складывалась задолго до революции закономерным путем, в результате долгих поисков оптимальных форм интеграции местных народов в социально-политическую систему Российской империи.

Прагматизмом отличалась и религиозная политика России на Северном Кавказе. В конце XVIII-первой половине XIX века правительством был собран значительный материал о вероисповедании северокавказских народов, развалинах церквей, пережитках языческих верований. Причудливое переплетение различных религиозных обрядов и широкое распространение древних родогле-

менных культов вселяло в христианских миссионеров определенную надежду. Уже в начале XIX века известны попытки «введение религии христианского закона на таком же основании как у осетинцев и прочих около Владикавказа смежных народов»⁶². В последующие десятилетия христианская миссионерская деятельность неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне, находила неизменную поддержку и высочайшее одобрение⁶³.

Но следует подчеркнуть, что идеология православного державного покровительства неизменно сочеталась с логикой обеспечения устойчивого имперского контроля над регионом. Поэтому в тот период христианизация на Северном Кавказе так и не превратилась в один из главных инструментов российской политики. Напротив, «исламская реальность» на Северном Кавказе была со временем в полной мере осознана верховной властью императорской России. Ее экспансия стимулировала исламизацию северокавказских народов, в известном смысле способствовала консолидации как внутри различных этносов, так и между ними. События на Северном Кавказе приобретали порой характер религиозного противостояния, поэтому акценты имперской конфессиональной политики расставлялись в зависимости от текущего момента. В самый разгар Кавказской войны император Николай I, реалистически оценивая обстановку на Северо-Восточном Кавказе, приказывал главнокомандующему Кавказским корпусом генерал-адъютанту Е.А. Головину: «все истреблять, что... будет противиться, но щадить, оказывая уважение к муллам, мечетям и к вере, чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну»⁶⁴.

В этот период на смену спорадическим и поверхностным донесениям о религиозных представлениях горских народов пришло серьезное и глубокое изучение вопроса. Только за один 1869 год в Сборнике сведений о кавказских горцах, издаваемом при Кавказском горском управлении, был опубликован ряд обстоятельных работ, посвященных различным аспектам религиозной жизни⁶⁵. Вопросы религии и нужд верующих являлись предметом постоянного обсуждения на страницах периодической печати Кавказа – особенно широко эта проблематика была представлена на страницах газет «Кавказ», «Каспий» и «Терские ведомости».

При организации административной власти и судопроизводства учитывалась в том числе и конфессиональная принадлежность населения. В условиях социально-политической интеграции горских обществ в состав Российской империи «официальный» ислам выступал одним из стабилизирующих факторов, примирявшим локальное сообщество со сложившимся в нем внутренним строем с новым для него государственным порядком. Из этого взаимодействия, как считают некоторые исследователи, вопрос феномен «российского ислама», лояльного к российской государственности и толерантного к другим конфессиям⁶⁶.

В современной историографии нет единодушия как в оценке соотношения различных правовых систем (адата – шариата – российского законодательства), действовавших на Северном Кавказе, так и в оценке деятельности российских властей по этому вопросу. Одни исследователи считают, что важнейшим направлением административной политики на Северном Кавказе во второй половине XIX в. было ослабление шариата и модернизация адатного права с целью подготовить постепенный переход к российскому судопроизводству и законодательству⁶⁷. Другие, напротив, полагают, что неожиданным сторонником внедрения шариатского законодательства оказалась российская администрация. Это объясняется тем, что шариат в большей степени, чем горское право, был конгруэнтен общероссийской законодательной системе, поэтому в северокавказском регионе проводилась политика насаждения правовых норм шариата⁶⁸. Представляется, что к таким противоположным заключениям приводит недифференцированный взгляд на Северный Кавказ. Российских реформаторов в большей степени интересовали механизмы неконфликтного совмещения различных социокультурных систем. И хотя религиозная и административная политика в регионе выглядят достаточно противоречивой и непоследовательной, это скорее было проявлением тактической гибкости, призванной обеспечить достижение неизменной стратегической цели – прочного утверждения империи на вновь обретенной северокавказской периферии. Учет значимости религиозного фактора в каждом конкретном случае и разнообразие форм его использования в политике работали и на решение более отдаленных задач – приобщения «окраины к

общерусской гражданственности» и установления органичного единения горских народностей с Россией⁶⁹. Говоря современным языком, речь шла о прочной и глубокой социально-политической интеграции народов Северного Кавказа в российское общество и государство. С этой точки зрения можно не согласиться с мнением американского исследователя М. Ходарковского, указывающего исключительно на стремление России обратить кавказцев в христианство и утверждающего, что, поскольку Россия была христианской страной, сама ее политика определялась конфессиональной принадлежностью⁷⁰.

Итак, ведущим принципом российской политики на Кавказе до 1880-х гг. являлась интеграция региона в государственное пространство, и вместе с тем – допущение некоторого культурного разнообразия. При этом модификация общих целей и задач государственной политики осуществлялась в соответствии с социокультурными особенностями народов и регионов Северного Кавказа. Но является общепризнанным, что в начале 1880-х гг. правительенная политика на Кавказе претерпела определенные изменения. Новые тенденции исследователи связывают с общим поворотом внутренней политики Российской империи⁷¹. В результате Российское правительство все дальше отходит от прежних принципов толерантности и pragmatизма в отношении национальной периферии государства. Новый курс, окончательно оформившийся при Александре III, состоял в политике русификации – целом комплексе мероприятий, направленных на достижение социально-экономической, административно-правовой и культурной интеграции народов национальных окраин. Наиболее точную характеристику этому курсу дал председатель Комитета министров Н.Х. Бунге: «Император Александр III справедливо признал, что в русском государстве должны господствовать: русская государственность, т.е. русская государственная власть и русские государственные учреждения (конечно, примененные к бытовым условиям инородцев и окраин), русская народность, т.е. освобождение последней от инонземенного преобладания, русский язык, как общий государственный, и, наконец, уважение к вере, исповедуемой русским народом и его государем»⁷².

Одним из проявлений правительственноного курса на создание «однородной империи» и укрепление «русской государственности» на окраинах было упразднение в 1881-1882 гг. института Кавказского наместничества и введение должности главноначальствующего гражданской частью, который являлся одновременно и командующим войсками округа. Вместе с наместничеством был упразднен и Кавказский комитет, как утративший свои функции, а его дела были переданы в компетенцию Комитета министров. Правительство на высшем уровне ликвидировало особые формы государственно-административного устройства Кавказа, однако будущее показало преждевременность этого шага. В феврале 1905 г. институт наместничества на Кавказе был восстановлен.

Изменения в системе управления периода «контрреформ», как и программа реформ на Кавказе, подготовленная новым наместником – генерал-адъютантом графом И.И. Воронцовым-Дашковым (1905-1915 гг.), очутимых последствий для Северного Кавказа не имели, а обнаруживали себя в основном в Закавказье⁷³.

Длительный и упорный поиск общего между общественной и административно-правовой системой России, с одной стороны, и народами Северного Кавказа – с другой, способствовал, скорее, лучшему пониманию различий. Северокавказские общества оказались слишком архаичными для восприятия собственно либеральных реформ, поэтому правительство пожертвовало либеральным содерганием реформ ради достижения своего рода цивилизационного компромисса. Ценой цивилизационного компромисса стала ограниченность, если не полное отсутствие импульсов пореформенной экономической модернизации северокавказских этнических обществ. Но социальная и культурная дистанция между Центральной Россией и местными обществами не снимала, а подчеркивала актуальность проблемы социально-культурного синтеза.

Формой государственно-политической институционализации этой проблемы является имперский строй России. Типологическая характеристика Российской империи может быть существенно уточнена, если принять во внимание ее северокавказский этнорегиональный срез.

С начала 1990-х гг. наблюдается устойчивый рост интереса российских обществоведов к проблеме империи и «имперскости» в Российской истории. Уже осуществлен и специальный

историографический анализ проблематики и исследовательских подходов⁷⁴. В центре внимания находится ряд взаимосвязанных вопросов, таких, как: подходы к определению самого понятия империи; вопрос о степени соответствия России имперскому типу государств вообще; проблематика типологической характеристики Российской империи (традиционная или современная, рыхлая или централизованная, патrimonиальная или бюрократическая, колониальная или многонациональная, «империя мессианской идеи» или «империя закона и порядка»); вопрос об основаниях устойчивости империи, обеспечившей значительную, в масштабах мировой истории, продолжительность ее существования – и одновременно вопрос о причинах ее распада в XX веке.

Вместе с тем обозначились три основных направления в историографии, в рамках которых разрабатывается «имперская» история⁷⁵. Первое представлено исследованиями, в которых понятие «империя» отождествляется с понятием «великая держава». В них рассматриваются преимущественно вопросы внешней и внутренней политики Российской империи, международные отношения, расширение имперских границ и влияние этого процесса на внутриполитическую жизнь государства. Второе направление концентрируется на изучении империи как особого политического организма, характеризующегося наличием разнообразных форм и методов управления имперской территорией и особыми отношениями между государством и обществом. В центре внимания находится изучение правительственной политики, статуса имперских элит. Особое место отводится изучению отдельных регионов и политике «центра». Основой существования империи в рамках данного направления признается система отношений «центра» и «периферии», от гибкости которой зависит сохранение государственного единства империи⁷⁶. Для представителей третьего направления доминирующим является многонациональный характер имперской государственности. В рамках данного подхода исследователи обращают особое внимание на трансформацию имперской политики под воздействием процессов модернизации и национальных движений.

Для целей настоящего исследования основной интерес представляют идеи и результаты, полученные в рамках второго и третьего из указанных направлений. Рассмотрев широкий набор

«синдромных» определений империи С.П. Каспэ выделяет два признака, которые присутствуют во всех приводимых определениях, а потому могут рассматриваться как «критические». Во-первых, это сочетание этнокультурной разнородности в структуре империй и универсализма в ее политической практике. Во-вторых, это значительные территориальные размеры империи⁷⁷. При этом обращает на себя внимание, что общим знаменателем для «критических» признаков империи является их локализация на пересечении сфер культуры и политики. Разнообразие, которое постоянно включается в смысловую структуру империи, есть в первую очередь разнообразие помещенных в большое имперское пространство культурных матриц, выступающих в том числе и как набор стереотипов, определяющих все типы социального действия – экономический, политический, религиозный и т.д. Большое имперское пространство по определению является аниэтропным, оно объемлет уникальные, квазисамостоятельные социальные образования⁷⁸. Таким образом, имперская идентичность тех или иных политических систем определяется не столько характером политических институтов, сколько содержанием формирующейся в них неоднородной политической культуры.

Ценность этого подхода заключается в том, что он позволяет осуществить описание конкретной имперской системы на основе «принципа дополнительности». Речь идет о соединении «генетического» и структурно-функционального анализа, с одной стороны, и соединении анализа интенций, содержания и эффективности политики имперского «центра» с анализом социально-культурной динамики этнорегиональных сообществ и систем, образующих имперскую «периферию», – с другой.

В такой перспективе обнаруживается, что типологические характеристики Российской (и, видимо, любой другой) империи не являются инвариантными по отношению к той или иной фазе ее генезиса или по отношению к той или иной локальной социально-культурной матрице в пределах общего имперского пространства. На этом пути достижимым синтез «генерализующего» подхода, предметом осмыслиения которого является «империя» как некая разновидность политических систем, и «индивидуализирующего» подхода, нацеленного на реконструкцию определенного «среза» российского исторического процесса.

С точки зрения «участия» северокавказских этнорегиональных сообществ в российском историческом процессе (как в его политическом, так и цивилизационном измерении) проблема империи тематизируется следующим образом.

Прежде всего возникает вопрос о «начале», о времени пришествия империи на Северный Кавказ и первом контакте местных социоцивилизационных систем с Россией как с империей. С точки зрения одного из подходов, связывающего имперскую фазу истории Российской государственности с началом территориальной экспансии, она начинается «от Московского княжества и средневековой Руси». Это значит, что народы Северного Кавказа уже с XVI в. имели дело с Российской империей. Согласно генетическому определению империи, построенному на описании имперского цикла, также приходится признать существование уже в этот период необходимых условий формирования империи: 1) наличия в системе политической легитимации государства указания на его абсолютное, универсальное значение; 2) присутствия в политической практике государства устойчивой тенденции к территориальному расширению; 3) отсутствия либо ограниченности ассимиляции народов вновь включаемых в состав государства территорий, сохранения ими своих этнокультурных особенностей. В этом случае следовало бы говорить, разумеется, об империи традиционной, с политической системой патримониального типа, игнорирующей фактор соответствия политических и культурных границ. Но при этом на протяжении длительного времени (вплоть до конца XVIII в.) она не проводила политики систематического покорения территории Северного Кавказа и его включения в административно-политическую систему государства, оставаясь для местных этнополитических образований внешним «старшим партнером», а не сувереном.

Другой подход связывает начало имперского периода с первым проявлением «имперского духа» — с подавлением в 1794 г. восстания в Польше под предводительством Тадеуша Костюшко⁷⁹. С одной стороны, это согласуется с тезисом о том, что имперские системы представляют собой форму разрешения конфликтных напряжений, возникающих в конкретном геополитическом пространстве при столкновении универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этничес-

ских культур. С другой – названный рубеж хронологически римерно соответствует началу периода фактического «покорения Кавказа». Но к этому времени Российская империя сама была ближе к типу централизованных бюрократических империй. Если даже связать ее экспансию на Юг с какой либо «мессианской идеей», то реально по отношению к местным обществам на Северном Кавказе она выступала как «империя закона и порядка».

Новый поворот в теме «Российская империя и Северный Кавказ» происходит после завершения фазы военного покорения и с началом осуществления в регионе административно-правовых и социальных преобразований. В последнее время активно дискутируются вопросы политico-правового и экономического статуса Северного Кавказа в составе Российской империи конца XIX-начала XX века⁸⁰. Обобщение исследовательских позиций выводит на еще один аспект типологической характеристики поздней Российской империи – была ли она «колониальной» или «многонациональной». Детальный анализ этой проблематики выходит за пределы данного исследования, но можно отметить, что участники дискуссии тяготеют к жесткому оценочному противопоставлению позиций. Во-первых, реальная картина гораздо более сложна, чем образы «национального гнета и колониальной эксплуатации», с одной стороны, и беспроблемной «российскости», как равноправного исторического партнера народов «под эгидой России», – с другой⁸¹. Во-вторых (и это главное), ее нельзя представлять себе как законченную и статичную. Вся проблематика интеграции народов Северного Кавказа в политической, социальной, экономической и культурной сферах связана с тем, что интегрирующая их государственная и общественная система России сама находилась в постоянной динамике.

Здесь возникает еще одна тема в изучении исторической связи Российской империи и Северного Кавказа – тема модернизации. В фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова убедительно показано, что вся социальная история России периода империи (с начала XVIII в.) так или иначе есть история ее модернизации⁸². По отношению к народам Северного Кавказа Российское государство на всем протяжении его «плотного» взаимодействия с ними выступало как фактор модернизации. Вопрос о специфике самой российской модернизации в этом контексте

является вторичным⁸³. Характеризовать ли ее как запоздалую и «догоняющую», но в целом соответствующую целям и общей природе модернизационных процессов, считать ли ее только защитной, а потому ограниченной по целям, имперской или консервативной – для традиционных или даже архаичных этно-региональных социокультурных систем Северного Кавказа она выступала единственным источником модернизационных импульсов. Эндогенные движители модернизации к середине XIX в. в местных обществах были далеки от возникновения и активизации. Но это не значит, что они выступали лишь как пассивные реципиенты новых форм социальности и культуры.

Дело в том, что государство является субъектом модернизации в достаточно ограниченном смысле. Оно может проводить политику модернизации, реформировать систему управления, армию, систему образования, модернизировать промышленность и т.д. Но оно не может полностью контролировать реакцию общества на проводимые преобразования и обеспечить полное соответствие результатов первоначальным замыслам. Общество всегда выступает в качестве не только объекта, но и субъекта модернизации. И главные формы его воздействия на процесс и результаты модернизации связаны с социокультурными характеристиками общества в целом или его крупных этнонациональных сегментов.

3.2. Имперская модернизация и этнические общества Северного Кавказа: изменения условий и контекстов социально-культурного воспроизводства

Первая волна преобразований в социальных отношениях развивалась вместе с перестройкой административно-судебной системы в регионе. Какие факторы в большей степени детерминировали проведение социальных реформ на Северном Кавказе? Общие цели либерального реформаторства в России 1860-70-х гг. – или же опыт и последствия войны, стремление обеспечить спокойствие и порядок на покоренных территориях? «Идеология» или административная «прагматика» лежала в основе государственной политики в регионе?

Правительство осуществляло реформы на Северном Кавказе не по шаблону, а на основе тщательного изучения и с учетом всей специфики местных условий. Сталкиваясь с трудностями, реформаторы не форсировали осуществление преобразований, а откладывали нерешаемые вопросы. Но это имело и другие, негативные, последствия, т.к. консервировало архаические социальные структуры местных этносоциальных общностей и затрудняло их включение в модернизационные процессы социально-экономического характера, которые постепенно охватывали регион. Те аспекты реформ, в которых выражалась либерализация и демократизация общественной жизни России, вообще не распространялись на коренное население Северного Кавказа (земская, городская, военная, судебная реформы).

Разрабатывая комплекс мероприятий по проведению реформ, кавказская администрация пришла к выводу, что начинать их необходимо с определения аграрных отношений – прежде всего провести в крае земельные преобразования⁸⁴.

Первый шаг к реформе на Тереке был сделан утверждением «Положения об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 г. о введении нового территориального деления на отделы, округа, участки и наибства. Население Кабарды, ранее жившее в 116 аулах, в 1865 г. было объединено в 39 селений, которым было отведено в надел более 300 тыс. дес. земли на общинном владении⁸⁵. 199 семейств кабардинских князей и дворян получило более 100 тыс. дес. В 1863-1864 г.г. было проведено размежевание земли в Надтеречном наибстве Чечни. Здесь правительство не признало за чеченской и ингушской знатью права «почетного сословия», мотивируя это тем, что в Чечне и Ингушетии не было оформленвшейся феодальной верхушки. Но вместе с тем образовало «институт частной поземельной собственности» путем «высочайших пожалований» за личные заслуги царским офицерам и частным лицам, оказавшим властям услуги (всего более 19 тыс. дес. земли). В 1866 г. были размежеваны земли в плоскостной Ингушетии. В Кумыкском округе около 30 тыс. крестьян получили 203123 дес. земли. За 166 феодалами осталось 184396 дес. Земельная реформа в Осетии проводилась в 1853-1867 гг. В 1853 г. по распоряжению наместника Кавказа М.С. Воронцова было решено разделить плоскостную землю в Дигории между фамилиями старшин (бадилят). Не-

достаток земли в плоскостной Тагаурии привел к тому, что по решению наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича местная феодальная знать (алдары) была лишена преимуществ в получении земли.

В основу земельной реформы в Кубанской области были положены те же принципы, что и в Терской области. В июне 1861 г. командующий войсками Терской и Кубанской областей генерал-адъютант граф Н.И. Евдокимов обнародовал «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области». В нем намечалось наделение крупных феодалов большими земельными участками в 100-200 дес. в индивидуальное потомственное владение, а крестьянам – по 7 дес. на душу мужского пола на правах общинного пользования.

В Нагорной полосе Терской и Кубанской областей земельная реформа, в широком понимании этого слова, не проводилась, поскольку каждый клочок земли в горах имел своего владельца, и администрация не рискнула вмешаться в устоявшиеся веками земельные отношения. Но в целом объективным результатом земельной реформы было установление юридически узаконенных форм землепользования и землевладения. Здесь, как и во всем регионе, не менее важным аспектом земельных преобразований стала правительственная политика по переселению безземельных горцев в предгорья и на равнину, где в этот период возник ряд новых аулов, жители которых наделялись землей на общинном праве, как и все прочие. Так, в последней трети XIX века в предгорных районах Кабарды для безземельных балкарцев были созданы аулы Гунделен, Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. В новых поселках к началу XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения. Для карачаевцев было выделено 14 тыс. дес. по долине р. Теберды и 26 тыс. дес. – между Кубанью и Кумой. На этих землях основанные новые аулы: Теберда, Каменномостский, Сенты, Мара и Джегутинский⁸⁶. К концу 1920-х гг. уже 5/6 населения Ингушетии жили на плоскости. Таким образом, земельная политика Российского государства на Северном Кавказе стала фактором принципиально важных изменений, связанных с выходом горских обществ из их прежнего полузакрытого состояния, и стимулирования процессов их этносоциальной консолидации⁸⁷.

Системное проведение земельных преобразований на Северном Кавказе ускорило и процесс социального освобождения. Как известно, Манифест от 19 февраля 1861 г. не распространялся на горские народы Северного Кавказа. Только летом 1866 г. в Тифлисе был создан Особый комитет по освобождению зависимых сословий у северокавказских горских народов⁸⁸. На первом заседании комитет выработал общие принципы по освобождению крестьян. Комитет признал, что в трех областях количество зависимых сословий разное, причем наиболее многочисленны они в Кабарде, Осетии, у северо-западных адыгов. Здесь существовали три формы зависимости: административная, поземельная и личная. Административная и поземельная зависимость были ликвидированы в результате земельной реформы и раздельного поселения владельцев и зависимых. Личное освобождение зависимых сословий должно было происходить за выкуп. Размер выкупной суммы для трудоспособного крестьянина (от 15 до 45 лет) устанавливался от 180 до 200 рублей. Так как крестьяне не могли сразу выкупить себя, то они оставались временнообязанными в течение 6 лет. За это время крестьянин должен был отработать свой выкуп в хозяйстве бывшего хозяина. Оговаривался порядок освобождения и т.н. «бездрядных» холопов, фактически рабов. На крестьянскую реформу правительство выделило 152 тыс. руб.⁸⁹. Примерная численность освобожденных крестьян на Северном Кавказе в 1866-1869 гг. составила около 63 тыс. чел.

Реформы у народов Северного Кавказа были задуманы и проведены правительством России как серия последовательных действий, вносящих новые формы социальных отношений землепользования и землевладения. Но обращает на себя внимание, что либеральное начало в содержании реформ здесь было приглушенено, а их имперская pragmatika была определяющей. Там, где проводились действительно ощутимые земельные преобразования, их суть сводилась к изъятию земель в собственность казны и последующему «наделению» ими местного населения на общинном праве. Оно практически поголовно превращалось в крестьян-общинников, что существенно ограничивало его экономическую свободу и социальную мобильность. Кроме того, завоевание Кавказа сопровождалось колоссальным расхище-

нием горских земель, которое началось ещё до окончания военных действий. Так, в течение 1858-1865 гг. на территории Закубанья было основано около 40 казачьих станиц, которым было отдано более миллиона десятины земли⁹⁰. Личное освобождение зависимых сословий не было для правительства делом принципиала. Об этом свидетельствует то, что в противоположность положениям Манифеста от 19 февраля 1861 г. здесь предусматривалась уплата выкупа именно за личное освобождение, а категория райят в Дагестане получила свободу только в 1913 г.

Завершение комплекса административно-судебных, земельных и сословных преобразований означало складывание новой социально-экономической и институциональной среды, организующей социальную практику как населения, так и властей на Северном Кавказе. Можно говорить о ее эклектичности. Но именно в этой эклектичности заключалась система, поскольку речь идет о процессе постепенной и поэтапной адаптации населения к новым условиям своего существования и столь же постепенной его инкорпорации в единый социально-политический организм империи. Функциональность и эффективность созданной системы в дальнейшем определялись их соотношением с процессами социоэкономических и социокультурных трансформаций в регионе вообще – и в местных этнических обществах в частности. Правительство, кавказская администрация, пробуждающееся общественное мнение вновь и вновь возвращались к результатам аграрных, административных и судебных преобразований. Вносились предложения, что-то пересматривалось, но созданная «Система» без больших потрясений и изменений просуществовала до 1917 года.

С точки зрения социально-экономического развития Северного Кавказа пореформенное время отличалось чертами преемственности и изменений по сравнению с предшествующим периодом. Главным фактором обновления по-прежнему были интересы, цели и деятельность Российского государства, а не внутренние для горского общества импульсы и тенденции социальной динамики. Но кардинально изменилась обстановка, наступил сравнительно мирный период, когда время военно-политического завоевания края сменилось периодом экономического освоения.

Социально-экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период характеризуется тремя основными чертами. Во-первых, тесной зависимостью от широкого переселенческого движения из центральных областей России, т.е. колонизацией края в прямом смысле этого слова. Во-вторых, общими высокими темпами экономического развития и его связью с капиталистической эволюцией основных сфер хозяйства. В-третьих, ярко выраженной неравномерностью развития различных природно-географических зон (высокогорной, предгорной, степной) и этносоциальных общинностей.

Северный Кавказ принадлежал к числу районов, которые в пореформенное время заселялись наиболее интенсивно. За три последние десятилетия XIX в. количество населения здесь выросло более чем в 2 раза и согласно переписи 1897 г. составило около 4,5 млн человек⁹¹. Ход колонизации Северо-Кавказского края определялся стратегическими соображениями скорейшего вовлечения в орбиту российской социально-политической и хозяйственно-культурной среды. Правительство стремилось, чтобы в Предкавказье было создано «прочное русское ядро», на основе которого шло дальнейшее освоение и развитие новоприобретенного региона⁹².

Доля неместных уроженцев к общему числу жителей Северного Кавказа уже к 1879 году составила в Кубанской области – 33 %; в Терской – 12,9 %; в Ставропольской губернии – 23,3 %; в Черноморской – 74,1 %; в среднем по региону – 26,4 %. В 1904 г. в Кубанской области население подразделялось статистикой на жителей войскового сословия (44,5 %), иногородних (50 %) и горцев (5,5 %). Основную его часть составляли русские – 90,6 %.⁹³ В Терской области процент невойскового населения составлял 80,3. Но здесь большинство неказачьего населения принадлежало к числу коренных жителей области и только менее 1/6 части его составляли иногородние, 55 % из которых не относились к оседлому населению. По национальностям население распределялось следующим образом: русских – 40 %, кавказских горцев 51,4 %, ногайцев 3,4 % и т.д.⁹⁴ Высокие темпы колонизации Степного Предкавказья создали возможность его быстрого хозяйственного освоения. Переселенцы принесли сюда не только более прогрессивные формы обработки земли и более совершенные орудия

труда, но материальную и духовную культуру, тем самым способствуя социальному-экономическому развитию горцев.

Начиная с 70-х годов XIX в., земледелие быстро развивалось прежде всего на Кубани и в Ставрополье, а медленно – в горных районах региона. Но если в степной полосе успешно развивался земледельческий капитализм, то в горной зоне капитализм не стал господствующей формой производственных отношений⁹⁵. В горах бытовали кабально-ростовицкие формы эксплуатации. Агротехника оставалась примитивной, а труд крестьянина малопроизводительным. Поборы, взимаемые местными феодалами, и многочисленные налоги в пользу царской казны почти лишили крестьян возможности каких-либо накоплений. В итоге, количество сельской бедноты в горах росло гораздо быстрее, чем в степной полосе края, а сельской буржуазии – значительно медленнее. Сфера применения наемного труда была крайне ограниченной, и разорившиеся бедняки вынуждены были уходить далеко от дома в поисках заработка.

В таких условиях, несмотря на развитие товарно-денежных отношений, хозяйство трудящихся горцев продолжало в известной степени сохранять черты натуральной замкнутости. Торговый оборот горной зоны Северного Кавказа в 1900 г. составлял 41588 тыс. рублей, тогда как оборот степной зоны достигал 124402 тыс. рублей⁹⁶. Это наглядно демонстрирует, насколько слабее население горных районов было связано с рынком. В 1897 г. в хозяйствах казаков Терской области было 12,5 % наемных работников, у горцев – 2,4 %⁹⁷. Низкие цифры найма свидетельствуют о том, что в горских районах необходимость купли-продажи рабочей силы сдерживалась феодальными формами эксплуатации.

Однако в экономическом развитии народов Северного Кавказа в пореформенный период происходят коренные изменения. Земледелие начинает приобретать товарный характер. Главной статьей в торговле народов Терека с русским населением в первой половине XIX в. были продукты животноводства и товары кустарной промышленности. Теперь важнейшую роль в торговых операциях горцев начал играть хлеб. Сельскохозяйственный рынок постепенно расширяется и к концу XIX в. приобретает ощущимые размеры. Посевная площадь неуклонно росла везде и всюду. С 1892 по 1896 г., т.е. за 5 лет, валовой сбор зерна в Нальчик-

ском округе увеличился в два с лишним раза, во Владикавказском округе – лишь на 50 % и в Грозненском округе на 100 %⁹⁸. Такой же неравномерный процесс имел место и в станицах.

Значительные изменения происходили и в структуре посевных площадей. Горцы и казаки стали возделывать такие культуры, на которые предъявлялся большой спрос со стороны рынка. К ним относятся, прежде всего, кукуруза, пшеница, гречиха, лен, конопля, картофель и т.д. Например, за 15 лет, с 1876 по 1891 г., площадь под пшеницей увеличилась у чеченцев на плоскости почти на 46 %. Посевы кукурузы за 5 лет возросли на 39 %⁹⁹. В целом по Терской области кукуруза вышла на первое место, пшеница на второе¹⁰⁰.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве, таким образом, приводило к специализации сельского хозяйства. Если в горных аулах основой экономики на протяжении всего пореформенного периода оставалось животноводство, то в плоскостных все более развивалось хлебопашество, хотя и значительно медленнее, чем в Предкавказье. Развитие земледелия опережало качественные изменения в скотоводстве. По-прежнему животноводство носило экстенсивный характер. Его продуктивность была низка. Доходы от продажи молочных продуктов и мяса составляли незначительную сумму¹⁰¹.

В пореформенном Дагестане появились крупные садовладельцы как из числа местных жителей, так и из представителей кавказской администрации. В 1900 г. из Дагестанской области по железной дороге было вывезено 200 тыс. пудов фруктов, а в 1903 г. – 326 823 пуда. Вывоз фруктов осуществлялся в основном скупщиками¹⁰². С конца 70-х годов все больше развивается и становится развитой отраслью торгового земледелия виноградарство. В 1901 г. Дагестан вместе с Хасавюртовским и Кизлярским округами Терской области дал около 22 % общекавказского производства винограда, более 18 % общекавказского производства вина¹⁰³.

Таким образом, в 60-90-х годах XIX в. на Северном Кавказе происходил быстрый процесс заселения и освоения земель. Хотя в горах в это время еще преобладает натуральное хозяйство, в крае в целом оно быстро становится товарным. Довольно четко выделяются районы торгового зернового хозяйства – степи Кубани, Ставрополья и Терека; товарного скотоводства – восточная

часть Ставрополья и горские области; приобретают товарное значение виноградники (прежде всего – в Дагестане и в примыкающих к нему районах Терской области); наконец, формируется район поставок на рынок кукурузы, табака и подсолнечника – главным образом в западной части Кубанской области.

В развитии капитализма большую роль сыграли железные дороги Северного Кавказа. По существу, только с постройкой первой железной дороги и началось экономическое «завоевание» региона российским капитализмом. Железнодорожные магистрали, соединив главные зерновые и нефтедобывающие районы с промышленными центрами, ускоряли процесс складывания внутреннего рынка Северного Кавказа, втягивая в сферу действия все новые и новые районы региона¹⁰⁴.

В 1872 г. была утверждена концессия «Общество Ростово-Владикавказской железной дороги». В июле 1875 г. дорога была открыта. Вслед за главной линией были построены новые: в 1888 г. – Новороссийская (255 верст), в 1894 г. – Петровская (250 верст) и Минераловодческая (60 верст), в 1896 г. – Железноводская (5,3 версты) и Ставропольская (145 верст), в 1899 г. – Царицынская (501 верста), в 1900 г. – Бакинская (337,5 версты), в 1901 г. – Кавказско-Екатеринодарская (127,5 версты). Таким образом, к началу XX в. Владикавказская железная дорога связывала между собой все основные центры Северного Кавказа. О влиянии железнодорожного строительства на рост товарного обращения в пределах Северного Кавказа можно судить по тому, что за первые 20 лет эксплуатации Владикавказской железной дороги общее количество перевезенных по ней грузов возросло в 24 раза. При этом в общей массе перевезенных грузов выделялись промышленные товары¹⁰⁵.

С точки зрения соотношения традиционных и новых элементов в региональной экономике весьма важно дополнить приведенные выше данные о железнодорожном строительстве оценкой его воздействия на хозяйственную жизнь коренного населения. Современные исследователи подчеркивают, что район притяжения железной дороги был несимметричным. Он расширялся преимущественно к северу от линии Петровск – Грозный – Беслан – Тихорецкая – Екатеринодар – Новороссийск. Что же касается территорий, населенных коренными народами Се-

верного Кавказа и находившихся к югу от этой линии, то здесь район притяжения дороги представлял собой узкую полосу, непосредственно прилегающую к железнодорожному полотну. Это объяснялось главным образом тем, что возникновение крупных железнодорожных магистралей не сопровождалось строительством разветвленной сети грунтовых дорог в районах, занятых коренным населением. В результате Владикавказская дорога практически не могла оказывать существенного влияния на экономическое развитие горных районов.

Более того, такая транспортная сеть сама по себе стала фактором возникновения экономических диспропорций. Традиционная экономика Северного Кавказа строилась во многом на специализации горных районов на скотоводстве, а равнинных – на земледелии (и соответствующем обмене между ними продуктами животноводства и земледелия). И сложившаяся здесь система отгонного скотоводства предусматривала доступ для горцев на равнинные пастбища. Но с 90-х гг. XIX в. площадь пастбищных земель на равнинах Северного Кавказа начала стремительно сокращаться, потому что постройка железной дороги втянула в район товарного земледелия равнинные территории, вызвав тем самым интенсивную распашку пастбищных угодий. Результатом стал процесс сокращения поголовья скота, затронувший в 1890-1900-е гг. весь Северный Кавказ. Населению горных районов все сложнее становилось компенсировать недостаток своего хлеба за счет продажи продуктов скотоводства на равнине, а крайнее малоземелье в горах закрывало для них путь для увеличения собственного производства. Таким образом, мощный экономический подъем, связанный с бурным развитием товарного сельскохозяйственного производства, сопровождался кризисом традиционной северокавказской экономики, нарушением баланса экономического развития горных и равнинных районов и фактическим «выдавливанием» жителей гор из системы географического разделения труда в регионе. Объективно это способствовало консервации наиболее архаичных черт северокавказских обществ, усилиению внутреннего социального напряжения в них и, в конечном счете, повышению конфликтности процесса интеграции Северного Кавказа в состав России¹⁰⁶.

Северный Кавказ играл все более заметную роль в снабжении промышленных районов страны минеральным сырьем и топливом. Большие запасы нефти были разведаны в Кубанской, Терской и Дагестанской областях. Но лишь с постройкой железной дороги эта отрасль хозяйства становится действительно промышленной. Железная дорога прошла через Грозный в 1893 г., в том же году была заложена первая буровая скважина. Если за 60 лет, с 1833 по 1892 г., в Грозненском районе было добыто 3279 тыс. пудов нефти, то уже в 1893-1894 гг. ее в среднем добывалось по 6600 тыс., а в 1900 г. – 28 млн пудов. За 10 лет (1893-1902 гг.) добыча нефти здесь увеличилась в 4,3 раза. Свыше 2 млн пудов давали к этому времени Майкопские нефтяные промыслы¹⁰⁷.

Однако Грозненский район в конце XIX-начале XX в. оставался обособленным и замкнутым, был слабо связан с внутренним рынком. Местные нефтяные монополии носили узколокальный характер и уступали Бакинским нефтяным группам Ротшильдов и Нобеля.

Садонский серебросвинцовий рудник и Алагирский завод, работавший на сырье этого рудника, в Северной Осетии были основаны казнью еще в 1853 г. Но только после того, как в 1895 г. казна сдала рудник и завод в аренду частному лицу – И. Фильковичу, а тот уступил ее специально организованному русско-бельгийскому обществу «Алагир», в дело были вложены большие средства и цветная металлургия в Северной Осетии приобрела фабричный характер¹⁰⁸.

Крупные производства возникли также в цементной и табачной промышленности. Но в целом из 1289 предприятий (без железнодорожных) лишь на 140 работало по 16 и более человек. Это всего 10,9 %. Предприятия, на которых трудилось менее 5 человек на каждом, составляли более 51 %, в то время как предприятия, где работало более 100 рабочих, – всего 1 %¹⁰⁹. Как видно, крупных капиталистических промышленных предприятий в крае было мало. Большинство предприятий отличались примитивными формами организации производства и отсталой техникой.

Подвергались влиянию капиталистического развития и ремесла горцев. Разделение труда в ремеслах стало проявляться отчетливее, появилась, специализация. Некоторые традиционные ремесла отмирали, другие же, наоборот, приспособившись к

рыночным условиям, стали проникать даже на европейские рынки. Здесь весьма показательны судьбы оружейников из селений Кубачи, Харбук, Амузги¹¹⁰.

В развитии торговли в регионе во второй половине XIX в. произошли значительные сдвиги. С середины 70-х годов, когда была построена Владикавказская железная дорога, торговля на Северном Кавказе стала развиваться быстрее. К концу XIX в. она четко отразила уровень развития различных отраслей хозяйства. В более экономически развитом степном Предкавказье торговля была развита сильнее, чем в горных районах. В денежном выражении эта разница выглядела как 3:1. Okolo половины всех торговых оборотов было сосредоточено в шести городах, пять из которых – Новороссийск, Екатеринодар, Армавир, Ейск и Ставрополь – находились в степной части края, а один, Владикавказ, – в горной. В каждом из этих городов торговые обороты превышали 6 млн руб. в год. Кроме того, заметную роль в торговле региона, особенно в горных его районах, играли города Грозный, Пятигорск, Майкоп, Георгиевск, Лабинская и Моздок.

Главными предметами торговой деятельности были хлеб и другие продукты земледелия. На них приходилась треть всех торговых оборотов – 55438 тыс. руб. Куплю-продажу хлеба на Северном Кавказе вели 168 предприятий. Второе место в торговле занимала продажа изделий центрально-русских текстильных фабрик. На их долю приходилось 19,2 % торгового оборота¹¹¹. К концу XIX в. торговля нефтью и нефтепродуктами, а также другими товарами горной промышленности отеснила ряд других традиционных для Северного Кавказа отраслей торговли. В отличие от большинства других, она была сосредоточена в немногих, но крупных торговых предприятиях. Следующей группой предметов массовой торговли были скот, шерсть, кожи и т.п. Центры этого вида торговли находились на всем Северном Кавказе, но крупнейшие, естественно, были сосредоточены в районах наибольшего развития животноводства.

Наряду с концентрацией торговли различными или специфическими товарами в отдельных центрах края в пореформенное время получила широкое развитие торговля смешанными товарами во всех городах, станицах, аулах, селах и хуторах. О характере и емкости рынка, формировавшегося на Северном

Кавказе в пореформенную эпоху, дают представление следующие данные о продаже фабрично-заводских изделий. На душу населения приходилось в степной зоне 22 руб., а в горной – 11 руб. из общей стоимости проданных фабричных изделий¹¹².

Объем вывозимых из региона товаров превышал объем ввозимых вдвое. Основными предметами вывоза были продукция сельского хозяйства, нефтепродукты, строительные материалы; предметами ввоза – промышленные товары бытового назначения, сельскохозяйственные машины и орудия. Таким образом, уровень развития торговли на Северном Кавказе указывает на то, что к концу XIX в. этот край все еще был преимущественно аграрным, откуда промышленный, гораздо более капиталистически развитый Центр России получал большое количество сырья и куда он сбывал предметы производства своих фабрик.

В рассматриваемый период на Северном Кавказе вопрос малоземелья у горцев стоял особенно остро. Однако горское население не порывало с традиционным образом жизни. По данным переписи 1897 г. доля сельского населения среди кабардинцев – 99,6 %, среди чеченцев и ингушей – 99,7 и 99,2 %, осетин – 96 %. В Дагестане даже к 1917 г. хозяйственную деятельность 2/3 населения (около 70 % сельскохозяйственного производства области) можно было охарактеризовать как доиндустриальную. А к систематическому найму рабочей силы прибегали лишь 3,2 % дворов¹¹³.

Коренные народы оставались в местах традиционного проживания. Из общего числа всех чеченцев 90 % проживали в Грозненском и 8 % в Хасавюртовском округе, 98 % ингушей – в Сунженском округе, 77 % кабардинцев в Нальчикском и 19 % в Сунженском округе, 85 % балкарцев – в Нальчикском округе, 84 % ногайцев – в Кизлярском округе, 82 % кумыков – в Хасавюртовском округе, 91 % осетин были жителями Владикавказского округа, все карачаевцы (26,9 тыс. чел) жили в Баталпашинском отделе Кубанской области¹¹⁴. В подавляющем большинстве это было сельское население. Если в целом по Терской области городское население составляло почти 13 %, то среди кабардинцев, например, доля городского населения составляла 0,8 %; у чеченцев и ингушей – соответственно 0,3 и 0,8 %; а среди осетин, наиболее урбанизированных из горских народов –

4 %¹¹⁵. В Дагестане основное население городов, расположенных на этнической территории тюркоязычных народов, в этот период составляли русские, азербайджанцы, персы, горские евреи и армяне. Из числа дагестанских народов заметную долю среди горожан составляли только кумыки, остальные дагестанцы почти не были представлены в городах области¹¹⁶.

Развитие капиталистических отношений затронуло и местное население. Но общие масштабы и глубина воздействия реформ на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были весьма незначительны. Коренное население втягивалось в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов ремесла, традиционных промыслов, земледелия и животноводства. Случаи предпринимательской активности в переработке сельскохозяйственной продукции, коневодстве, промышленности носили единичный характер. Сохранялось безусловное доминирование традиционных видов деятельности, прежде всего – земледелия и животноводства. Например, по Терской области в целом в сельском хозяйстве было занято 81,2 %, а в обрабатывающей промышленности и городских промыслах – 5,4 % населения. Среди балкарцев соответственно – 90 % и 1,2 %; среди чеченцев и ингушей – 97 % и 0,5 %; среди кабардинцев – 97,6 % и 0,3 %¹¹⁷.

На фоне относительной социальной малоподвижности горских народов Северного Кавказа наиболее здравым выражением социально-экономических и культурных сдвигов в регионе стала радикальная перестройка его этнодемографической структуры. Уже в период Кавказской войны существенные демографические потери некоторых народов Северного Кавказа сопрягались с мощным миграционным притоком русского и украинского населения в регион. Численность адыгейцев за период 1830-1860-х гг. уменьшилась с 571 тыс. до 44,4 тыс., чеченцев – с 190 до 143,6 тыс., аварцев – с 161,9 до 128,9 тыс. В 60-90-е гг. XIX в. в населенных горскими народами районах Терской и Дагестанской областей сохранялся пониженный, по сравнению с общероссийским, естественный прирост населения. С другой стороны, доля русского и украинского населения Северного Кавказа росла необычайно высокими темпами. С 12,7 % в конце XVIII века она выросла до 53,8 % в 1867 году, в 1897 г. состави-

ла уже 66,3 %, а в период I мировой войны равнялась 71,5 %. Абсолютное доминирование русскоязычного населения к концу XIX в. имело место в Кубанской области (90,4 %) и Ставропольской губернии (95 %). Но и места традиционного проживания горских народов в Терской области приобрели глубоко полигэтнический характер. Русское население составляло здесь 33,7 %, но и местное население было этнически пестрым и разножзычным¹¹⁸. Незначительным было русское население Дагестана, где на долю многочисленных местных народов приходилось 95 % населения области¹¹⁹.

Таким образом, к концу XIX века на Северном Кавказе была налицо многоукладность экономики. Архаический, натуральный характер хозяйства к этому времени повсеместно подвергался эрозии. Однако на окраинах еще сохранялись особенности уклада, быта, традиционных местных производств, социальных институтов, отношений собственности. Произошел скорее подрыв устоев традиционного общества, чем его преобразование. Положение усугублялось тем, что привилегированные сословия местных обществ не получили прав российского дворянства, а население в целом имело статус инородцев. Но при этом происходили динамичные изменения в окружающей народы региона экономической, социальной и культурной среде. Традиционный для отечественной историографии тезис о многоукладности экономики недостаточен для адекватного представления социально-культурных реалий Северного Кавказа того периода. Скорее следует говорить о своеобразной «мозаичности» социально-экономической структуры региона. Границы социально-экономических секторов и укладов зачастую совпадали здесь с границами этническими.

Для народов региона это означало изменение всей картины окружающего мира. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренившиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный («имперский», «русский») социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное влияния. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия горцев Северного Кавказа становится *дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов*, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность.

3.3. Социокультурный дуализм и реакция на него горского общества

Кавказская администрация подошла к реализации реформаторских замыслов с особой тщательностью. Выше описана работа многочисленных комиссий и комитетов, собиравших и анализировавших материалы о сословно-поместных правах туземного населения. Их выводы использовались в ходе работы над проектами преобразований и непосредственно в процессе осуществления реформ. Единственным фактором, объективно не подлежащим полному учету и в тоже время кардинально влияющим на проведение реформаторских замыслов в жизнь, являлся тот спектр эмоциональных реакций местного населения, который был связан с восприятием ими преобразований, с преломлением в их сознании самой разнообразной по содержанию и точности информации: указаний должностных лиц, слухов, высказываний влиятельных лиц, собственных ожиданий.

Выявившийся уже в 1860-е гг. набор реакций местных обществ на изменение условий социального бытия устойчиво воспроизводился на протяжении всей пореформенной эпохи. В качестве ответа на ситуацию социально-культурного дуализма в каждом этносоциальном сегменте Северо-Кавказского региона проявили себя *и попытки сопротивления, и стремление «уйти» от непривычного порядка, и тенденции адаптации к новой реальности.*

Активное сопротивление российской власти, налоговому гнету, административно-судебным, земельным и иным преобразованиям выражалось в спорадических волнениях, а порой – достаточно массовых и мощных восстаниях горского населения всего Северного Кавказа.

Обзор представленных в научной литературе материалов, отражающих социальное напряжение и конфликты периода проведения основных реформ, показывает сколь сложным и мозаичным был комплекс противоречий внутри местных обществ и в их отношениях с имперской администрацией. С одной стороны, в начале 1860-х годов фиксируются выступления зависимых сословий против своих хозяев в северокавказских округах. В отношении внутренних для местных обществ социальных конфликтов имперская администрация могла выступать посред-

ником и арбитром. Но в процессе все более глубокого вторжения в условия и структуры их жизнедеятельности она все чаще оказывалась объектом недовольства и стороной конфликта.

Главной причиной антиправительственных выступлений 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и Чечне стала резко изменившаяся общественно-экономическая и политическая обстановка. Массовые переселения аулов, захват царскими властями лучших горских земель, тяжесть военно-административной системы управления и налогового гнета – все это затрагивало основную массу населения. В свою очередь, недовольна была и часть феодального сословия, чьи прававольно или невольно были ущемлены царизмом. Политикой российской администрации была недовольна и большая часть мусульманского духовенства. Стремление властей ограничить действие шариата, а по возможности выгнать и заменить его адатом, наносило сильный удар по политическим позициям мусульманского духовенства в Дагестане, которое боялось потерять свои экономические и политические привилегии¹²⁰.

Всеобъемлющая и масштабная ломка привычных условий существования при одновременном «отключении» ряда социорегулятивных функций традиционных общественных институтов усиливали «непрозрачность» нового социально-политического порядка, превращали его в источник угроз для традиционалистского сознания. В одном из рапортов 1861 г. главнокомандующий на Кавказе кн. Орбелиани сумел очень точно передать состояние северокавказских народов на тот момент. Указывая, что «в жизни народа первостепенное значение имеет вопрос о поземельных правах», он напоминал, что условия войны вызвали подрыв традиционного уклада, но не заменили его иным, стабильным и определенным порядком. Ситуация неопределенности, продолжаясь много лет, вызывала недоверие к правительству, заставляя каждого быть в постоянном опасении за будущее, и явно вела к тому, что «никто не хотел развивать свое хозяйство и употреблять на возделывание земли особенный труд, а тем более расходовать на этот предмет капитал, если таковой у него водился»¹²¹.

Но и после воплощения на практике основных преобразований в земельных и сословных отношениях, утверждения устойчивого судебно-административного порядка основания для социально-культурных трений сохранились. Особенно много-

численны были жалобы сельских обывателей на малоземелье. Другим фактором недовольства и волнений стало обложение горцев государственным налогом, что было осуществлено после земельных преобразований. По признанию главнокомандующего Кавказской армией, «обложение податями представляло наибольшее затруднение и требовало наибольшей осторожности, как в самом исполнении, так и в подготовке к нему населения». Наиболее удобным для введения подати был признан 1865 год, когда успешно решался земельный вопрос, а очередная часть «беспокойного» населения отправилась в Османскую империю¹²². Но уже в 1866 году против администрации выступили жители Кайтаго-Табасаранского округа Дагестана¹²³.

В длительной перспективе наиболее существенным проявлением активного сопротивления напору социальных и культурных перемен было глубокое и всепроникающее влияние на население Дагестана и Чечни радикальных форм ислама. Исламский фактор в явной или скрытой форме всегда имел существенное значение в этнополитических процессах на Северном Кавказе, где ислам всегда был не только религией или формой личного поведения, но также образом жизни, фактором, организующим сельскую общину, реальной политической силой¹²⁴. Процессы, протекавшие в регионе после завершения Кавказской войны, свидетельствовали о дальнейшей исламизации этнических сообществ Северного Кавказа. Мощными импульсами исламизации являлось объединение горских народов Кавказа под религиозными лозунгами в борьбе против экспансии России, связанное с познанием исходных положений мусульманской доктрины и применением их на практике. Анализ этноконфессиональной политики царской администрации в регионе показывает, что она сводилась к стремлению преобразовать ислам в некий феномен «исламской церкви», выразившемуся в попытках институализации духовенства, создании его четкой вертикальной иерархической структуры, подконтрольной органам светской власти. Система «государственного присмотра» над «мусульманством» Северного Кавказа повлияла на качественное содержание мусульманского вероучения в регионе¹²⁵. Но эффективность этого присмотра была весьма ограниченной.

В результате антиправительственные выступления 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и Чечне проходили большей частью под религиозной окраской и лозунгами «газавата». Специалисты отмечают, что после Кавказской войны мусульманское духовенство в Дагестане не только сохранило за собой все ключевые позиции, но и завоевало в массах огромный авторитет как борец за независимость. Один из первых советских руководителей Дагестана, Н. Самурский свидетельствовал, что «в Дагестане духовное лицо – не только священник, но и судья, народный учитель, военный вождь, борец за свободу и независимость, носитель образованности... Идеология, культура, быт и экономика – все находится в руках духовенства, или иначе говоря в его руках находится вся организация общественной жизни»¹²⁶. Именно в пореформенный период распространяется и закрепляется в чеченском обществе мистическое исламское учение – зикризм. А мюридизм Накшбандийского тариката на протяжении всего пореформенного периода оставался пилательной средой антироссийских выступлений.

Уже в 1863 году развернулось движение в Закатальском округе, нашедшее отклик в соседних районах Дагестана. Особенно сильным было брожение в Гумбетовском обществе. Жители его собрались около села Шавдук и решили напасть на окружное управление в Ботлике. Но царское командование успело сосредоточить в разных пунктах войска, захватить руководителей и таким образом ликвидировать движение в самом начале.

В начале 60-х годов в Чечне получило широкое распространение сектантское течение, известное под названием «зикр». В Южном Дагестане то же течение называлось «джазма». Его главным проповедником был шейх Кунта Кишиев (Кунта-Хаджи). Учение Кунты носило внешне чисто религиозный характер. Он проповедовал мир между людьми, любовь к ближнему, взаимопомощь в своих общинах и предсказывал близость часа страшного суда. Кунта требовал от своих последователей – мюридов – соблюдать шариат, а выход из всех бед, обрушившихся на головы людей, искать у бога, уповать только на его милость¹²⁷. Наряду с этими выдвигались лозунги равенства всех мусульман в борьбе с неверными.

Первое время российская администрация не видела в действиях зикристов ничего предосудительного. Учение выглядело ми-

ролюбивым, но постепенно становилось очевидным, что оно не столь безобидно, как казалось вначале. Было создано тайное зикристское управление во главе с самим Кунта-Хаджи. Участились случаи убийств представителей местной администрации. Когда новоявленный имам и его брат Мовсар были арестованы, около трех тысяч мюридов собрались в селении Шали в середине января 1864 года для того, чтобы отбить своего предводителя. После шалинского боя зикризм был запрещен, а его главные апологеты сосланы на каторжные работы. Кадии и муллы по просьбе властей провели в мечетях разъяснительные проповеди и составили специальные правила, как нужно правильно совершать богослужение. Но надежды на то, что с учением покончено, не оправдались. Весной 1865 года состоялось новое выступление зикристов¹²⁸.

Восстание 1877 г. в Дагестане и Чечне стало наиболее масштабным событием второй половины XIX в. в истории этих народов. Говоря о причинах этого восстания, обычно указывают на весь комплекс социально-экономических и политических факторов, ливавших недовольство населения. В то же время подчеркивается сила национального и религиозного отчуждения от русских в Дагестане и Чечне. В историографии традиционно ставится вопрос «о социальной базе восстания», но его решение оказывается весьма расплывчатым – крестьянство, подавленное колониальным гнетом, духовенство, отторгнутое от политического управления и недовольное практической отменой шариата даже в сфере гражданского права, попытками христианизации населения. Кроме того, активное участие в движении принимали не только потерявшие свое былое влияние феодалы, но и представители новой власти – наибы, сотники и др.¹²⁹ Спектр историографических оценок «характера» движения также широк – бунт, возникший под влиянием Турции, народно-освободительное восстание, феодально-клерикальный бунт. Признается, что эта проблема еще не до конца разработана, поэтому возможны ее различные, порой взаимоисключающие толкования¹³⁰.

Но с точки зрения этносоциального опыта вовлеченных в восстание групп населения наиболее важным представляется то, что выступление проходило под лозунгами верховенства шариата над светской властью, и то, что оно было жестоко подавлено военной силой. Влияние фактора религиозной самоидентификации

достаточно точно выразил наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич: «Общность и значительное распространение последнего восстания объясняются тем, что горцы считали себя обязанными принять в нем участие как бы по чувству религиозного долга, видя в происходившей между нами и Турцией войне, по цели и характеру ее, борьбу христианства против исламизма»¹³¹.

Преодолеть культурно-идеологические предпосылки антироссийских выступлений военно-административными, или даже собственно политическими методами было практически невозможно. Их подкрепляла отмеченная выше «мозаичность» социально-экономической структуры региона. Границы социально-экономических секторов и укладов зачастую совпадали здесь с границами этническими. С другой стороны, для местных этнических обществ, сохранивших исключительно аграрный характер, наиболее важным и острым вопросом был вопрос о земле. И здесь он имел в отличие от губерний коренной России не столько социальное, классовое, сколько «национальное» содержание. В его основе лежал не столько конфликт помещичьего и крестьянского землевладения внутри отдельных этнических обществ, сколько противоречия между отдельными народами, населявшими высокогорную, предгорную и равнинную часть региона, и главное, между собственно северокавказскими народами и казачьим населением. «Можно сказать, что горско-казачья вражда определяла главное содержание социальных противоречий на Тереке накануне революции», — отмечает современный исследователь¹³².

Социокультурная дивергенция между социально-политической системой Российской империи и местными обществами ярко обнаружилась в *специфических формах непринятия осуществлявшихся реформ*. Одной из таких форм стало движение за переселение в единоверную Османскую империю. В той или иной мере это сложное и неоднозначное явление затронуло практически все народы Северного Кавказа. Массовое переселение в Турцию адыгов Северо-Западного Кавказа на завершающем этапе Кавказской войны может рассматриваться как форма их принудительного изгнания.

Но и на этом этапе в эмиграционное движение втягивалось население и тех областей Северного Кавказа, где военные

действия давно прекратились. «Переселенческие волны» питались и неприятием осуществляемых российской властью реформ, и влиянием религиозного фактора. Причем продолжалось эмиграционное движение вплоть до начала 1920-х гг. В течение 1860-1861 гг. с Кавказа ушли 10,3 тыс. кабардинцев, главным образом представители феодальной верхушки со своими семьями, домашней прислугой и зависимыми крестьянами. Отношение к переселению в феодальной среде колебалось в зависимости от мероприятий, проводимых российской администрацией на Северном Кавказе. Наибольшего пика стремление феодальной элиты к переселению наблюдалось в преддверии проведения земельной (1863 г.) и крестьянской (1866-1867 гг.) реформ. При этом часть феодальной элиты, сохранившая после земельной реформы большие земельные наделы, всячески противилась переселению.

В течение 1865 г. покинули родину 5 тыс. семей чеченцев, 100 семейств кабардинцев, во главе которых были осетин генерал Мусса Кундухов и чеченский феодал Сайдулла. Вместе с Мусой Кундуховым в Турцию ушла часть жителей его селения – Мусанорт¹³³.

Осенью 1873 года из Майкопского и Баталпашинского уездов выехали в Турцию 420 семей числом в 3400 человек¹³⁴. В целом из Кубанской области в Турцию выселилось 20161 адыгов с 1871 по 1895 г. Выселение продолжалось и в последующие годы, но уже отдельными семьями. Массовое переселение в Турцию имело место и в Карабае. В 1902 г. десять карабаевских селений в количестве 372 семейств (4559 чел.) обратились к атаману Баталпашинского отдела с заявлением разрешить им переселиться в Турцию. Переселение свое они мотивировали неблагоприятными жизненными условиями и малым земельным наделом, не обеспечивающим существование их семей. Получив согласие царского правительства, 300 семейств (3497 чел.) в декабре 1905 года эмигрировали в Турцию. В Терской области за один только март 1895 г. 2108 семейств в количестве 16708 чел. пожелали эмигрировать в Турцию¹³⁵.

Движение за переселение в Турцию возникло в Дагестане на местной почве. В 1863 году переселились 110 домов, в 1871 году выселилось 107 домов, в 1873 году – 554 дома. Новый этап выселения дагестанцев был связан с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. и восстанием 1877 года, а вся

дагестанская эмиграция во второй половине XIX-начале XX вв. оценивается в 20-25 тысяч человек¹³⁶.

Столь длительная по времени, широкая по охвату различных национальных групп и достаточно массовая по масштабам практика переселения горцев Северного Кавказа в пределы Османской империи не может быть сведена к действию внешних факторов – военно-колонизационному натиску, социально-экономическим трудностям, агитации турецких эмиссаров и т.п. Она отражала специфическую структуру самоидентификации горцев, в которой конфессиональное измерение являлось неустранимым и самостоятельным элементом. Даже длительный по времени опыт существования в российской социально-политической среде, привыкания к ней, политическая лояльность к Российскому государству не могли изменить эту сложную структуру идентичности. Более того, сама практика переселения, возникновение зарубежной diáspоры североавазских народов, случаи возвращения ранее эмигрировавших сограждан закрепляли в их картине мира представления о трансграничном этноконфессиональном пространстве, с которым они себя так или иначе идентифицировали.

Явления социально-культурной адаптации народов Северного Кавказа к условиям включений в административно-политическую и социальную систему Российской империи были достаточно многообразны. Административная и военная служба, наем на промышленные предприятия и железные дороги, трудовая миграция не только в пределах региона, но и в Европейскую часть России (отходничество) фактически являлись формами освоения новых условий и возможностей. Этнические общества Осетии, Ингушетии, Балкарии и Карачая использовали рычаги имперской администрации, добиваясь решения проблемы малоземелья в нагорной полосе Терской области.

Во всех этих проявлениях адаптации к новой социально-культурной среде присутствовали существенные ограничения. В условиях пореформенного развития *североавазские города* утрачивают свою роль военных крепостей и становятся очагами хозяйственной и культурной жизни. Они превращаются в центры притяжения и для горского населения. Однако учащение контактов с городской средой и культурой еще не выливалось в реальный процесс урбанизации. Случай переселения горцев в

города были единичны. Это объяснялось рядом факторов. Во-первых, большинство населения городов составляли русские, для коренных народов город оказывался явлением чуждым не только в социальном, но и в этническом плане. Во-вторых, северокавказские города долгое время оставались преимущественно административными центрами, транспортными узлами, центрами хлебной торговли и только в редких случаях – добывающей промышленности. Ведущие отрасли городской экономики не относились к трудоемким, а, следовательно, не могли поглотить избыточные ресурсы, имевшиеся в сельской местности. В-третьих, к этому следовало бы добавить, что в условиях военно-народного управления весь пореформенный период сохранялись довольно жесткие ограничения на передвижение, а тем более на переселение для коренного населения.

Важнейший аспект выяснения внутренних для горского социума предпосылок успешной адаптации к условиям социально-культурного дуализма – это *эволюция статуса и социальных практик традиционной княжеско-дворянской элиты*.

На протяжении второй половины XIX в., под давлением политических и социально-экономических условий, княжеско-дворянские сословия деформировались. Но, несмотря на это, они все еще стремились остаться организующей силой, опираясь при этом на выработанные веками социокультурные стереотипы и установки. Б. Шаханов, указывая на потерю политических прав местных дворян, отмечал: «Влияние же внутреннее, хоть и ослабло, но не уничтожилось, – забыть свое былое значение привилегированные классы Кабарды, горских обществ и кумыков не могут, да и теперешняя обстановка не дает им на это никаких оснований ... даже 30-летнее существование на юридически равных со всеми правах не могли сломить традицию туземного дворянства и заставить его раствориться в народе»¹³⁷. На это же обстоятельство указывал Н. Тульчинский в статье, посвященной горскому сословному вопросу: «С уничтожением крепостного права общественные отношения низших классов к высшим изменились только в смысле зависимости, а обычай почтительности, уважения и т.д. остались прежние. По исстари склонившемуся обычаю кабардинец, кумык, осетин оказывают почтение, добровольные услуги узденям и вообще почтным лицам»¹³⁸.

Не случайно, что, добившись ослабления княжеской власти, фактически поставив ее в зависимость от администрации, российские власти на Кавказе начинают всемерно поддерживать местную верхушку. Наиболее полно эта установка была сформулирована кн. Барятинским: «Надобно, прежде всего, стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохраняются еще более или менее следы его, и создавать его действующим в империи порядком там, где оно не существует»¹³⁹.

Эта политика была направлена на использование элиты, уже подчиненной российской властью, в качестве проводника своих интересов в народе. «Скоро убедились, что черкеса можно уничтожить, но не устрашить репрессиям, и тогда прибегли к другому способу, начали усиленно обращать внимание на дворянскую и княжескую молодежь, оказывать ей предпочтение», – тонко подметил Б.Б. Шарданов. На это же обстоятельство указывал и Т.А. Шипшев, когда писал, что были «помещены несколько десятков детей почетных горцев в кадетские корпуса», после окончания которых они определялись корнетами в кавалерию дабы «горцы знакомились, вместе с кавалерийскими порядками, с цветом лучшего тогдашнего русского общества, чтобы таким образом эти первые образованные горцы служили проводниками между своими согражданиками высоких культурных отеческих забот милостивого императора в горском населении»¹⁴⁰. Эта мера, признают современные исследователи, была единственным звеном в подготовке и формировании осетинской военной интелигенции¹⁴¹.

Служба, особенно военная, наиболее полно отвечала менталитету традиционной элиты, для которой был характерен ярко выраженный индивидуализм. Вместе с тем в отличие от первой половины XIX в., когда основное внимание представителей княжеско-дворянских сословий было сфокусировано на военной службе, в пореформенный период особое значение приобретает гражданская служба. В немалой степени этому способствовали административные преобразования российского правительства на Северном Кавказе.

Практически во всех органах управления, судов, общественных структурах на территории Северного Кавказа привилегированные сословия имели заметное представительство. Так, в

каждом из административных учреждений Нальчикского округа не менее 30 % всех служащих составляли представители традиционной элиты. Это не мало, если учесть, что к концу XIX в. горская знать составляла лишь 0,2 % всего населения Кабарды и Балкарии¹⁴². Во второй половине XIX-XX вв. в округах Терской области не было ни одного учреждения, в состав которого не входил бы представитель традиционной элиты.

Княжеско-дворянские сословия северокавказских народов как наиболее образованная и социально активная часть населения зачастую выступала с конструктивными проектами по реформированию общественно-политических и государственных институтов. Очевидно, что государственная служба, являясь наиболее приемлемым родом занятий традиционной элиты во второй половине XIX – XX вв., представляла собой оптимальный канал адаптации привилегированных сословий к модернизационным воздействиям.

Либеральные реформы 60-х гг. XIX в. окончательно уничтожили институт аульных владельцев. Последние вынуждены были, приспосабливаясь к новым правилам, менять свою социальную роль, превращаясь в сельских старшин, «а в случае их несоответствия этой должности административные обязанности передавались их родственникам, как того требовал обычай»¹⁴³. Воздействовать на народ и управлять им княжеско-дворянским сословиям становилось с каждым днем все труднее. Не последнюю роль здесь играло сокращение численности княжеско-дворянских сословий при общем демографическом росте населения. Список семейств, принадлежащих к высшим сословиям в Кабарде и Балкарии, составленный сословной комиссией в 1873 г., показывает, что они от общего числа населения составляли около 2 %¹⁴⁴. К 1906 г. в Нальчикском округе привилегированные сословия составляли лишь 0,2 %¹⁴⁵. Среди факторов, вызвавших резкое снижение численности элиты помимо демографических и миграционных причин, можно указать и на тот факт, что многие выходцы из этой категории общества окрестьянились. Поддерживать статус, приличествующий дворянину, с каждым годом становилось все труднее и труднее. В 1906 г. была введена выборность старшин. С этого времени доля старшин крестьянского происхождения неуклонно возрастает. Так, в 1909 г. из 28 выбо-

рочно взятых селений Нальчикского округа в 16 селениях старшинами работали представители зажиточного крестьянства, а в 12 селениях – представители привилегированных сословий¹⁴⁶.

Оценки масштабов развития *отходничества и промышленного пайма* среди народов региона противоречивы. С одной стороны, указывается, что отходничество не было характерно для всех народностей Северного Кавказа, даже для тех, у которых имелся значительный процент малоземельных. Осетины уходили на сезонные работы не только на равнину Осетии, но и в соседнюю Балкарию и даже в Россию. Среди же чеченцев и ингушей, балкарцев, карачаевцев отход за пределы своих областей был минимален¹⁴⁷. Натуральное хозяйство, общинное землепользование, крепкие родовые связи с непрекаемой властью стариков, духовенства, племенных вождей – характерные черты горского аула тех лет.

Вчерашие крестьяне не были готовы трудиться на крупных предприятиях, а фабрики и заводы не нуждались в людях, которые не то, что бы не были способны управлять машинами, но часто не владели русским языком. И только крайняя необходимость толкала горцев на работу в промышленность края.

С другой стороны, отдельные исследователи (А.И. Хасбулатов) отмечают наличие среди трудящегося населения глубоких традиций промышленного отходничества, разнообразных профессий и высокого уровня квалификации. В обзоре по Дагестанской области за 1905 г. отмечалось, что «отхожий промысел, обязанный своим существованием сравнительной густоте населения, бедности природы, слабому развитию обрабатывающей промышленности и другим стесненным экономическим условиям, весьма распространен в области и доставляет средства к жизни беднейшей части населения»¹⁴⁸. Если в 1897 г. количество отходников составляло не более 55 тыс., то в 1913 г. их численность увеличилась до 83317 человек. По округам численность занятых отхожим промыслом составляла от 3,5 до 24,9 % к общему числу населения¹⁴⁹. Немало чеченцев и ингушей, так же как и выходцев из других народов Северного Кавказа, проживали за пределами Северного Кавказа, попав туда в поисках работы. Они были и в европейской части России, в том числе в Москве и Петербурге, и в соседних губерниях Закавказья, особенно в Бакинской губернии. По переписи 1897 г., в Закавказье

около 2 тыс. уроженцев Терской области трудились в качестве рабочих. Часть из них, приобретя рабочую квалификацию, со временем возвращались на родину и становились кадровыми рабочими. В нефтяной промышленности Баку и Грозного постоянно происходил обмен кадрами, особенно в начале XX в.

По статистическим данным конца XIX в., на Владикавказской железной дороге уже в конце XIX в. работало до 500 квалифицированных рабочих из горцев Северного Кавказа. При многотысячном составе рабочих на железной дороге эта цифра мизерная, но такой факт имел большое положительное значение. Помимо других требований, необходимым условием приема на работу нерусского рабочего было знание русского языка, которым в то время владели лишь немногие.

Наиболее крупными промышленными центрами, где работали горцы, были Алагирский серебро-свинцовый комбинат, Садонский рудник, Мизурский горнообогатительный комбинат и нефтепромыслы Грозного. Иные известные случаи их наемного труда связаны, в основном, с временной, поденной работой.

В 1860 г. среди рабочих Алагирского завода было 30 осетин, в 1872 г. – 135, что составило большинство, а на вспомогательных работах – 140 чел. С 1864 по 1872 г. численность рабочих Алагирского завода выросла с 293 до 340 чел.¹⁵⁰. В начале XX века на Садонских рудниках работало около 6 тыс. человек, большинство из которых были горцами¹⁵¹. На шести нефтепромышленных фирмах Грозного в начале XX века всего было занято 21 916 человек, в том числе 2606 чеченцев и ингушей. Чеченцы и ингуши составляли 12,4 % от общего числа рабочих, занесенных в паспортные книги (за вычетом конторских служащих). На грозненских промыслах в числе бурильщиков, ключников, масленников, чеканщиков, тормозщиков, буровых мастеров, мотористов, насосчиков, телеграфистов и слесарей 25 % составляли чеченцы и ингуши.

Большинство рабочих-чеченцев и ингушей (до 80 %) увольнялось, проработав на промыслах меньше года. Далеко не все увольнявшиеся с промыслов вновь возвращались к традиционному сельскохозяйственному производству, а отправлялись в значительной своей массе на поиски работы на городские промышленные предприятия, где условия труда были относительно

благоприятны, или нанимались на сельскохозяйственные работы в регионе, которые в сезонный период хорошо оплачивались. Таким образом, причиной большой текучести кадров среди рабочих-горцев была связь не столько с землей предков, сколько с сельскохозяйственным производством вообще¹⁵².

Наиболее ярким выражением тенденции адаптации к модернизационным сдвигам являлось медленное, постепенное, но неуклонное распространение среди народов Северного Кавказа *современных форм образования и культуры*. Уже в период с 1850 по 1887 год в Ставропольской гимназии прошли обучение 1739 горцев. В дальнейшем сеть образовательных учреждений расширялась, те или иные их виды возникли во всех округах Кубанской, Терской и Дагестанской областей.

И все же, по данным переписи населения 1897 г., грамотность населения Дагестана составляла 9,2 %, Адыгеи – 7 %, Карачая – 4,6 %, Кабарды – 3,2 %, Балкарии – 1,4 %.¹⁵³ Следующие два десятилетия не привели к качественному повороту, поскольку охват детей светским (особенно средним) образованием оставался весьма ограниченным. Согласно отчету попечителя Кавказского учебного округа за 1914 год, во всех мужских гимназиях и прогимназиях Кавказского учебного округа на 14 тыс. 137 человек всего количества учащихся, учеников-горцев было всего 230, или 1,6 %. В 25 реальных училищах из 8 тыс. 310 человек, учащихся-горцев было 526, или 6,3 %. В технических училищах учеников-горцев было 23 человека, или 3,3 %. В 23 промышленных училищах округа из 1 тыс. 925 учащихся, горцев было 43, или 2 %. В среднем в разделе общеобразовательного и профессионального среднего образования, учащихся-горцев было всего 3,06 % от общего количества обучавшихся в русских средних учебных заведениях мальчиков и юношей.

В высших начальных училищах, при общем количестве учащихся в них 20 тыс. 887, горцев состояло 218 человек, что составляло 1,04 % общего количества. Начальных училищ в округе было 1 тыс. 431 и обучалось в них 374 тыс. 444 детей, из которых 8 тыс. 497 были горцами (2,2 %). Еще хуже дело обстояло с подготовкой профессиональных учителей из числа горцев в педагогических учебных заведениях округа (учительских институтах и учительских семинарах и т.д.). В кавказском учебном округе было

всего три учительских института, где совсем не было учеников-горцев¹⁵⁴. Положение отягощалось отсутствием письменности на родном языке. Попытки же в преодолении этого недостатка не получили должной государственной поддержки.

Несмотря на эти ограничения постепенно складывается пока еще крайне тонкий слой местной интеллигенции. К 1897 году в сельских местностях Терской области насчитывалось 88 педагогических и 29 медицинских работников из горцев¹⁵⁵.

Политика правительства в области просвещения являлась частью более крупной политической цели, общие контуры которой наметил великий князь Михаил Николаевич, наместник Кавказа: «Независимо от неоспоримой важности, которую оно имеет по влиянию его на нравственное и духовное благосостояние края, народное образование является в здешнем крае, составленном из столь различных элементов народонаселения и вероисповедания, одним из самых действенных орудий для постепенного, хотя и медленного, но единственно верного устранения национальных и религиозных разнообразностей, и для слияния разновременно присоединенного к империи края, с общим государственным строем».

Но развитие и углубление процессов социально-культурного синтеза в институциональной среде, контролировавшей и организовывавшей жизнедеятельность народов Северного Кавказа в пореформенный период, сдвиги в их социальной структуре и социальных практиках не влекли за собой столь же прямых последствий для их самоидентификации.

Наместник Кавказа был, скорее всего, прав, когда констатировал в 1879 г., что за время, прошедшее после Кавказской войны, большая часть горского населения прониклась сознанием пользы и необходимости законного порядка, дорожит спокойствием¹⁵⁶. Но в структурах идентичности необходимо различать их политическое, «подданническое» измерение и культурно-психологическое измерение. На определенном этапе обретение российской государственно-политической идентичности у населения Северного Кавказа сопровождалось упрочением этнической и религиозной обособленности от основной культурной матрицы, интегрирующей Российское общество и государство.

Прежде всего, важнейшие аспекты политики государства на Северном Кавказе способствовали этноконсолидационным процессам у народов региона. XIX столетие стало эпохой кардинальной трансформации этнической карты Северного Кавказа, это время, когда формировался во многом новый этнический состав населения (прежде всего равнинных областей), изменились этнические территории и границы, менялась демографическая структура края.

Установившееся на северокавказской окраине административно-территориальное разграничение было осуществлено, с одной стороны, путем трансформации исторически сложившихся реалий, а с другой, – с учетом этнодемографических особенностей местностей. В большинстве случаев было выдержано важнейшее условие для этнического развития: принцип «сплошной территории»¹⁵⁷. При этом, скорее всего, предполагалось, что совпадение границ с этническим расселением станет залогом стабильности.

Преодолению внутриэтнических делений и перегородок способствовало масштабное укрупнение поселений в ходе проведения земельной реформы. Так, в 1865 г. в Кабарде из 116 мелких населенных пунктов было образовано 39 крупных поселений, из них тридцать (5969 дворов) находились в Большой Кабарде. Ранее, в 1830-1840-х гг., численность дворов в большинстве кабардинских селений колебалась в пределах 20-30. Имелось не мало населенных пунктов с десятью дворами, тогда как крупных поселений (до 100 и более дворов) были единицы. Все кабардинские населенные пункты были разбросаны на значительной территории. После проведения реформы 1865 г. большинство кабардинских населенных пунктов было объединено, а названия 75 из них, слитых с другими поселениями, сохранились лишь в наименованиях кварталов крупных селений, в имени отдельных фамилий и т.п. Малокабардинские селения отличались полигэтничностью. К примеру, на Таусултановской земле, кроме кабардинцев, находилось шесть осетинских поселений. В 1866 г. им было предложено переселиться в Осетию. Также многонациональными были и населенные пункты, расположенные на землях Бековичей-Черкасских. Здесь жили кабардинцы, осетины, чеченцы, кумыки, ингуши. Во время проведения переселенческой реформы, кроме осетин из Малой Кабарды в селения Над-

теречного наибства на запасные земли были переселены чеченцы, а в Назрановское общество – ингуши и карабулаки.

Существенные изменения в этнической карте и структурах идентичности северокавказских этнических сообществ были связаны с процессами переселения горцев на равнину, обосновывавшимися тяжелым земельным положением населения горных районов. В 1860-1870-е гг. на равнине Осетии возникают селения, образованные безземельными тагаурцами и куртатинцами. Уменьшение объема свободных земель в равнинной части Владикавказского округа привело к запрещению с января 1884 г. самовольных переселений на равнину безземельных горцев. Однако трудности земельного положения горцев-осетин приводили к тому, что последние, несмотря на запрещение, продолжали мигрировать на плоскость и после 1884 г. Результатом таких миграций было возникновение особой категории населения известной под названием временно проживающих. Такая же категория балкарцев появляется и в горских обществах Кабардинского округа.

Несмотря на тяжелое земельное положение большинства жителей горных обществ Чечни и Ингушетии переселение горцев-вайнахов имело свои особенности. Прежде всего, они не были массовыми и ограничивались переселением отдельных семей или небольшой родственной группы. Во-вторых, процесс переселения вайнахов на равнину отмечался значительной длительностью во времени и не был столь быстрым, как у осетин, у которых в течение нескольких десятилетий XIX в. на равнину переселилась едва ли не половина населения горных обществ. Вердимо, эти особенности процесса переселения вайнахов с гор в какой-то степени объясняют отсутствие в письменных источниках второй половины XIX-начала XX вв. фактов миграции с гор. Но полевые этнографические материалы раскрывают картину непрерывного движения вайнахов с гор, происходившего вплоть до установления Советской власти во всех районах Чечни и Ингушетии.

Интенсивное переселение на равнину способствовало процессам этносоциальной консолидации, ибо в отличие от селений горной полосы здесь создавались многофамильные, многотейловые и «многоущельные» поселения¹⁵⁸.

В целом развитие шло в направлении территориально-административного размежевания различных этнических общ-

ностей и гомогенизации «внутреннего» для данного этноса социального пространства.

Социокультурный дуализм, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в начале XX века остро ощущали *представители местной интеллигенции*. Издавая в 1913 году к 300-летию дома Романовых «Исторические сведения о кабардинском народе», В.Н. Кудашев обосновывал необходимость такого рода исследований тем, что в народной памяти уже стираются предания о его прошлом. «Новые формы жизни, – писал он, – благодаря русской и европейской культуре, отвлекают внимание народа в другую сторону, приводят его больше к современности и заставляют постепенно забывать старые исторические предания. Пройдет еще пол-столетия, и характерные основные черты старого кабардинца исчезнут»¹⁵⁹. С еще большей драматической силой выразил подобное восприятие горской действительности А.Х. Цаликов: «Вместе с ломкой натурального хозяйства гибнет весь общинно-родовой быт горца, все его верования, обычаи, традиции разлетаются прахом, все его старинные понятия о чести, о человеческом достоинстве, весь освященный веками семейно-родовой уклад... Самый характер горца начинает сильно видоизменяться. Горец чувствует, как исчезает гармония в его мыслях и в его жизни, которые давали столько уверенного спокойствия и самообладания его предкам. Жизнь выбивает его каждодневно из обычной колеи»¹⁶⁰.

С одной стороны, деятельность носителей отрефлектированной общественной мысли – интеллектуальных кругов, просветителей, публицистов – представляла собой наиболее полное воплощение форм и результатов социально-культурного синтеза. С другой стороны, трудности и проблемы на пути его достижения составляли основной предмет их размышлений и поисков. Деятельность и творчество представителей северокавказской интеллигенции, основные аспекты просветительской общественной мысли широко и обстоятельно изучены в историографии¹⁶¹, это позволяет ограничиться их обобщенным представлением под углом зрения предмета данного исследования.

Специалисты подчеркивают, что северокавказские просветители трезво видели те черты архаики, застойности традиционной горской культуры, которые препятствовали её само-

обогащению, ассимиляции новых элементов социального развития. Россия, выступившая в годы реформ модернизатором целого ряда сторон экономической и гражданской жизни горских обществ, являлась в глазах просветителей той силой, которая устранила косные и консервативные традиции, несла социально-культурное обновление. Для просветителей подъем экономических сил народа, становление современного хозяйствования – основа интеграции горцев не только в социальный и хозяйственный организм России, но и европейскую цивилизацию.

Представителей общественной мысли 60-70-х годов XIX века – ингуша Ч.Э. Ахриева, чеченца У. Лаудаева, адыгов А.-Г. Кешевы, Д.С. Кодзокова, осетин И.Д. Канукова, А.А. Гасиева и др. – волновал широкий спектр вопросов, связанных с адаптацией горских народов к глубокой социально-экономической трансформации их обществ. Творческая активность представителей северокавказской общественной мысли концентрируется вокруг блока проблем: просвещения горских народов, соответствия модернизации реформ народной ментальности, формирования новой трудовой и хозяйственной этики.

Доминирующая черта мировоззрения северокавказской интеллигенции 60-70-х гг. XIX века – европеизм. Просветители хотели видеть горские народы равными во всем просвещенным нациям Европы. Их европеизм последователен и насыщен демократическим содержанием. Это проявилось в стремлении добиться в ходе проводившихся реформ глубокой модернизации социально-административного строя горских народов, созданием письменности на родных языках дать импульс развитию национальных культур, охватить просвещенческими акциями все слои населения. Процесс преобразований, по их мысли, должен осуществляться посредством социально-культурного синтеза.

Труды представителей общественной мысли 80-90-х гг. А.Г. Ардасенова, К.Л. Хетагурова, Г.М. Цаголова, М.К. Абаева, Б.А. Шаханова свидетельствуют о сложности и неоднозначности процесса модернизации на Северном Кавказе, о трудности выработки способов и методов адаптации традиционного общества к условиям индустриальной цивилизации. Наряду с экономическими или историческими аспектами наиболее интересны в их творчестве представляется исследование ментальной

реакции различных слоев населения на происходившие в крае изменения. Северокавказская мысль 1880-90-х гг. представляет интересный и содержательный срез мировоззренческих подходов, оценок, присущих части образованного слоя горских обществ, стремившихся к выработке наиболее безболезненного варианта капиталистической эволюции края.

В работах северокавказских просветителей анализируются и культурно-исторические проблемы модернизации. Просветители считали, что при проведении преобразований необходимо учитывать социальные и культурные традиции северокавказских народов, господствующую у них систему норм и ценностей. В противном случае, по мнению Ч. Ахриева, даже самые благие намерения и действия не будут иметь должного эффекта, вызовут недоверие и враждебность. Д. Кодзоков предостерегал от торопливости в проведении преобразований, атаки на застойные и косные традиции: «Быстрота, с которой следуют перемены в жизни туземцев одна за другую, без окончательной выработки каждой из них, ставят людей в полное недоумение и совершенную неуверенность в будущую свою судьбу, доводят их до такой раздражительности и такого ослепления, что они подозревают каждое слово и каждый поступок тех из среды себя, которые благоразумно смотрят на предстоящие необходимости».

Просветители в своих работах показали изменения в структурах ментальности северокавказских народов, которые произошли в результате модернизационных процессов. Они выделяют из системы норм и ценностей, присущих традиционной цивилизации, те элементы, которые противоречат системе норм и ценностей современной цивилизации. Они подвергают критике адаты, кровную месть, абречество, калым, подчиненное положение женщины и др. Бороться с вредными, с точки зрения современной цивилизации, традициями и обычаями просветители предлагали не административным путем, а с помощью образования и воспитания.

В основе перехода от традиционной к европейской цивилизации, по мысли просветителей, должен лежать социально-культурный синтез, а отнюдь не потеря национальной и культурной самобытности. Однако на определенном этапе он порождает внутреннюю напряженность как на персональном, так и на социальном уровне. А.-Г. Кешев в своих произведениях под-

нимает проблему самоидентификации интеллигенции, которая находится на рубеже двух культур и приобретает некоторые черты «мargинальности». Герой рассказа «На холме» говорит о двойственности жизни интеллигенции: «Я вспомнил одного моего приятеля, такого же обрусовшего черкеса, как и я, который часто говоривал: «мы, брат, все живем двойной жизнью. В России на лбах наших опытный глаз прочтет черкесскую вывеску. Между своими мы кажемся более русскими, чем адыгами». Я с жаром доказывал, что я, по крайней мере, живу действительюю жизнью, жизнью образованного европейца, и что на лбу моем ни один френолог в мире не прочтет ничего отличного от европейских лбов. Теперь я вижу, что приятель мой был прав. Он раньше меня начал вглядываться в себя, раньше почувствовал под ногами зыбкость почвы, на которой мы оба тогда стояли. Величайшее несчастье и ослепление мое состояло в том, что я, будучи в душе черкесом и оставаясь им во все поры жизни, на каждом шагу не мог себе в этом дать отчета»¹⁶².

Но в целом просветительская общественная мысль, анализируя процессы социально-культурного синтеза, с неизбежностью отталкивалась от их мыслимого результата. Реальные процессы модернизационного развития народов Северного Кавказа оказывались гораздо более замедленными и «поверхностными». В начале XX века усиливаются критические мотивы в оценках опыта переформенного развития и намечаются поиски альтернативы безоговорочной интеграции в российский цивилизационный процесс.

В начале XX века в общественной мысли Ингушетии во главу угла ставится не простое обучение русскому языку, русской грамоте и русской культуре. На первый план выдвигается вопрос об автономном, самостоятельном развитии национальной экономики и культуры, о равенстве прав народов России во всех сферах жизни. В начале XX в. наряду с адыгскими просветителями европейской (русской) ориентации выступали арабисты, опиравшиеся на культуру мусульманского Востока. С просветителями их сближала вера в силу разума, воспитания и образования, в которых они также видели главное средство преобразования общественной жизни. Но отличительной чертой мировоззренческих позиций арабистов было то, что они опирались на ислам, в то время как просветители критически относились к религии во всех

сферах ее проявления. Они выдвигали требование просвещения на родном языке (на основе арабской графики).

Идея автономии получает весьма четкое выражение. «Опыт целого века показал уже достаточно наглядно, — писал В.Г. Джабагиев, — что Россия не умеет управлять Кавказом, не умеет примирять этнографические и религиозные противоречия. У нее не хватает ни инициативы, ни желания изучать и знакомиться ближе с подвластными народами. Она занималась и занимается только внешней муштрай без всякого воздействия культурными средствами». В.Г. Джабагиев считает, что для преодоления этой практики необходимо предоставить Кавказу автономию, которая будет в то же время способствовать национальному возрождению народов Кавказа¹⁶³.

Видный деятель меньшевизма А. Цаликов стал одним из руководителей созванного в мае 1917 г. в Москве Всероссийского мусульманского съезда. Он выступил на нем с докладом «Мусульмане России и федерация». В составе единого Российского государства — единая культурная автономия мусульман — вот идея А. Цаликова. Мусульман России он считал нацией, ибо «национальность, по его мнению, — это группа людей, созидающих себя объединенными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и поэтому отличных от других людей»¹⁶⁴.

Таким образом, восприятие интеллектуальными кругами Северного Кавказа общих целей экономической и политической модернизации России не вело с необходимости к более глубокой их самоидентификации с собственно российским культурно-цивилизационным ядром. Эти цели интерпретировались в собственном этноконфессиональном контексте. То, в какой степени подобные позиции отражали внутренние потребности и запросы местных обществ, измерялось уже пройденной ими дистанцией от традиций к современности. Между тем нельзя преувеличивать масштабы и глубину включения северокавказских народов в модернизационные процессы пореформенного периода. Этносоциальные общности региона имели теперь усеченную, неполную социополитическую структуру; были раздроблены и замкнуты в пределах низовых социальных единиц — сельских общин. Жесткий административно-полицейский контроль допускал функционирование элемен-

тов общественного самоуправления только на общинном уровне. Весьма ограниченными оставались масштабы включения местных этнических ареалов в систему всероссийского рынка. Сохранившаяся на протяжении этого периода социокультурная изоляция, как бы «канклавность» северокавказских обществ, резко снижала возможности органичного и позитивного усвоения социальных и культурных инноваций, успешной адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Но, с другой стороны, главные коллизии и антагонизмы общественно-политического развития предреволюционной России также не находили прямого отражения на Северном Кавказе. Основные предпосылки нарушения социально-политического равновесия в регионе создавались противоречиями самой российской имперской модернизации и назреванием ее революционного «срыва».

Глава 4. Эпоха советской модернизации

4.1. Северный Кавказ в революционной «смуте» 1917-1920 гг.

События февраля 1917 г., положившие начало революционным потрясениям в России, оказались неожиданными для всех. С этой точки зрения Северный Кавказ также не являлся исключением. Современники тех событий в регионе прямо или косвенно подчеркивали именно элемент неожиданности в восприятии Февральской революции. Однако неожиданность революционных событий, естественно, не означала отсутствия объективных причин и предпосылок для наступления революции. На Северном Кавказе также не могли не почувствовать грядущих изменений. Умар Алиев писал: «Карачаевцы знали, что жизнь 1916 года не та, что в 1913 году. Жизнь вышла из обычной колеи, и они это видели хотя бы на постепенном обесценивании царских денег, падении курса рубля, и, в частности, в этом карачаевцы убеждались по той сумме денег, которую они получали от продажи скота»¹⁶⁵.

1917 год, когда, в связи с падением монархии в России, для народов открылись определенные национальные перспективы, выявил для горцев два неоспоримых положения: с одной стороны, желание народных масс улучшить свое состояние, и, с

другой стороны, отсутствие руководящей организованной верхушки, стоящей на определенной национальной платформе. Сложность и запутанность социально-этнической карты региона предопределила различия вариантов реакции на условия социального и культурного дуализма в революционный период. При этом процессы этносоциальной консолидации отдельных народов еще не были завершены, а их массовое самосознание еще не стало самосознанием национальным. Б. Байтуган писал, что для Северного Кавказа мировая война и революция произошли немногого раньше, чем надо было бы. Процесс национального осознания среди интеллигенции не был закончен и, кроме этого, интеллигенция была еще слишком малочисленной, чтобы выделить из себя достаточные «национально-твёрдые кадры»¹⁶⁶. Но некоторые представители северокавказской интеллигенции задолго до революции осознавали необходимость кардинальных изменений в регионе. Это касалось в первую очередь изменения характера взаимоотношений России и Северного Кавказа и административно-политического статуса последнего в рамках империи. Еще в 1905 г. В.Г. Джабагиев говорил о целесообразности и настоятельной необходимости «автономного самоуправления» Кавказа¹⁶⁷.

Революция постепенно выявляла всю сложность и запутанность ситуации в регионе. Особенность Дагестана – уникальная этническая пестрота населения. При этом край не знал в прошлом межнациональной розни. Одновременно нужно отметить то, что несмотря на многолетнюю кровопролитную освободительную войну в прошлом у горцев Дагестана не наблюдалось глубокой вражды к русским как таковым. Это объяснялось тем, что военно-народное управление, введенное в Дагестане царизмом после окончания кавказской войны, не сочеталось с колонизацией края, как это было в других районах Северного Кавказа. Бесплодные горы не представляли интереса для переселенцев из России. В Терской области ситуация была несколько иной. Горско-казачья вражда определяла главное содержание социальных противоречий на Тerekе накануне революции¹⁶⁸.

В силу всех этих обстоятельств главное свое воздействие на Северный Кавказ Февральская революция оказала тем, что фактически положила начало процессу распада государства. Изначально складывшееся после Февральской революции в центре

двоевластие, скоро обернулось в Терской области «многовластием», а по сути дела – безвластием. Этому способствовали этническая и социальная мозаичность территории и административно-правовой разнобой, разделявший и даже противопоставлявший друг другу горское, казачье и иногороднее население области.

3 марта был создан Владикавказский городской гражданский исполнительный комитет – местный орган Временного правительства. Вскоре он был преобразован во «Временный Терский областной гражданский исполнительный комитет»¹⁶⁰. Тем временем, Терское казачество организовало свое «национальное», так называемое «Войсковое правительство» во главе с членом Государственной думы, комиссаром Временного правительства М.А. Карапуловым. 6 марта 1917 г. группа представителей образованной и состоятельной части горских народов объявила о создании Союза объединенных горцев Северного Кавказа – своего рода национального правительства для горского населения¹⁶¹. А в течение марта 1917 г. в городах области возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. Был создан и Терский областной Совет рабочих и солдатских депутатов, который пока еще не имел реального влияния в области.

Таким образом, после Февральской революции на Тереке возникли одновременно три правительства – областной гражданский исполнительный комитет, войсковое казачье правительство и Союз объединенных горцев Кавказа.

Меж тем в области, как и во всей стране, очень остро встал вопрос о земле, причем здесь он в первую очередь питал межнациональную рознь и вражду. Настойчивые требования о неотложном решении жизненных вопросов – национального и земельного звукали в Дагестане и Чечне, Осетии и Ингушетии, Карачае и Балкарии. По всей видимости, этими обстоятельствами был обусловлен созыв именно общегорского съезда в мае 1917 г. Во Владикавказе 1 мая 1917 г. открылся съезд «представителей горских племен Кавказа». На нем присутствовало около 300 делегатов, представлявших все народы Северного Кавказа и казачество. Съезд выразил свою преданность Временному правительству, послав приветственную телеграмму Родзянко, Льзову и Чхеидзе. Но одновременно лидеры съезда выдвинули в качестве универсального решения всех вопросов жизни мусульман

«правила Корана и шариата». Съезд создал духовное управление во главе с Н. Гоцинским, которому было присвоено звание муфтия. «Признавая в принципе, что земля должна принадлежать трудящемуся населению», съезд отложил решение аграрного вопроса до Учредительного собрания, выразив последнему желание, «чтобы при разрешении земельного вопроса «не был забыт шариат»¹⁷¹... Но главное – съезд принял Политическую программу и Конституцию «Союза объединенных горцев».

В Политической программе отмечалась необходимость установления в России федеративной демократической республики. Было признано, что «для отстаивания в Учредительном собрании принципов федеративной республики и организации Кавказской Федерации требуется единение всех горцев не только Терской области, но и всего Кавказа, и союз всех народностей, стоящих за федеративную республику. Только союз организованных горцев сможет через своих представителей осуществить эту великую задачу». Это положение было закреплено в Конституции, в которой отмечалось, что «обеспечение федеративного строя» считается одной из главных задач союзных органов (съезда и ЦК «Союза объединенных горцев»)¹⁷².

Что же касается форм самоопределения внутри «Союза объединенных горцев», то в соответствии с его Конституцией «каждый из союзных народов автономен в области своих внутренних народнохозяйственных интересов». По вопросам, относящимся к компетенции союзных органов, Дагестанский, Терский, Кубанский областные горские комитеты, а также народные, окружные и горские комитеты должны были стать местными органами Центрального Комитета. Но такое распределение полномочий часто нарушалось. Исполнительные комитеты проводили политику, преследующую в основном местные национальные интересы, которые не во всем совпадали с позицией союзных органов¹⁷³. Новому составу ЦК Союза объединенных горцев съезд поручил ведать политическими делами горцев и проводить в жизнь идею их объединения.

В работе съезда принимали участие практически все политические силы в регионе, впоследствии оказавшиеся в разных политических лагерях. 2 мая 1917 г. на съезде Р. Капланов заявил, что «само собою являлась мысль о необходимости объеди-

нения. ...мы имеем цементирующие нас факторы: религия, право, условия экономического быта. Мы, горцы Кавказа, бок о бок отстаивая свою свободу, орошили своей кровью наши горы. А это иногда может спаивать племена больше, чем что-либо другое». На открытии съезда Б. Шаханов говорил о гнете царизма, и том, что теперь «в марте 1917 года русский пролетариат и русская революционная армия, в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, нас сковавшие»¹⁷⁴.

Именно поэтому на Северном Кавказе не развернулась массовая национально-освободительная борьба за независимость от России. Можно говорить о том, что надежды, связанные с кардинальными изменениями во всех сферах общественно-политической и социально-культурной жизни, делали национальное движение в регионе составной частью общероссийской национально-освободительной борьбы.

Однако Временное правительство, как и Петроградский совет, недооценивало остроту национальных проблем. Тактика сдерживания и проволочек приводила к непрерывно нараставшей радикализации национальных движений на периферии¹⁷⁵.

И все же на Северном Кавказе не была неизбежной межэтническая «война всех против всех». 2 мая 1917 г. в своем выступлении член государственной Думы, комиссар по Терской области и войсковой атаман Терского казачьего войска М.А. Карапулов сказал: «Казаки уже не будут вмешиваться в ваши дела; они решили теперь устраивать только свою судьбу и я надеюсь, что в Учредительном собрании мы, казаки, пойдем вместе с вами, горцами». Более того, 5 мая состоялось объединенное заседание съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана и войскового круга Казачьего войска Терской области. Шаханов и Карапулов говорили о необходимости объединения усилий для искоренения вражды горцев и казаков¹⁷⁶.

Однако это было трудно сделать в условиях революционной стихии и отсутствия твердой власти. В июле 1917 г. Сунженский казачий исполком отдал приказ всем станицам прекратить сношения с горцами, рыть окопы и готовиться к межнациональной войне. 6 июля 1917 г. во Владикавказе в результате масштабного конфликта были убиты 16 ингушей и 9 ранены. На

заседании Владикавказского совета в июле 1917 г. представители казаков выступили с открытым требованием: «санкционировать поход казаков на Ингушетию»¹⁷⁷. Указанный погром горцев был не единственным. Ему предшествовал погром чеченцев солдатами в Грозном 10 мая 1917 г. Провоцирующую роль при этом сыграли слухи о поголовном вооружении горцев. После июльской владикавказской трагедии последовали и другие кровавые события. Но важное значение имело отношение к этим событиям этноэлит, которые пытались предотвратить кровавые столкновения, хотя это было небезопасно. Впоследствии Карапулов был убит в декабре 1917 г. на станции Прохладная солдатами местного гарнизона (при попустительстве казаков) за то, что «продался» азиатам, т.е. горцам¹⁷⁸. Тезис В.П. Булдакова о том, что ход этнонациональных движений в значительной степени зависел от «солдатского фактора», по-видимому, справедлив для Северного Кавказа¹⁷⁹.

После июльских событий в Петрограде и ликвидации двоевластия в центре принимались определенные меры для стабилизации обстановки и «спасения революции» на Тerekе. Но социальное и национальное нетерпение было уже разбужено. Недовольство карачаевских и балкарских скотоводов вызвало, в частности, то, что в ответ на их просьбу заставить кабардинских землевладельцев уменьшить арендную плату на пастбищах Нагорной плоскости с 20 до 10 рублей за десятину ЦК Союза объединенных горцев 20 июля 1917 г. ответил постановлением: «Принять, что как по закону, так и по шариату кабардинцы, как собственники своей земли, вольны свободно ею распоряжаться»¹⁸⁰. Осведомленный современник тех событий Б. Байтуган отмечал, что созданный майским съездом ЦК «в конечном итоге потерял контакт с массами. Каждое из племен образовало, кроме этого, свои национальные советы, которые действовали без общего плана, каждый учитывал только свои локальные интересы. Постепенно анархия заливалась Северный Кавказ»¹⁸¹.

На северокавказской социальной почве прошли суровую проверку и получили своего рода историческую оценку *главнейшие идеально-политические альтернативы*, предложенные Россией в ходе революции и гражданской войны. Речь в данном случае идет именно о политической состоятельности либо несостоятельности этих альтернатив, а не просто о военном поражении или победе.

В 1917 г. определился тот блок этносоциального и политического опыта народов Северного Кавказа, который был связан с либеральной кадетско-меньшевистской политикой. Она обнаружила свою несостоятельность в общероссийском масштабе, положив начало распаду государства, но потерпела очевидный крах и в регионе. Ее отражением на Северном Кавказе явилась деятельность так называемого «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» (май 1917-май 1919 гг.), который с самого начала поддерживал Временное правительство, проводившее либерально-кадетскую политику¹⁸².

Но с течением времени ситуация изменилась¹⁸³. Временное правительство растеряло свой политический потенциал. В национальном вопросе кадеты ограничивались требованием культурно-национального самоопределения и лишь в отдельных случаях считали возможным введение областной автономии¹⁸⁴. После Февральской революции 1917 г. кадеты начали корректировать свою позицию по национальному вопросу с учетом изменившихся реалий. В сентябре Временное правительство выступило с декларацией, в которой обещало народам России право на самоопределение на основах, которые будут выработаны Учредительным собранием¹⁸⁵. По оценке специалистов этот документ появился слишком поздно¹⁸⁶.

Г. Бамматов после июльских событий 1917 г. заявил, что линия кадетов в области внутренней и внешней политики грозит совершенно дезорганизовать демократию, лишить революцию опоры¹⁸⁷. Глубокое разочарование результатами либерально-меньшевистского этапа революции 1917 г. звучало в выступлении А. Цаликова на Демократическом советчании. С одной стороны, видел главный порок либералов в неспособности к действию: «Мы глубоко убеждены, что, несмотря на все наши ходатайства... никакие меры не будут приняты». Но, с другой стороны, предупреждал, что «одних демократических идей недостаточно, что нужна еще какая-то культура». В сентябре 1917 г. один из северокавказских большевиков Казбек Бугаев уже говорил об опасности, нависшей для целостности «государства, называемого Россией»¹⁸⁸.

Как ни странно, *политическая линия большевиков* оказалась в наименьшей степени подверженной догматизму. Установление советской власти на Северном Кавказе вылилось в

растянутый во времени поэтапный процесс не только в связи с оказанным ей сопротивлением и перипетиями гражданской войны. Большевики сумели учесть сложность обстановки и проводили здесь очень осторожную и гибкую политику. Ведь первым результатом победы Октябрьской революции стало дальнейшее углубление кризиса власти в регионе. Суть дела заключалась в том, что новая – советская – власть не располагала в регионе адекватной социальной и политической базой, но одновременно, она была неспособна установить здесь жесткий административный контроль силовым образом «сверху».

8–9 ноября 1917 г. во Владикавказе состоялось чрезвычайное совещание, на которое были приглашены представители Терского казачьего войска, ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа, комиссар свергнутого Временного правительства, представители городского самоуправления, областного Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов. Проекты организации власти на основе ее разделения между двумя автономными правительствами – казачьим и горским – или создания исполнительного органа на основе коалиции всех групп населения Терско-Дагестанского края были отвергнуты большевиками, но сами они не могли предложить определенного решения. Совещание закрылось, не приняв никакого решения.¹⁸⁹

Тем не менее, Кауаулов 15 ноября издал приказ о своем вступлении в управление казачьими отделами Терской области. То же самое сделал ЦК Союза объединенных горцев, также объявивший о распространении своей юрисдикции на территорию с горским населением.

5 декабря была опубликована совместная декларация Войскового правительства и ЦК Союза объединенных горцев о создании с 1 декабря 1917 г. Терско-Дагестанского правительства, представляющего Терское казачье войско и Союз объединенных горцев Северного Кавказа, объявленные «автономными штатами» Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей (прогозглашен еще в октябре 1917 г.)¹⁹⁰.

Но в местной газете в середине декабря справедливо отмечалось, что фактически центральной областной власти, которую признавало бы все население области, не существует¹⁹¹. Не признал Терско-Дагестанское правительство и III областной

съезд крестьянских депутатов, проходивший во Владикавказе с 15 по 24 декабря 1917 г. Он потребовал для решения вопроса о создании авторитетного органа власти созвать общедемократический съезд народов Терека и Дагестана.

Свидетельства того времени рисуют однозначную картину развала власти: «Во Владикавказе находилось сразу три «правительства»: казачье во главе с Карауловым, горское во главе с Чермоевым и Терско-Дагестанское во главе с Каплановым. Вернее сказать, три безвластных власти, *ибо в области о них не знали*, там царила форменная анархия, национальная групповая война; развязана была вся стихия, дым столбом вознесся к небу, пожарище осветило всю область, грабежи достигли апогея. Добавьте к этому вернувшуюся с фронта «дишую дивизию», принесшую с собой все худшие навыки войны, и вы представите себе картину мира и порядка, на котором поконилось Терско-Дагестанское правительство»¹⁹².

К концу же декабря 1917 г. между казаками, с одной стороны, чеченцами и ингушами – с другой, разгорелась настоящая межнациональная война. Оценивая ситуацию, Б. Байтуган подытоживал: «Одним словом, хаос царил невообразимый, и единственным реальным результатом событий конца 1917 и начала 1918 г. явилось уничтожение целого ряда русских поселений (в том числе города Хасав-Юрта) по правому берегу Терека»¹⁹³.

В такой обстановке появилась инициатива провести съезд народов Терской области. Выступил с ней «военно-революционный комитет» Сунженского отдела. Необходимость съезда связывалась с тем, что в крае царят безвластие, насилие и произвол, а национальное движение туземных народов области – чеченцев и ингушей – вызвало кровавый пожар войны. Задачей съезда провозглашалось создание в крае твердой народной власти и прекращение «крезни между казаками, солдатами, крестьянами, рабочими и туземными трудовыми народами!». Но при этом оговаривалось: «Участвует в съезде все население Терской области: казаки, крестьяне, воинские части, рабочие и все трудовые народы, кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих человеческие права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями»¹⁹⁴.

Первый съезд народов Терека работал в Моздоке 25-31 января 1918 г. Первоначальный замысел инициаторов съезда заключался в организации совместной борьбы казаков и большей части горских народов Терской области против чеченцев и ингушей. Но результаты съезда вышли далеко за пределы таких установок и приобрели во многом противоположный смысл.

Во-первых, съезд зафиксировал политический крах тех местных «правительств», которые противопоставляли себя центральной власти. С этой точки зрения характерно, что одним из важнейших аргументов местных большевиков в пользу установления советской власти было то, что регион не может оставаться в стороне от общероссийского революционного процесса.

Во-вторых, он показал, что объединить все национальные группы населения региона может именно идея межнационального мира и порядка на основе установления понятной народам власти, власти, исходящей от них самих.

В-третьих, он закрепил и сделал более эффективным принцип организации власти в области на основе этнотерриториального представительства, первоначально реализованный на съезде представителей горских племен Кавказа в мае 1917 г.

Наконец, в-четвертых, были созданы постоянно действующие органы власти в лице самого съезда (который должен был вновь собраться в более представительном составе уже через две недели) и Терского областного народного Совета.

Второй (Пятигорский) съезд народов Терека (февраль-март 1918 г.) в ходе своей работы и в основных решениях довел до логического завершения те тенденции, которые обозначились на первом (Моздокском) съезде. Особенное значение с точки зрения дальнейшего развития обстановки имели два неразрывно связанных решения – признание власти советов, установившейся в центре и принятие к руководству в области земельного вопроса положений Закона о социализации земли, утвержденного III Всероссийским съездом Советов. Эти решения предвещали неизбежное обострение социальных и национальных противоречий, поскольку строились на полном игнорировании национального аспекта земельного вопроса на Северном Кавказе. Председатель Совета Народных Комиссаров Терской республики Ф.Э. Буле твердо подчеркивал: «мы знаем лишь одну справедливость решения вопроса – в пользу неимущих и безземельных»¹⁹⁵.

Решения второго съезда всколыхнули малоземельные и безземельные народы, населявшие в основном высокогорную зону. Создалась ситуация, позволявшая приступить к слому всей системы землевладения и землепользования в области. Причем речь шла не только о ликвидации последствий военно-колониционного натиска со стороны царизма и отчуждения исконных горских земель в пользу казаков. Претензии начали предъявляться и к относительно благополучным в этом отношении коренным народам региона, которые, со своей стороны, не желали идти на уступки. Начавшийся процесс трудно и, по всей видимости, невозможно было держать в определенных рамках. Недаром в постановлении Совета Народных Комиссаров Терской Республики от 25 марта 1918 г. предлагалось малоземельному и безземельному горскому населению «сохранять полное спокойствие и отказаться от захватнических прав»¹⁹⁶.

К лету 1918 г. определяющим фактором положения всей страны уже была гражданская война. Непосредственное влияние на ситуацию на Северном Кавказе имели события на Волге, Дону и Кубани, интервенция Антанты в Закавказье.

В начале июня 1918 г. полковник Шкуро поднял антисоветский мятеж в непосредственной близости от Кабарды – в районе Пятигорска. В то же время казаки во главе с меньшевиком Г. Бичераховым совершили переворот в Моздокском отделе и 23 июня 1918 г. объявили войну Терской Советской Республике. Но при этом в обращении нового моздокского «правительства» говорилось: «Казачье-крестьянский Совет будет бороться не с народной властью, а с Советом Народных Комиссаров и его наемниками», т.е. красноармейцами.

Верхи казачества на первое место выдвигали требование, чтобы областная власть покончила «с своевольничанием и насилием Совдепов», т.е. чтобы Совдепы подчинялись соответствующим отдельским (окружным) народным Советам, как подчиняются им станичные и сельские народные Советы. Провозгласив лозунг «Казаки хотят быть хозяевами на своей земле», на своем съезде в Моздоке в конце июня 1918 г. они выдвинули требование о «казачьей автономии».

В это время и лидеры большевиков Терской Республики делали попытки умиротворения казаков. 23 июля 1918 г. во Влади-

кавказе был созван очередной IV съезд народов Терека. От имени съезда в Моздок была послана мирная делегация, а на самом съезде, по предложению Г.К. Орджоникидзе, принята резолюция о немедленном прекращении гражданской войны на Тереке. Но, в конце концов, съезд вынужден был объявить войну Бичерахову⁹⁷.

С этого времени обстановка на Северном Кавказе, смена власти, характер режимов стали определяться общим ходом гражданской войны на Юге России. Развивалось наступление войск Деникина на Северный Кавказ. Нальчик был взят ими 25 января, а Владикавказ – 10 февраля 1919 г.

Но деникинская политика восстановления «единой и неделимой России» и попытки каких-либо форм автономии народов Северного Кавказа также потерпела политический провал задолго до военного поражения Добровольческой армии. Общеизвестно, что деникинский режим натолкнулся на упорное сопротивление местного населения, и в 1919 году в регионе сложился широкий фронт антиденикинских сил, выступавших на социальной, национальной и религиозной основе.

Возникновение такого фронта во многом обусловлено политикой большевиков в регионе. Об их тактическом искусстве ярче всего свидетельствует отношение к советской власти ингушей. А.И. Деникин писал: «Ингуши – наименьший по численности и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа... Ингуши стали ландскнехтами советской власти, ее опорой, не допуская, однако же проявления ее в своем kraе»⁹⁸. Любопытную мысль об отношении ингушей к советской власти в период деникинского режима высказал некий Тембогов на страницах выпускавшейся в меньшевистской Грузии А. Цаликовым газеты «Вольный горец»: «Возврата большевиков ингуши ждали с нетерпением как манну небесную, даже при совершении намазов, при молитвах они молили Аллаха о скорейшем приходе большевиков как своих избавителей. Ингуши и слышать не хотели ни о какой другой власти, кроме советской, предполагая, что это будет такая же народная советская власть, какой она была в 1918 г.»⁹⁹.

Большевики смело пошли на блок со всеми социальными и политическими силами, враждебными Деникину. В совете обороны, созданном в Леваше 19 октября 1919 г., оказались

2 представителя духовенства, придерживавшихся панисламистских идей, 5 от «Горского меджлиса» и 10 большевиков и их сторонников. Почетным председателем Совета обороны был провозглашен Али-Хаджи Акушинский. Одновременно в нагорной Чечне Узун-Хаджи объявил о провозглашении Северокавказского эмирата, мобилизовал чеченцев и тоже развернул борьбу против Деникина. И здесь большевики пошли на политику соглашения. Из скрывавшихся в Чечне красноармейцев был создан специальный отряд, который участвовал в боевых операциях против Деникина рядом с Узун-Хаджи под чуждым для большевиков знаменем исламской монархии. Осторожность, показное уважение к религиозным чувствам горцев, временная лояльность в отношении представителей духовенства, пользовавшихся уважением населения, позволили большевикам до прихода красной армии вести в тылу Деникина активную вооруженную борьбу, а также сохранить в крае большие симпатии к советской власти²⁰⁰.

Призывы на борьбу с Деникиным во многих аулах раздавались с минаретов. Сопротивление деникинцам не прекращалось ни на один день. Объявленная Деникиным по Северному Кавказу мобилизация в Белую армию срывалялась. Все назначенные Деникиным правители сообщали о неудаче попыток вовлечения горцев в свою борьбу. Они прибегали к старому испытанному способу – осуществлению карательных экспедиций в аулы, однако кроме озлобления и всевозрастающего отпора эти походы ничего не давали²⁰¹. Против Добровольческой армии выступила и Горская Республика, которая рассматривала действия Деникина как покушение на самоопределение горских народов Кавказа. В «Протесте Горского Меджлиса», направленном представителям Антанты, говорится, что горские народы «никогда не примирятся и не покорятся воле Добровольческой армии, а будут с оружием в руках очищать территорию от насильников»²⁰².

Но были и исключения. Весной 1919 г. Гоцинский заявил, что не хочет противостоять вступлению Добровольческой армии в Дагестан. Он воспринимал Деникина как генерала старой русской военной школы, который, по его мнению, был способен навести порядок. Из двух зол Гоцинский выбрал меньшее – деникинцев, а не большевиков. Узун-Хаджи был рассержен на него за это, назвал изменником, и отношения между ними были испорчены²⁰³.

В период революции и гражданской войны на Северном Кавказе выдвигались различные типы социальных лидеров – *«политики», крестьянские вожаки, духовные авторитеты*. Развитие событий в тех или иных этнических ареалах Северного Кавказа различалось.

В Осетии, прежде всего во Владикавказе, наибольшую активность проявили политические организации и силы, склоненные по общероссийским образцам. Так, например, социал-демократами были А. Цаликов, С. Такоев, социалистами-революционерами А. Кантемиров и др. Летом 1917 г. образовалась осетинская революционно-демократическая партия «Кермен». Партия «Кермен» – явление уникальное и исключительное в политической истории не только Осетии, но и всего Северного Кавказа. Исключительность этого явления заключается в том, что впервые в практике революционной борьбы появилась политическая организация большевистского толка, но в «национальной обертке», приспособленной для работы в «кавказских условиях»²⁰⁴.

На всем протяжении революционного периода здесь сохранялось лидерство относительно просвещенных «партийных» политиков. Политическая повестка дня формулировалась в социально-политических терминах, адекватно отражавших общее содержание революционного процесса в России. Массовая мобилизация осетинских крестьян обеспечивалась их заинтересованностью в решении земельного вопроса, как это обещали большевики.

В Ингушетии на первый план выдвигался национальный конфликт, питаемый давней враждой с казаками, но и он имел четкое социально-экономическое содержание – стремление к преодолению земельного голода.

Для адыгского ареала Северного Кавказа достаточно характерны попытки изолироваться от нарастающего военно-политического конфликта. Летом 1918 г. положение Терской республики ухудшилось. В июне 1918 г. полковник Шкуро поднял мятеж в непосредственной близости от Кабарды – в районе Пятигорска. В то же время казаки во главе с Г. Бичераховым совершили переворот в соседнем с Нальчикским округом Моздокском отделе²⁰⁵. «Казачье-осетинские банды», по выражению Г.К. Орджоникидзе²⁰⁶, в начале августа ворвались во Владикавказ. В таких условиях в тот же день, 6 августа 1918 г., в Нальчи-

ке собрался IV окружной народный съезд. На нем была получена информация о захвате Владикавказа и разгоне Совета народных комиссаров, в связи с чем комиссар Владикавказского округа приказывал выступить против казачьих сил. Была образована комиссия из духовных лиц для изучения вопроса с точки зрения шариата. 14 августа было объявлено решение комиссии духовных лиц, которая «приняла к заключению: по отношению к войне и миру держать нейтралитет»²⁰⁷, объясняя это необходимостью «сохранения физического существования» малочисленного кабардинского народа. Адыгское население Кубанской области в целом стремилось избежать вовлечения в вооруженную борьбу. Но вооруженные отряды различной политической ориентации пытались использовать предгорья для создания своих баз и вели агитацию в местных аулах. Это обстоятельство, усиленное традиционным недоверчиво-враждебным отношением к черкесам, имело результатом жестокие репрессии против ряда адыгских аулов со стороны красных частей. Можно сказать, что адыгское население Северного Кавказа было втянуто в конфликт помимо своей воли. Когда же это произошло, выявилась важная роль местных крестьянских војаков в самоорганизации крестьянских общин в условиях крайней нестабильности социально-политической ситуации²⁰⁸.

В Дагестане и нагорной Чечне активную роль с самого начала революции начинает играть ислам, вокруг которого стали консолидироваться многие политические силы. В Дагестане в период революции было немало религиозных деятелей: шейх Хасан Кахибский, шейх Сайпула Кади Башларов, шейх Али Хаджи Акушинский и другие.

Перед мусульманскими лидерами встал ряд жизненно важных вопросов. Какой приоритет – религиозный или этнический – избрать в меняющемся мире? Ряд объективных факторов способствовал усилению влияния ислама: рост тягот и бедствий значительной части населения; ощущение отставания от развитых центров; падение доверия к российским партиям и правительствам; опасение духовного осуждения за счет «разлагающегося» воздействия революционного процесса²⁰⁹.

Широкие массы горцев не могли сразу понять политическую программу сил, стоявших по разные стороны баррикад революции. В таких условиях ислам становился духовной опо-

рой. В апреле 1917 г. в тогдашней столице Дагестана Темир-Хан-Шуре было создано общество исламистов «Дамиат-уль-исламия», руководители которого — представители духовенства Н. Гоцинский, Узун-Хаджи, националисты М. Дибиров, Д. Апасев и др. — пропагандировали панисламизм, выдвинули лозунг объединения мусульман. В мае 1917 г. во Владикавказе на съезде представителей буржуазии, феодалов и духовенства Северного Кавказа Н. Гоцинский был избран муфтием (главой мусульманского духовенства)²¹⁰.

Но были и радикально настроенные мусульманские деятели, которые хотели победу Февральской революции и предоставление народам России, в т.ч. и Кавказа, демократических свобод использовать для образования на Северном Кавказе имамата — теократического государства. Узун-Хаджи 17 августа 1917 г. провел обряд избрания Н. Гоцинского имамом. Однако 20 августа в селении Анди, куда прибыли члены ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, состоялось совещание, на котором частью было выражено несогласие с выборами имама, и Гоцинский принял прежний сан муфтия²¹¹.

Группируясь вокруг ислама, верхи горцев отлично учитывали психологию бедняка-горца, которого, по словам активного участника событий А. Тахо-Годи, «в то время в буквальном смысле слова можно было обмотать вокруг пальца, если ему твердить о Боге, пророке Магомете и шариате»²¹².

В то же время большевистских организаций, работавших непосредственно в горской крестьянской массе, в начале революции в крае по существу не было. В таких условиях представители большевистской партии крайне осторожно подходили к проведению классовой пропаганды. «Не все, что хорошо для Центральной России, применимо к местному укладу, — говорил один из революционных деятелей М. Дахадаев. Что значит социализация земли для горца, на своем горбу выходившего плодородный клочок. Есть еще одна любопытная сторона для знающих Дагестан — это глубокая вера в пророка и непреложность тех нравственных и правовых начал, которые изложены в шариате. Спекулируя на чистой вере, темные силы создали здесь целое клерикальное движение и таким образом отодвинули народ на доброе полтысячелетие назад»²¹³. Вот почему в Дагестане и в нагорной Чечне

стало возможным и провозглашение имамата, и создание эмирата во главе с фанатичными религиозными лидерами, вступившими в вооруженную борьбу как с денкинским режимом, так и с советской властью. Политические результаты здесь определялись гибкой тактической линией большевиков по отношению к глубоко религиозному крестьянству и общим исходом военно-политического противостояния в России.

Все историки, изучавшие этот период, подчеркивают тактическое мастерство, политическую гибкость и осторожность, проявленные большевиками во взаимоотношениях с местными народами и мусульманским духовенством. Суть дела не в их pragmatizme, ловкости и беспринципности, а в вынужденном признании ими того, что северокавказская реальность не укладывается в прокрустово ложе идеологических программ и политических схем. Бессмысленно упрекать их в непоследовательности. С позиций сегодняшнего дня гораздо важнее другой урок – эффективной может быть только такая политика, которая учитывает «сопротивление материала», не только считается с ним, но умеет мобилизовать в собственных целях социальную и национальную энергию, сконцентрированную в народах, регионах, социальных группах. Не случайно, что, в конечном счете, задачу нового содириания Российского государства все-таки удалось решить именно большевикам.

Если рассматривать процессы, развернувшиеся на российском политическом пространстве в 1917-1922 годах, не с идеологической или социальной точки зрения, а в контексте государственно-политического развития, то очевидно, что главным их содержанием были распад и последующее содириание Российского государства в новой пространственной и политической конфигурации. Для того чтобы лучше понять место Северного Кавказа в этом процессе, важно не утонуть в деталях, а разглядеть *действие формообразующих факторов*, определивших новый политический механизм его интеграции в государственную систему Советской России.

Прежде всего, следует подчеркнуть: хотя конечный итог революционного процесса на Северном Кавказе определялся исходом противоборства основных военно-политических лагерей, столкнувшихся в гражданской войне, социально-политичес-

кие процессы в регионе развивались автономно под воздействием внутренних для Северного Кавказа факторов и в результате активности самих его народов.

Содержание этой активности определялось не социально-классовым противоборством и не массовой тягой народов региона к отделению от России. Главная проблема, с которой столкнулись в этот период северокавказские народы – это восстановление какого-либо устойчивого порядка взамен рухнувшего имперского и формирование соответствующих механизмов для регулирования наиболее конфликтогенных сфер общественной жизни региона – межнациональных и поземельных отношений. Это было, по сути дела, проявлением политической самоорганизации местных этно-социальных общностей, в которой соединялись автохтонные традиции политического самоуправления и устойчивость административно-территориального деления, установленного в регионе российской государственной властью.

4.2. У истоков современной национально-государственной структуры региона

Расхожее представление о том, что большевики искусственно создали систему национально-территориальных автономий на Северном Кавказе, является весьма поверхностным. Ход событий периода революции и гражданской войны также противоречит этому. В условиях противоборства в постоктябрьский период на Северном Кавказе были созданы Кубано-Черноморская, Терская и Северо-Кавказская республики.

Этнотерриториальная структура Северного Кавказа, которая до этого времени выполняла функции административного управления жизнью местного населения, восприняла теперь функции политического представительства его народов. Весь ход событий 1917-1918 гг. в Терской, Кубанской и Дагестанской областях свидетельствует об этом. Наиболее яркое выражение процессы этинополитической консолидации народов региона нашли в деятельности «съездов народов» Терской области, ставших в 1918 г. единственной реальной формой установления упорядоченной власти на обломках имперской администрации.

Формирование системы государственной власти и управления после гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии (что и составило предпосылку оформления современного типа «национальной государственности» народов Северного Кавказа) также отражало объективную реальность, сложившуюся в регионе. Упрощением реальности была трактовка в отечественной историографии всех событий, составивших сущность национально-государственного строительства народов региона в 1920–1922 гг. как отражения целенаправленных и планомерных действий советской власти.

Исход гражданской войны в регионе окончательно определился в марте 1920 г., 31 марта части Красной Армии вступили во Владикавказ. К этому времени новая власть начинает обращать более пристальное внимание на национальные окраины. Уже 15 февраля 1920 г. вышло постановление ВЦИКа «Об образовании комиссии по разработке вопросов Федеративного устройства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Отдельные положения его имели прямое отношение к Северному Кавказу. Здесь говорилось, что «предстоящее освобождение ...Северного Кавказа вводит в состав РСФСР ряд малых национальностей с своеобразной культурой, историей и группировкой классов». ВЦИК считал своей важнейшей задачей установление нормальных отношений между РСФСР и входящими в ее состав автономными советскими республиками и, вообще, нерусскими национальностями, своевременное удовлетворение их нужд и выработка форм государственных отношений между входящими в РСФСР частями²¹⁴.

Однако это не означало, что какие-то национально-государственные аспекты применительно к Северному Кавказу будут безотлагательно рассмотрены и обязательно претворены. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что советская власть на Северном Кавказе было восстановлена в марте 1920 г., но активные действия советской власти по национально-государственному устройству народов региона были предприняты только осенью 1920 г. При освобождении Терека было как будто забыто о существовании Терской республики²¹⁵.

Центр в большей степени был озабочен советским строительством и при этом оно не имело национально-государственного оформления. 12 апреля 1920 г. Кавказский краевой комитет РКП(б) в обращении к партийным организациям подчеркивал, что «какие бы формы ни приняла Советская власть на Кавказе ввиду его географических, этнографических, культурно-исторических, религиозно-бытовых и иных особенностей, в партийном отношении мы не можем допустить здесь создания никаких обособленных организаций или отдельных самостоятельных коммунистических партий»²¹⁶.

Только 7 сентября 1920 г. проблема кавказских горцев снова была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК РКП(б). 14 сентября 1920 г. Политбюро, поддержав постановление Кавбюро ЦК о наделении чеченцев землей за счет казачьих станиц, вместе с тем потребовало проведения самых решительных мер для свободной деятельности горцев на «основе полной административной автономии». Было решено отправить на Кавказ И.В. Сталина в качестве Чрезвычайного Уполномоченного Представителя РСФСР для руководящего определения во всех деталях политики на Кавказе и в особенности среди горцев²¹⁷. Таким образом, впервые в центре заговорили об автономии.

К этому времени И.В. Сталин пришел к выводу, что «казачество необходимо выделить из состава Терской области в отдельную губернию, ибо сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным, опасным. Самых горцев придется объединить в одну административную единицу в виде автономной Терской республики на началах башкирской автономии (чеченцы, кабардинцы, осетины, ингуши, балкарцы)»²¹⁸.

Характерно, что инициатива самих народов или хотя бы местных руководителей при создании Горской и Дагестанской республик практически не прослеживается. В октябре 1920 г. Центральный Комитет партии, а затем Кавбюро ЦК РКП(б) приняли постановление об образовании на Северном Кавказе двух автономных республик – Терской (Горской) и Дагестанской, которое было поддержано краевым совещанием коммунистических организаций Дона и Кавказа, состоявшимся в конце октября 1920 г. во Владикавказе. В его решении говорилось: «Опыт существования Советской власти в горских округах Се-

верного Кавказа и Дагестана совершенно определенно показал, что утверждение всех принципов Советского строительства среди горцев станет возможным только при том непременном условии, когда широкие горские массы вполне сроднятся с Советскими формами общежития, когда массы горского населения станут активными в Советском строительстве. Достигнуть этого можно путем более непосредственного вовлечения горского населения в общее Советское русло. Одним из наиболее верных способов к этому Совещание признает организацию горских автономных республик на тех основаниях, кои установлены для окраинных автономных республик, входящих в РСФСР»²¹⁹.

Для практического проведения в жизнь этих постановлений в ноябре 1920 г., по решению Кабюро ЦК РКП (б), были проведены чрезвычайные съезды народов Терека и Дагестана. 20 января 1921 г. ВЦИК издал декрет «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики» в составе РСФСР²²⁰. А 16-22 апреля 1921 г. во Владикавказе прошел Учредительный съезд Советов Горской АССР, завершивший всю организационную работу по созданию автономии горцев.

Выступая с докладом на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 г., И.В. Сталин всячески подчеркивал «дарованный» характер автономии и оказанное горским народам Советской властью «доверие»: «Сегодняшний съезд созван для того, чтобы объявить волю Советского правительства об устроении жизни терских народов... Давая вам автономию, Россия тем самым возвращает вам те «вольности», которые украли у вас кровопийцы-цари и угнетатели, царские генералы... Автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии... Советское правительство дает вам автономию не в трудную минуту, а в минуту громких успехов на полях сражения, в минуту полного торжества над последним оплотом империализма в Крыму... Делая так, Советская власть хочет сказать, что она вполне доверяет вам, товарищи горцы, что она доверяет вашим способностям самоуправляться. Будем надеяться, что вы сумеете оправдать это доверие рабоче-крестьянской России»²²⁰.

Вместе с тем, автономия Горской Республики, по его словам, «является политической и, конечно, советской». Он убедительно говорил о том, что «весь смысл автономии в том, чтобы она втянула горцев в управление своей страной... так, чтобы во всех органах управления стояли ваши люди, знающие ваш язык, ваш быт», что автономия «должна вас научить ходить на своих собственных ногах» – и в этом цель автономии²²¹.

Высшими органами государственной власти и государственного управления в ГАССР явились съезд Советов Горской Автономной Социалистической Республики, Центральный Исполнительный Комитет, Президиум ЦИК, Совет Народных Комиссаров и Народные Комиссариаты Горской АССР. В административно-территориальном отношении Горская АССР делилась на шесть округов: Чеченский, Ингушский, Осетинский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский, Столица Горской АССР – г. Владикавказ и г. Грозный с нефтяными промыслами выделялись в отдельные административные единицы, подчиненные непосредственно ЦИК и СНК Горской АССР.

Приоритетность общеполитических соображений при создании ГАССР признавалась впоследствии достаточно откровенно. В докладе о политическом и экономическом положении ГАССР на второй Горской областной партийной конференции (август 1921 г.) отмечалось, что Горреспублика явилась не как исторически вполне обоснованная – и хозяйственno, и политически – единица (для этого она недостаточно была изучена), а как политически необходимый шаг, нужный в условиях борьбы за Советскую власть. «Она сколочена из множества разноплеменных народностей», экономическое и культурное развитие которых неодинаково. При создании ГАССР не были достаточно продуманы и определены линии экономического тяготения определенных групп населения»²²².

И действительно, ГАССР с самого начала стало лихорадить в результате той политики, которую вело ее руководство в области административно-правового и особенно земельного вопросов. В литературе по этому вопросу, как правило, приводится суждение Умара Алиева, принимавшего непосредственно активное участие в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе в 1918–1923 гг. (в качестве заведующего

отделом горцев при Наркомнаце СНК РСФСР, а затем председателя Карабаевского окрискполкома): «Попытка Горской республики прежде всего разрешить земельный голод горских народов одним лишь внутренним перекраиванием наличия горских земельных фондов с самого начала была обречена на неуспех. Единственные среди горских народов, более или менее обеспеченные землей, кабардинцы прежде всего не соглашались на урезку своей национальной территории, ибо это похоже было бы не на получение от революции, а потеря того, что имели они раньше. А на кабардинские земли со всех округов, Осетии, Ингушетии, с одной стороны, Карабая, с другой стороны, направлялись взоры и видели только в урезке этих земель спасение положения. Не было принято своевременное разрешение земельного голода среди горских народов за счет расширения земельной площади вне пределов Горской республики. Благодаря всему этому из состава Горской республики первой выделилась Кабарда»²²³.

Дело в том, что пока развивался процесс конституирования Горской АССР в международном и внутриполитическом положении Советского государства произошли коренные изменения. Победоносно закончилась гражданская война. Советская власть восторжествовала на всей территории страны, в том числе и в Закавказье. Отпала угроза Северному Кавказу со стороны объединенных сил внешней и внутренней контрреволюции. съезд партии (март 1921 г.) принял важные решения не только в экономической политике, но и в национальном вопросе. Они подразумевали развитие и укрепление советской государственности в национальных районах с тем, чтобы «ломочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию»²²⁴. Стало возможным безбоязненно ставить вопрос о предоставлении национальной автономии тем или иным горским народам, обосновывая это стремлением к более тесной и непосредственной связи с РСФСР.

Уже 21 мая 1921 г. президиум Кабардинского окружного исполнкомами по докладу председателя исполнкома Б.Э. Калмыкова принял следующее решение: «Ввиду отсутствия определенной экономической связи Кабарды с остальной частью ГАССР поручить тов. Калмыкову поставить вопрос о выделении Кабарды в автономную область перед ГорЦИКом и Горсовнаркомом. В случае

отклонения последними этого ходатайства вопрос перенести на обсуждение высших органов власти РСФСР»²²⁵.

Постановка вопроса о выделении Кабарды вызвала отрицательную реакцию в руководящих органах Горской республики. В связи с разногласиями Кабардинский окрпарктком постановил перенести разрешение вопроса о выделении Кабарды на окружной съезд Советов, который должен был состояться 11 июня 1921 г., а решение последнего довести до сведения Горского облпарткома, Кавбюро и ЦК РКП (б).

11-13 июня 1921 г. в Нальчике состоялся IV съезд Советов Кабардинского округа, на котором присутствовали и представители Горского обкома партии. Нет оснований сомневаться, что здесь имело место свободное волеизъявление делегатов²²⁶. В постановлении съезда указывалось, что он выражает «твердую и неуклонную волю всех без исключения трудящихся Кабарды», что с единодушным решением кабардинского народа полностью согласны «представители проживающего в Кабарде русского, немецкого, еврейского и осетинского населения».

20 июня 1921 г. пленум областного комитета партии Горской АССР принял решение, обязывавшее облпартком и Совнарком Горской АССР «бороться и дальше против выделения Кабарды в автономную область». Однако пленум Кавбюро ЦК РКП (б), проходивший в Тифлисе 3 июля 1921 г. под руководством Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кирова, решил не препятствовать выделению Кабарды в автономную область. В постановлении пленума прямо говорилось, что Кавбюро ЦК РКП, «считаясь с волеизъявлением кабардинской трудящейся массы» о выделении Кабарды из Горской республики, «считает невозможным принудительно заставить Кабарду оставаться в составе Горской республики»²²⁷.

Выход Кабарды из Горской АССР предрешил тот же выбор и для Балкарии. Народный комиссариат по делам Национальностей РСФСР 6 января 1922 года признал возможным образование Балкарской Автономной области. Однако уже 9 января, изменив это решение, признал целесообразным образование объединенной Кабардино-Балкарской Автономной области, а 16 января 1922 года ВЦИК постановил образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосредственно связанную с РСФСР,

выделив из состава Горской Автономной Республики территорию, занимаемую балкарцами, и объединив Балкарию с Кабардой.

Проведение в жизнь постановления ВЦИК затянулось до конца 1922 года. Причиной послужили два положения, вошедшие в постановление в соответствии с решением коллегии Наркомнаца от 9 января 1922 г. Во-первых, о разграничении Кабарды и Балкарии «с соблюдением земельных интересов Балкарии»²²⁸. Во-вторых, о порядке формирования областного исполнкома на паритетных началах из представителей кабардинского и балкарского исполнкомов²²⁹. После разрешения на компромиссной основе земельного вопроса (22 июня 1922 г.) борьба вокруг формулы объединения органов власти продолжалась еще некоторое время. Позиция Центра по спорным вопросам объединения не являлась жесткой и однозначной. Она формировалась где-то в «промежутке» между принципами социалистической аграрной политики, представлениями о большей опасности национализма «большой нации» и целями стабилизации национальных отношений на Северном Кавказе.

Вопрос о выделении Балкарии в Автономную область вновь был рассмотрен на Коллегии Наркомнаца 10 июля 1922 г. Его материалы показывают, что в центре хорошо понимали глубину объективных факторов, делавших объединение Кабарды и Балкарии, по сути, единственным возможным решением: «Полагая, что главной причиной возникающих трений между Кабардой и Балкарией является земельный вопрос, приобретающий особо важное значение в связи с тяжелым положением скотоводческих горских племен на Кавказе вообще и стихийным переходом их к земледелию, сопровождающимся постепенным переселением на плоскость, признать выделение Балкарии из Объединенной Кабардино-Балкарской автономной области нежелательным и не соответствующим развитию экономических и культурных сил как Балкарии, так и Кабарды», – говорилось в решении Коллегии. Иными словами, речь шла об историческом процессе, который начался гораздо раньше 1920-х гг., и который определял дальнейшее этносоциальное развитие балкарцев на долгосрочную перспективу.

В конце концов, обе стороны пошли на взаимные уступки и 17 августа 1922 г. Кабардинский обком и Балкарское оргбюро РКП(б) утвердили «Положение по объединению Кабарды и

Балкарии». Глубинные предпосылки достигнутого компромисса лежали в области природно-географических факторов – объективно неустранимой территориальной «связанности» кабардинского и балкарского народов. Создание КБАО стало формой национально-государственной институционализации этой связанности.

Вопрос о создании самостоятельной автономии карачаевского народа – «наподобие Кабарды на Тереке» – также обозначился сразу же после выхода Кабардинского округа из состава Горской республики. Однако процесс образования автономии карачаевского народа, мыслившейся в качестве многонациональной области, стоякнулся с рядом сложностей.

На состоявшемся 8 ноября 1921 г. заседании Оргбюро РКП (б) Карабаевского округа, на котором присутствовали представители Наркомнаца и СНК Горской республики, был поставлен вопрос о создании единой Карабаево-Черкесской автономной области. Было принято решение провести съезды народов Карабая и Черкесии для выяснения их воли по этому вопросу. 7-8 ноября 1921 г. проходил съезд абазин, ногайцев, черкесов. На съезде присутствовали представители 22 аулов. Съезд решил, что «самым разумным, практичным и целесообразным» является объединение народов абазинского, ногайского, карачаевского и черкесского и «образование одной автономной области, по образу Кабардинской автономии, что вполне отвечает интересам населения». 20-21 ноября 1921 г. в центре Старого Карабая, в ауле Учкулан состоялся чрезвычайный съезд карачаевского народа. Съезд высказался за создание объединенной автономии.

12 января ВЦИК утвердил образование автономной области карачаевского, черкесского, абазинского, ногайского народов как части РСФСР с административным центром в г. Баталпашинске²³⁰.

Несколько иначе сложилась судьба адыгейского народа, проживавшего в отделах Кубано-Черноморской области. Важным шагом на пути национально-государственного строительства и создания органов самоуправления был 1-й съезд адыгов в Краснодаре 11-15 августа 1920 г. Съезд принял решение об образовании Горской секции при кубано-Черноморском ревкоме²³¹.

15 июля 1922 г. Горский окрискомитет представил во ВЦИК докладную записку с просьбой о выделении в автономную об-

ласть, где обосновывалась необходимость образования автономии и что «мотивов и данных к выделению в автономную область у кубанских черкесов никакого не меньше, чем у уже выделившихся в такую кавказских народностей: абхазцев, аджарцев, карачаевцев, карабдинцев, карачаевцев и т.д.». Наркомнац поддержал «выделение черкесов в особую автономную Черкесскую область».

Президиум ВЦИК 27 июля 1922 г. принял постановление об образовании Черкесской (Адыгейской) автономной области. 24 августа 1922 г. ВЦИК постановил: «Во избежание недоразумений и пуганицы, происходящих от смешения в разных ведомствах Карабаево-Черкесской и Черкесской (Адыгейской) автономных областей, переименовать последнюю в Адыгейскую (Черкесскую) автономную область»²³².

После образования Кабардино-Балкарской и Карабаево-Черкесской автономных областей встал вопрос о выходе Чечни из состава горской АССР. 22 января 1922 г. заседание комиссии ЦК РКП (б) приняло решение выделить Чечню из Горской республики «с резиденцией в г. Грозном, не включая гор. Грозный в состав автономии Чечни». 30 ноября 1922 г. Чеченский округ был выделен из состава Горской АССР и преобразован в Чеченскую автономную область.

После образования чеченской автономной области в Горской республике оставались Ингушский и Осетинский национальные и Сунженский административный округа. В 1922 г. коммунисты Ингушетии отвергли проект объединения с Чечней. Вопрос об образовании автономных областей осетинского и ингушского народов обсуждался на собраниях и конференциях. В конце января 1924 г. Оргбюро ЦК партии утвердило специальную комиссию по обследованию состояния партийной и советской работы в Горской АССР. 7 июля 1924 г. ВЦИК принял постановление об образовании Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей и Сунженского округа²³³. Обретение автономии осетинским и ингушским народами означало окончательный демонтаж Горской республики, что связывается с необходимостью нового административно-хозяйственного районирования²³⁴.

Таким образом, национально-государственное размежевание народов Северного Кавказа завершилось в 1924 г. Все гор-

ские народы региона были включены в соответствующие автономные образования, основной задачей которых становилась ликвидация фактического неравенства и обеспечение народам более широких возможностей собственного развития. Важную роль сыграли и потребности, связанные с необходимостью упрочения позиций советской власти в регионе. В литературе отмечается, что образование автономных областей Северного Кавказа (1922-1924 гг.) поселяло среди горского населения некоторые иллюзии относительно перехода к реальной независимости и создания государственных образований, что привело к некоторому спаду повстанческого движения²³⁵.

Достижению этой цели способствовало то обстоятельство, что в этот процесс вовлекались широкие слои населения. «Вопрос об образовании автономных областей широко обсуждался среди населения, вносился в повестки дня съездов советов, партийных конференций и собраний. На многотысячных митингах в аулах выступали представители партийных и советских организаций, рабочие промышленных предприятий»²³⁶.

Итак, в революционный период фактического распада государства, регулирование общественных процессов и межнациональных отношений на Северном Кавказе осуществлялось именно на основе этнотERRITORIALНОЙ самоорганизации народов региона. В этот период понятия, которые ранее несли только этнографическое содержание наполнились реальным политическим смыслом. Этносоциальные общности региона превратились в самостоятельные этнополитические единицы, стали реальными субъектами социально-политических процессов, о чем свидетельствует образование и функционирование Терской республики в 1918 г.

Формирование системы государственной власти и управления после гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии (что и составило предпосылку оформления современного типа «национальной государственности» народов Северного Кавказа) также отражало объективную реальность, сложившуюся в регионе.

Оно происходило на основе сочетания инициатив и волеизъявления, идущих снизу (от отдельных национальных групп, от местной партийно-советской элиты) и принятия окончатель-

ных решений высшими органами государственной власти РСФСР. Наиболее ярко этот тезис иллюстрируется процессом возникновения на месте Горской АССР (включившей при своем создании в ноябре 1920 года все народы бывшей Терской области) шести самостоятельных автономий в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии, Карачае и Черкесии. Создание в 1922 году Адыгейской автономной области также происходило при активном «давлении» местного населения и руководителей Горского исполкома. Таким образом, в процессе становления национальной государственности народов Северного Кавказа неустранимым образом присутствует *элемент их самоопределения*. Импульс к самоопределению приобретал разнообразные формы, отражавшие неустойчивость общеполитической ситуации и ее динамику. Провозглашение Союза Горцев Северного Кавказа в мае 1917 г.; съезды народов Терека в 1918 г.; политика нейтралитета, проводимая Нальчикским окружным народным советом летом-осенью 1918 г.; упорная борьба Кабарды, Балкарии, Карачая, Адыгеи, Ингушетии за самостоятельную автономию в 1922-1924 гг. – все это в совокупности сформировало первый на протяжении XX века опыт национального самоопределения народов Северного Кавказа.

Основные элементы политического опыта 1917-1924 годов необходимо оценивать с точки зрения их соответствия национальным интересам северокавказских народов. Но при этом надо исходить из конкретно-исторического содержания этих интересов и реально доступных альтернативных путей их реализации в условиях того времени. Если суммировать основные черты осуществленного этими народами в 1917-1924 годах исторического выбора, то можно свести его к трем основным моментам.

Во-первых, это был выбор в пользу государственного единства с Россией. На уровне крайней абстракции можно, видимо, утверждать, что полное воплощение национальных интересов того или иного народа может обеспечить только его самостоятельное национальное государство. О возможности реализовать этот принцип для отдельных народов региона рассматриваемого периода говорить всерьез не приходится. В самой их общественной жизни того времени не обнаруживается даже на-

мека на стремление отделиться от России. Была ли реальной альтернатива региональной «горской» независимости? Правительство Союза Горцев 11 мая 1918 г. в Батуми на конференции, организованной кайзеровской Германией огласило «Декларацию об объявлении независимости Республики Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана»²³⁷. Но такое государство ни одного дня не существовало фактически, и никаких внутренних предпосылок его образования не имелось. Еще в августе 1917 г. ЦК «Союза объединенных горцев» признавал, что «чрезмерная экзальтация национального чувства, побудившая ревниво относиться ко всякому намеку на сужение племенной автономии, не позволила обеспечить за Центральным Комитетом столь важную по условиям момента компетенцию»²³⁸. А если принять во внимание, что авторы декларации 1918 г. претендовали на включение в состав нового государства территории Терской, Дагестанской, Кубано-Черноморской областей и Ставропольской губернии, то можно предположить, во что вылилась бы попытка его создания для кабардинцев, балкарцев и других народов Северного Кавказа. Национальным интересам Кабарды и Балкарии отвечало восстановление твердой государственной власти в России, способной обеспечить правовой порядок в регионе и открыть для них перспективу национального развития.

Во-вторых, это был выбор перспективы развития, перспективы общественного и культурного прогресса, а не попыток возврата к прошлому. Разумеется, такой исход событий практически не зависел от небольших народов, остававшихся на периферии Российской модернизации конца XIX-начала XX века. Но смысл русских революций, так или иначе, заключался в интенсификации модернизационных процессов (в либерально-демократическом либо большевистском варианте). Можно утверждать, что народы Северного Кавказа в 1917 г. в лице крайне тонкого слоя своих просвещенных элит стремились включиться в процесс либерально-демократической модернизации, а в 1918–1919 гг. в лице основной крестьянской массы склонились на сторону революционного лагеря. При этом следует учитывать, что демократическая контрреволюция в регионе себя практически не проявила, а контрреволюция белоказачья и деникинская

однозначно ассоциировалась с реставрацией и подавлением национальных чаяний. В 1918 и 1920 годах социальное содержание революционного процесса реализовалось в регионе через аграрную политику советской власти. Ее принципы (социализация и уравнительное перераспределение земли между народами региона) однозначно соответствовали национальным интересам народов кавказского высокогорья и столь же однозначно ущемляли национальные интересы народов, занимавших предгорные и равнинные территории.

В-третьих, это был выбор в пользу национально-государственной, а не региональной («горской») автономии. Борьба за самостоятельную (отдельную) национально-территориальную автономию выражала, помимо прочего, для одних стремление остановить процесс урезания национальной территории, а для других – стремление закрепить и сделать необратимыми результаты перераспределения земель. Но выбор в пользу национально-государственной, а не региональной «горской» автономии имел и другой смысл. В условиях интенсивной преобразовательной политики нового революционного государства национально-государственная «форма» развития процессов социальной и культурной модернизации превращалась в единственную гарантию поддержания своей культурно-исторической идентичности.

Политическое содержание форм национальной автономии в дальнейшем было в значительной мере выхолощено, но их формально-юридический, конституционный статус получил закрепление и развитие в Союзных (СССР) и Российских (РСФСР) советских конституциях 1936-1937 и 1977-1978 гг. С точки зрения обобщения опыта национально-государственного устройства России советского периода, главное заключается в том, что национальная государственность народов Северного Кавказа определяла *политическую, территориальную и административную форму*, в рамках которой происходило *социальное развитие* этих народов. Конечно, изначально это была для них «одежда на вырост», но характерное для советской эпохи ощущение общественного прогресса, преодоления «канклавности» и расширения горизонтов для вчера еще сугубо традиционных обществ имело вполне реальные основания.

4.3. Советизация и этносоциальные трансформации северокавказских обществ на этапе политico-идеологической унификации (1920-50-е гг.)

Утверждение советской власти после Гражданской войны и создание национальных автономий народов Северного Кавказа являлись только началом длительного исторического процесса реализации социалистического проекта. Его формы, этапы, методы и последствия не были предопределены заранее, и в начале 1920-х годов практически никто их не предвидел во всех деталях. Но политика коммунистической партии и советского государства превратилась на десятилетия в решающий фактор, определявший содержание этносоциального опыта народов региона, а необходимость освоения непрерывного потока социальных и культурных инноваций, привносимых советской властью, служила главным механизмом трансформации традиционного общества.

Явления и формы социально-культурного синтеза были вплетены в реальный исторический процесс и вместе с тем представляют собой самостоятельную аналитическую проблему. В их изучении одинаково важно решать две задачи. Во-первых, проследить их развертывание во времени, процессы складывания и передачи этносоциального опыта различных поколений народов региона. Решение этой задачи предполагает реконструкцию исторической эволюции определенного социального субъекта – одного из обществ или народов региона с использованием традиционного историко-повествовательного метода. Во-вторых, системно интерпретировать значимые аспекты социально-культурного синтеза. Вторая задача может решаться на базе сводных данных, обобщенных показателей, межреспубликанских и межэтнических сопоставлений. Она требует применения аналитического междисциплинарного подхода к предмету исследования.

Применительно к периоду 1920-80-х гг. реализация такого подхода представляет значительные трудности в силу состояния источниковой и литературной базы исследуемой проблемы. С другой стороны, попытка охватить в повествовательном ключе опыт всех республик и народов региона потребовала бы чересчур большого книжного пространства. В данном и следующем разделах сделана попытка компромиссного решения этой про-

блемы путем соединения описательного подхода (на примере Кабардино-Балкарии), сводных данных и сравнительного материала по другим республикам Северного Кавказа.

На протяжении большей части 1920-х годов – в период новой экономической политики – основной акцент в политике РКП(б) и советской власти делался именно на приобщении местного населения к советским политическим и общественным институтам – советам и их исполнительным, партийным, комсомольским, профсоюзным органам, кооперативам, обществам взаимопомощи и т.д.

Данные о партийном и национальном составе участников IV областного съезда советов КБАО отражают установку на вовлечение в работу советов представителей различных национальностей (см. табл. 1). В 1925 г. в состав областного совета входил 51 человек, в состав 7 окружных советов – 118 человек и в состав 80 сельсоветов – 1537 человек.

Таблица 1

**Партийный и национальный состав участников
IV областного съезда советов КБАО**

Всего участников	Число депутатов	В %
	213	100
Партийный состав		
Члены ВКП(б)	97	44,1
Кандидаты	31	14,5
Беспартийные	86	37,5
Члены ВЛКСМ	5	2,3
Национальный состав		
Русские	56	26,2
Кабардинцы	118	55,3
Балкарцы	27	12,6
Осетины	5	2,3
Немцы	3	1,4
Евреи	2	0,9
Латыши	1	0,4
Кумыки	1	0,4

Источник: Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е годы). – Майкоп, 1994. – С. 37-40.

Другая сторона того же процесса была связана с курсом на максимальное совмещение административно-территориального деления Кабардино-Балкарской автономной области с ее этнотERRиториальной структурой²³⁹.

Вместе с тем, административно-территориальная структура в тот период отнюдь не определялась исключительно национальным фактором. Рассмотрев вопрос о внутреннем районировании области, Президиум ЦИК КБАО 3 июля 1925 г. констатировал, что «существующее административное деление области соответствует удобствам административного управления и интересам землеустройства и построено по национальному признаку с учетом естественно-исторических и производственно-экономических особенностей районов области».

Определяющим фактором в решении подобных вопросов являлся курс именно на «советизацию» общества, а не интересы национального самоопределения различных групп населения внутри области. В таком плане ставился тогда вопрос о разукрупнении сельсоветов «в целях приближения населения к низовым советским ячейкам и втягивания трудового крестьянства в непосредственную работу по советскому строительству».

Таким образом, невозможно изолировать «национальную» политику советской власти в регионе от ее идеологических целей и экономических задач. Принятые в то время принципы районирования предполагали, что «основным ядром новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района». Установление административных границ тесно увязывалось также с землеустройством, к которому землоторги приступили в начале 20-х годов²⁴⁰.

В целом, на протяжении 1920-х годов при сохранении национального обрамления политики советской власти в Кабардино-Балкарии проблематика межэтнических отношений и этнополитической структуры советской автономии постепенно отодвигалась на второй план. Ключевое значение для кабардинцев и балкарцев приобретали не их взаимные отношения, а те изменения в условиях существования обоих народов, которые несла социально-экономическая и культурная политика коммунистической партии.

К середине 1920-х годов была восстановлена нормальная хозяйственная жизнь. Каких-либо качественных сдвигов в социально-экономической структуре области не произошло. Вместе с тем, в 1920-е годы были осуществлены достаточно крупные мероприятия общехозяйственного значения. Интенсивно велось дорожно-мостовое строительство. В качестве нового явления можно отметить строительство малых электростанций. В 1925 г. в области их насчитывалось уже девять. Но промышленность по-прежнему была представлена немногими, в основном мелкими, технически слабо оснащенными предприятиями. Сохранялся ее прежний отраслевой состав. В 1926 г. в промышленности, строительстве и на транспорте было занято лишь 4,1 %, а в сельском хозяйстве – 92,43 % трудоспособного населения области²⁴¹.

Нельзя недооценивать масштабы и глубину сдвигов в условиях существования кабардинского и балкарского села, где концентрировалась жизнедеятельность подавляющей массы народов Кабардино-Балкарии. Областная власть подхватывала и стремилась отличиться в реализации всех политических установок партийно-государственного руководства. В условиях новой экономической политики это имело, может быть, больше положительных, чем отрицательных сторон²⁴².

Так, в Кабардино-Балкарии получила значительное развитие кооперация. По числу потребительских обществ и лавок в 1927 г. область стояла на первом месте среди других национальных областей края, в Кабардино-Балкарии их было 138, а в Чечне, Ингушетии и Адыгее вместе взятых – 122. В 1929 г. в Кабардино-Балкарии образовались первые машинно-тракторные станции (МТС), в 1930 году в области насчитывалось уже 274 трактора. Большое влияние на социальные отношения в деревне оказывала землеустроительная политика, которая меняла сложившуюся структуру землепользования. Теснейшим образом с проведением землеустройства было связано осуществление переселенческой политики, занимающей особое место среди хозяйствственно-экономических мероприятий советской власти на селе. На 1 января 1929 г. в Кабарде было основано 43 новых поселения, в которых насчитывалось 2657 дворов с населением 13286 человек. За 1929-1930 гг. возникло еще 15 населенных пунктов. Это была вторая столь массированная ломка поселений

ческой структуры и традиционной системы социальных (родственных, соседских, хозяйственных) отношений в кабардинской деревне после 1860-х гг. Естественно, что эта политика натолкнулась на глухое, преимущественно пассивное, сопротивление крестьян. Факты возвращения крестьян к прежним местам жительства в 1930 году приняли массовый характер.

Политика в области просвещения и культуры была в 1920-е гг. наиболее здравым воплощением того нового, что несла советская власть. Нет сомнения, что она преследовала собственные идеологические и политические цели. Она включала в себя и борьбу против ряда жизненно важных для народов Кабардино-Балкарии этнокультурных традиций, объявленных «пережитками прошлого». Но, вместе с тем, она решала и действительные задачи повышения культурного уровня, формировала инфраструктуру современного культурного развития населения.

На III съезде Советов Кабардино-Балкарии, состоявшемся в декабре 1923 г., местным органам власти было поручено организовать *в каждом населенном пункте* общеобразовательную школу. В конце 1925 г. в Кабардино-Балкарии функционировали 157 школ первой ступени. В них обучалось 9560 учеников, или 25,6 % всех детей школьного возраста, против 0,08 % в 1920 г.

Квалифицированные работники из кабардинцев и балкарцев готовились в ведущих учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Владикавказа, Тбилиси, Ростова-на-Дону и других городов. Так, например, в 1924-25 учебном году в различных городах страны обучалось 200 кабардинцев и балкарцев, а в 1925-26 г. – 685 человек. Особое внимание уделялось подготовке учителей. На различных курсах и в специальных учебных заведениях в 1921-1925 гг. было подготовлено 755 учителей, в том числе 172 кабардинца и 10 балкарцев.

Впервые получило государственную поддержку создание письменности на кабардинском и балкарском языках. В 1920 г. был создан кабардинский алфавит на арабской графической основе, а с 1924 г. были введены в действие кабардинский и балкарский алфавиты на основе латинской графики. Создание письменности на родном языке сыграло важную роль в повышении их грамотности. Так, например, если в 1920 г. грамотность среди кабардинцев составляла всего 2,1 %, а среди бал-

карцев – 0,9 %, то в конце 1925 г. она возросла у кабардинцев до 11,2 % и у балкарцев – до 7,5 %.

Тогда же началось строительство сети культурно-просветительных учреждений. Были заложены основы системы медицинского обслуживания населения. В 1925 г. в Кабардино-Балкарии функционировали одна областная и три окружные больницы на 321 больничную койку, две окружные амбулатории, восемь врачебных участков и одиннадцать фельдшерских пунктов.

Подводя итог 1920-м годам, можно согласиться с оценкой специалистов, что этнический фактор и сама национальная идея использовались большевистской партией в качестве инструмента укоренения и стабилизации советской государственности в регионе. К началу 30-х годов, вполне «укоренившись» в регионе, система сбрасывает национальную идею как отжившее политическое орудие – происходит фундаментальный поворот от линии на «коренизацию» к предельному «социалистическому огосударствлению», к исключительно социально-экономической «целесообразности»²⁴³.

К концу 20-х годов в области началась массированная антирелигиозная кампания, сопровождавшаяся закрытием мечетей, медресе, примечетских и церковноприходских школ, репрессиями против духовенства. Непросто проходило внедрение светской системы воспитания и образования: традиционалистски мыслящая часть населения не могла сразу воспринять смысл и назначение детских яслей, садов, школ. Рост недовольства был обусловлен также и активно проводимыми в области хлебозаготовительными мероприятиями: у крестьян насильственно изымался весь хлеб, в том числе предназначенный для питания и посева. К этому была привлечена также сельская беднота и комбеды, которым было обещано за донос 25 % конфискованного хлеба.

В целом, переход от нэпа к форсированным социалистическим преобразованиям в 1928-1930 гг. стал главной причиной массового недовольства, протesta и волнений крестьянского населения Кабардино-Балкарии. В общей сложности в выступлениях, традиционно обозначаемых нейтральным термином «события» – Баксанские (1928 г.) и Верхне-Курпские (1929 г.), Верхне-Чегемские (или Чегемско-Баксанские 1930 г.) приняли участие тысячи крестьян. Сотни были репрессированы.

Тем не менее, массовая коллективизация крестьянских хозяйств была осуществлена в Кабардино-Балкарии решительным образом, можно сказать, безоглядно. Уже на 1 марта 1930 года было коллективизировано 83,9 % хозяйств, что было выше общекраевого (77,5 %) и общероссийского (53,5 %) уровней. Причем коллективизационная лихорадка охватила не только плоскостные села Кабарды, но и горную Балкарию. Так, в балкарских селениях, которые должны были завершить коллективизацию только во второй пятилетке, уже к марта 1930 г. колхозы охватили от 40 до 50 % хозяйств. Как только высшее партийное руководство страны заняло несколько более реалистичную позицию в отношении коллективизации, вся эта искусственная, и во многом бумажная пирамида фактически рухнула, начался повальный выход крестьян из колхозов. В результате процент коллективизации с 83,9 на 1 марта 1930 г. снизился к 1 мая того же года до 13,6.

Однако уже осенью 1930 г. началась новая волна наступления на крестьянство Кабардино-Балкарии. К началу мая 1931 г. уровень коллективизации в Кабарде вновь составлял 85,2 %. В Балкарии, где на 1 октября 1930 г. имелось 0,1 % обобществленных хозяйств, к 1 июля этот показатель довели до 51,9 %. К 1932 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось 145 колхозов. И уже к концу этого года обком партии рапортовал о завершении коллективизации²⁴⁴.

Применительно к Кабардино-Балкарии совершенно недостаточно фиксировать видимые социальные и экономические аспекты аграрного переворота начала 1930-х годов. Ведь все кабардинское и балкарское общество было, по сути, обществом крестьянским, а деревня – не только местом демографического сосредоточения и основной социальной единицей этого общества, но и носителем этнокультурной преемственности. Бюрократизация всей хозяйственной организации, политизация внутрисельской социальной жизни имели для национальных судеб кабардинцев и балкарцев далеко идущие негативные последствия.

С точки зрения экономического развития региона, традиционной характеристикой 1930-х гг. является их оценка как периода индустриализации. Если говорить о процессе и направленности экономической динамики, такая оценка сохраняет правомерность, но говорить об обретении региональной экономики индустриального характера не приходится.

Специфика процесса индустриализации в довоенный период заключалась в преимущественном развитии отраслей промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, что и предопределило ее структуру, в которой преобладали отрасли легкой и пищевой промышленности. В 1940 году на их долю приходилось более $\frac{2}{3}$ всей промышленной продукции. Но уже в довоенный период наметилась тенденция комплексного развития промышленности республики, связанная с созданием гидроэнергетической базы, горнодобывающей промышленности, организацией машиностроения и цветной металлургии. На местных гидроресурсах развивалась электроэнергетика, способствовавшая созданию такой электроемкой отрасли, как цветная металлургия. На базе местных сырьевых ресурсов получили дальнейший рост лесная и деревообрабатывающая, а также промышленность строительных материалов.

В период 1920-1930-х гг. расширенное воспроизводство в промышленности осуществлялось преимущественно за счет экспансивных, количественных, факторов, т.е. путем увеличения массы используемых материальных и трудовых ресурсов. Рост объемов производства в промышленности в решающей мере определялся вводом в действие новых предприятий. В историко-экономических исследованиях советского периода утверждалось представление, что уже в предвоенные годы в Кабардино-Балкарии промышленность заняла ведущее место среди отраслей общественного производства. Указывалось, что в 1920 г. удельный вес промышленности в совокупной продукции промышленности и сельского хозяйства составлял 8 %, а в 1940-м достиг 71 %, т.е. был вполне сопоставим с общесоюзовым уровнем. Но в расчете на душу населения в 1940 г. здесь производилось промышленной продукции только 22 % к соответствующему среднесоюзовому показателю.

Необходимо отдавать себе отчет и в том, что изменения экономической структуры в связи с индустриализацией не сразу и не в равной степени затрагивали социальную структуру отдельных народов республики. Уже в 1937 г. на заводах и фабриках Кабардино-Балкарии насчитывалось 1330 кабардинцев и балкарцев, что составляло более 13 % общей численности промышленных рабочих республики. И тем не менее уровень подготовки и вовлечения в промышленность, строительство и транспорт коренного населения оставался еще очень низким. Достаточно сказать, что в 1939 г. среди кабардинцев и балкар-

цев, занятых в сфере материального производства, рабочих было менее одного процента. На предприятиях г. Нальчика доля кадров рабочего класса из коренного населения составляла всего 10,5 %. В 1940 г. на кондитерском комбинате из 729 работающих кабардинцев и балкарцев было всего 25 человек, или 3,4 %.

В 1930-е гг. административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии подвергалась неоднократным изменениям. Это не привело к кардинальному расхождению административных и этнотERRиториальных единиц автономии, но собственно национальный фактор при решении таких вопросов все больше отступал перед соображениями хозяйственной целесообразности и административного удобства. Обычно выдвигалась также цель «приближения органов государственной власти к населению». Но теперь она совершенно была лишена мотива «коренизации» или «автономизации» этнических групп в составе населения КБАО, а затем КБАССР (сравни с лозунгами 1920-х гг. о «максимальном вовлечении национальностей в советское строительство»). Ее главный смысл сводился к тому, чтобы партийно-советский аппарат районного уровня (который поддавался более жесткому политico-идеологическому контролю) в свою очередь мог бы эффективнее обеспечивать хозяйственное управление и идеологический контроль непосредственно над массой населения. А в условиях плановости, коллективизации и мобилизации всех ресурсов для форсированной индустриализации страны объектом партийно-государственного контроля и управления стала повседневная хозяйственная деятельность. С другой стороны, реальные властно-управленческие функции перешли от советов к партийным органам и администрации колхозов.

Согласно Конституции СССР 1936 г. КБАО была преобразована в Кабардино-Балкарскую автономную советскую социалистическую республику. До сих пор в оценке самой этой Конституции преобладают сугубо идеологизированные оценки. Нет сомнения, что в момент ее принятия и почти до конца советской эпохи она служила скорее политико-пропагандистским символом, а не реально и в полном объеме действующим конституционно-правовым актом. Но сегодня, спустя 70 лет, явно обнаруживаются принципиально важные и *непреходящие* стороны этого события для Кабардино-Балкарии и ее народов.

Конституция СССР 1936 года и Конституция РСФСР 1937 года впервые четко закрепили статус национальной государственности для современной Кабардино-Балкарии и ее непосредственные отношения с Российской государственной властью. С одной стороны, здесь важен аспект полноценного включения республики в федеративные отношения (КБАО с 1924 г. и до принятия новой конституции непосредственно входила в состав Северо-Кавказского края). С другой – обретение ею важнейших атрибутов государственности: территории, которая не могла быть изменена без согласия самой республики, конституции, законодательства, гражданства, завершенной системы органов государственной власти, государственного герба и флага.

Значение конституции КБАССР 1937 г. нельзя сводить к «тоталитарному» контексту того периода. Она заложила конституционные механизмы общественно-политических преобразований и зафиксировала нормативные критерии, позволяющие давать правовые оценки политическим действиям не только отдельных людей и организаций, но и самого государства.

Годы Великой Отечественной войны занимают особое место в истории народов Кабардино-Балкарии. Она стала первой войной в истории России, в которой народы Кабардино-Балкарии оказались в полной мере сопричастны трагедии, страданиям, напряженному труду и героическим подвигам на фронте и в тылу, выпавшим на долю всей страны. В самом деле, история боевого содружества кабардинцев и балкарцев с Россией в борьбе с внешними врагами и захватчиками простирается от Ливонской войны XVI в. до Отечественной войны 1812 г. Но во всех этих случаях речь шла о посыпке отдельных вооруженных отрядов. После окончательного включения Кабарды и Балкарии в состав России всеобщая воинская повинность не распространялась на их население. И в войнах России конца XIX-начала XX в. участвовали только добровольческие формирования с Северного Кавказа.

Теперь, уже 23 июня 1941 г. в КБАССР началась мобилизация в действующую армию. Стали осуществляться и мобилизационные мероприятия в народном хозяйстве, поставившие всю экономику республики на службу фронту. Уже в августе 1941 г. республика начала принимать эвакуированные предприятия и людей с территорий, оккупированных врагом. Что такое фронт и боевые действия испытали на себе не только бойцы, но и практически все жители Кабардино-Балкарии, на территории

которой оборонительные боевые действия начались 8 августа 1942 г. и продолжались до начала ноября. Затем с 1 января 1943 г. части 37 армии начали наступательные боевые действия на территории КБАССР и завершили ее освобождение 11 января 1943 г. Пережила республика и гитлеровскую оккупацию, продолжавшуюся от двух до пяти месяцев в различных районах республики. За это время в полной мере проявили себя и акты сопротивления, и партизанская борьба, и явления коллаборационизма и фашистский террор. Фактически жители республики столкнулись с той же самой политикой и ее последствиями, что и все население оккупированных районов СССР. И ответили они на эту политику так же, как и весь советский народ.

Следует еще раз подчеркнуть: в Кабардино-Балкарии проявили себя именно все – и положительные и отрицательные – факторы, которые давали о себе знать в других регионах в сравнимых обстоятельствах. Но в руководящих кругах страны определенные люди использовали этот факт для применения к некоторым народам Северного Кавказа необоснованных и преступных репрессивных мер по национальному признаку. Жертвой этой политики в Кабардино-Балкарии стал балкарский народ²⁴⁵.

За одни сутки, 8-9 марта, целый народ был изгнан из своих домов, погружен в эшелоны и отправлен за тысячи километров от родных мест. А 8 апреля 1944 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР».

С другой стороны, условия жизни и труда в разрушенной в результате оккупации и военных действий Кабардинской АССР для подавляющей части населения также были чрезвычайно тяжелыми. Жесточайшая засуха 1946 г. поставила население на грани голода существования. В основе восстановления экономики лежал упорный труд народа. Недостаточность вложений в сельское хозяйство и сравнительная узость промышленной базы надолго законсервировали ситуацию нещадной эксплуатации колхозного села. А кабардинский народ практически полностью оставался привязан к сельской жизни. Несколько лет республика находилась как бы на подозрении у государственного и партийного руководства. Практически весь период пребывания балкарцев в изгнании должность партийного руководителя занимали назначенные центром и новые для республики люди – Н.П. Мазин

(1944-1949 гг.) и В.И. Бабич (1949-1956 гг.). Говорить о том, что представители кабардинского народа в полной мере приобщены к реальной системе власти, управления и ключевым сферам профессиональной деятельности в Кабардинской АССР, не приходится.

Важный поворот произошел в конце 1940-х годов, когда стало очевидным, что отчуждение коренного населения от этих сфер наносит ущерб официальной доктрине о социальной и национальной монолитности советского общества и снижает эффективность управления экономическими и социальными процессами в республике. В целях коренного улучшения «работы по коммунистическому воспитанию трудящихся КАССР» 7 апреля 1948 г. было принято постановление Центрального Комитета партии «О работе Кабардинского обкома ВКП (б)». Анализируя недостатки в деятельности областной парторганизации, ЦК партии указал, что в республике не уделяется должного внимания подготовке кадров высокой квалификации из коренной национальности. В апреле 1948 г. среди учителей с высшим образованием было лишь 7 % кабардинцев, а среди врачей – всего 6 человек. В аппарате Президиума Верховного Совета КАССР кабардицы составляли только 30 %, в обкоме ВКП (б) – 27 %, в Совете Министров – 24 %, в обкоме ВЛКСМ – 20 %, в Министерстве сельского хозяйства – 11 % и т.д.

Высшие и средние специальные учебные заведения КАССР не обеспечивали подготовку национальных кадров специалистов. В 1948 г. в педагогическом институте обучалось 599 студентов, но среди них лишь 56 кабардинцев, а на 676 учащихся Нальчикского сельскохозяйственного техникума приходилось только 47 кабардинцев. Из-за отсутствия квалифицированных педагогических кадров преподавание основных предметов в сельских школах республики велось неудовлетворительно, велик был отсев учащихся, много было второгодников. Среди выпускников средних школ из года в год было мало кабардинцев, и высшие учебные заведения не получали достаточного пополнения из национальной молодежи. Например, в 1946 г. десятые классы в школах республики закончили 136 учащихся, но среди них было всего 40 кабардинцев.

ЦК ВКП (б) предложил обкому партии подготовить национальные кадры и улучшить коммунистическое воспитание трудящихся. Уже в 1950 г. в пединституте обучалось 926 студентов, из них 260 кабардинцев²⁴⁶.

В целом в 1950-е годы происходило существенное развитие социально-культурной инфраструктуры республики, что составило базу успешного решения задач реинтеграции балкарского народа и дальнейшего развития Кабардино-Балкарии.

В послевоенные годы продолжалось ускоренное развитие промышленности, хотя по итогам военного десятилетия наметилось отставание от общесоюзных темпов восстановления и развития промышленности, а в 1950-е гг. фактически произошло только выравнивание темпов роста промышленности в республике с общесоюзовыми темпами (см. табл. 2).

Таблица 2
Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции
СССР и КБАССР за 1940-1960 гг. (%)

Годы	СССР	КБАССР	Отрывение республикой темпов прироста СССР (СССР = 1)
1940-1950	5,6	3,7	0,66
1950-1960	11,7	11,8	1,01

Источник: Хашхожева Т.А. Экономическая эффективность промышленного производства Кабардино-Балкарской АССР. – Нальчик, 1984. – С. 28.

Индустриальное развитие Кабардино-Балкарии в послевоенный период вплоть до 50-х годов не внесло кардинальных изменений в отраслевой состав. Необходимость создания прогрессивной структуры промышленности приобрела особую остроту и стала возможной лишь во второй половине 50-х годов. С этого времени республика взяла уверенный старт на ускоренное развитие тяжелой промышленности. Развернулось широкое строительство предприятий совершенно новых для республики отраслей машиностроения и металлообработки, таких как станко- и приборостроение, электротехническая, электронная и др. Так, если уровень производства в довоенном 1940 году принять за единицу, то в 1960 г. валовая продукция всей промышленности увеличилась в 4,4 раза, а машиностроения и металлообработки – в 15 раз. Интенсивно развивались промышленность строительных материалов и легкая, продукция которых выросла соответственно в девять раз и вдвое. Результатом такого развития явилось резкое изменение отраслевой структуры промышленности, т.е. повышение удельного веса машиностроения и металлообработки с 5 % в 1950 году до 11 % в 1960 году и промышленности

стройматериалов – с 2 до 5 %. Совокупная доля цветной металлургии, машиностроения и металлообработки, а также промышленности стройматериалов увеличилась с 17 % в 1950 году до 28 % в 1960 году, и соответственно снизилась доля пищевой и легкой промышленности с 64 % в 1950 году до 57 % в 1960 году.

Наметилась тенденция к ускоренному развитию квалифицированных отраслей машиностроения. Повысилась роль Кабардино-Балкарии в межрайонном разделении труда. Республика упрочила свои позиции в горнорудной, металлургической промышленности, квалифицированном машиностроении. Развитие ведущих отраслей тяжелой промышленности и укрепление индустриального потенциала сопровождалось значительным ростом легкой и пищевой промышленности. Возникновение новых отраслей и производств способствовало комплексному характеру промышленного роста.

Практически одновременно завершились к концу 1950-х годов процессы социально-психологической адаптации кабардинского и балкарского населения республики к условиям и формам жизнедеятельности в советской социалистической системе. Все это вместе взятое создавало новый контекст их социально-культурного развития, лишенный налета ущербности, периферийности, «ученичества» в отношениях с большим российским обществом и государством.

С точки зрения аналитического подхода в первую очередь необходимо рассмотреть такие аспекты, как развитие и трансформация экономических и социальных структур, урбанизация, образовательный уровень населения. Все эти индикаторы, так или иначе, отражают процессы социокультурной модернизации, но не несут никакой однозначной завершенности.

Так, достаточно бесспорно, что в 1930-е годы автономии региона добились заметных успехов в развитии экономики²⁴⁷. Но столь же очевидны неравномерность экономического развития по отдельным автономиям и ограниченность его результатов.

Например, в Чечено-Ингушетии особый упор был сделан на развитие нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Перед началом войны ежедневно здесь добывалось и перерабатывалось более 6 тысяч тонн нефти. Кроме нефтяных предприятий на территории республики действовали 52 крупных промышленных предприятия, которые ежегоднорабатывали продукции на многие десятки миллионов рублей. Но на

долю лишь нефтяной промышленности приходилось 68 % всей валовой продукции и свыше 61 % доходов промышленности республики. В нефтяной промышленности ЧИАССР к ноябрю 1940 г. было занято 26 243 рабочих, в том числе 4218 чеченцев и ингушей (16 % общего числа рабочих). К сентябрю 1940 г. число рабочих и служащих в промышленности, сельском хозяйстве и государственных учреждениях здесь достигло почти 95 тысяч человек.

На базе развитой нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности получила развитие химическая промышленность. Однако ее динамика из-за отсутствия необходимой техники и специалистов была в довоенное время достаточно невысокой. В 1940 г. ее удельный вес в валовой продукции промышленности республики не превышал 3,4 %. Тем не менее, на предприятиях Грозного, Майкопа, Малгобека, Гудермеса производились ацетон, бутан, ацетилен, кислород и некоторые другие виды химической продукции (как правило, из отходов нефтепереработки).

В Северной Осетии только в годы первой пятилетки было введено в строй 45 предприятий и в 1932 году общее количество заводов и фабрик составило 73. В целом же за годы довоенных пятилеток основные производственные фонды крупной промышленности выросли в 20,4 раза. Индустрия Северной Осетии уже отличалась высокой концентрацией. В 1940 г. на девяти предприятиях, составлявших 5,3 % всех предприятий крупной промышленности республики, было сосредоточено 53,1 % рабочих, 63,3 % основных производственных фондов, 67,4 % валовой продукции. Заметно поднялся и объем производства промышленной продукции на душу населения. В 1940 году он составил – 600 рублей, что в 17 раз превышало уровень 1913 года и достигло 84,3 % от соответствующего среднесоюзного показателя. Ведущей отраслью экономики республики оставалась цветная металлургия, но наибольшее развитие в годы довоенных пятилеток получила пищевая промышленность, валовая продукция которой выросла в 13,6 раза, а сумма основных производственных фондов – в 18,6 раза. Интенсивно развивалась также легкая промышленность, появились новые отрасли – химическая и стекольная. На долю предприятий союзного и республиканского (РСФСР) значения в 1940 г. приходилось 11,4 %

всех заводов и фабрик, 60 % рабочих, 80 % основных производственных фондов и 73,2 % валовой продукции²⁴⁸.

Крупные промышленные предприятия союзного значения в ЧИАССР давали в 1940 г. продукцию на 619,7 млн руб., что составляло 87,5 % всей валовой продукции промышленности республики, предприятия союзно-республиканского подчинения — на 35,4 млн. руб. (или 5 %), а областного — 52,5 млн руб. (7,5 %). Основные производственные фонды всей промышленности республики в 1940 г. равнялись 624 435 тыс. рублей. Основные производственные фонды крупной промышленности достигли в 1940 г. 615 464 тыс. руб., из которых 583 620 тыс. руб. (94,8 %) были сосредоточены на предприятиях, производящих средства производства.

Исследователи констатируют также неуклонно возрастающий процесс роста индустриального потенциала Дагестана в 30-е годы²⁴⁹. Основные направления индустриального развития республики предусматривали значительное расширение и укрепление энергетической базы, главным образом за счет использования богатейших запасов дешевой гидро- и газоэнергии, развертывание промстройства (с ростом числа рабочих), базирующегося на использовании имеющихся полезных ископаемых (нефть, газ, сульфат и др.), развертывание кустарных промыслов, перерабатывающих предприятий пищевой промышленности и т.д. Уже в 1930/31 г. валовая продукция промышленности в 5 раз увеличилась по сравнению с 1925-26 г. За этот период в 2 раза возросла валовая продукция нефтяной промышленности, на 30 % — стекольной, в 2 раза — кожевенной, в 3,5 раза — текстильной, в 2 раза — рыбной и т.д. К концу 1937 г. доля промышленности в народном хозяйстве республики стала преобладающей и составила 52,1 %. В Дагестане, как и по всей стране, была ликвидирована безработица, выросли национальные кадры квалифицированных рабочих и ИТР. В 1940 г. среднегодовое число рабочих на предприятиях крупной промышленности составило 20 тыс. человек, из них коренных национальностей — около 60 %. В то же время в таких отраслях как железнодорожный и морской транспорт представителей из местных народностей было мало, ощущалась нехватка ИТР.

Транспортная система на Северном Кавказе сложилась еще до революции и была развита достаточно слабо. Можно

сказать, что в национальных автономиях Северного Кавказа транспорт как отрасль хозяйства был создан именно в годы до-военных пятилеток. Расширение Грозненского железнодорожного узла, увеличение мощности подвижного состава и автоблокировка путей позволила в 30-е гг. увеличить объемы перевозок грузов по железным дорогам в 5 раз. Длина железных дорог, находящихся в эксплуатации на территории только Чечено-Ингушетии увеличилась к началу войны до 311 км и превысила дореволюционный показатель более, чем вдвое.

В 30-е гг. была значительно реконструирована автодорожная сеть национальных автономий Северного Кавказа. Вместо старых грунтовых дорог были проложены профилированные, гравиевые и частично с твердым покрытием автомобильные дороги. Правда, следует сказать, что асфальтовых автодорог по-прежнему было очень немного. К началу 1941 г. их километраж по Чечено-Ингушетии не превышал 500 км.

В Северной Осетии к 1938 году протяженность железнодорожных линий составляла 86 км и автотужевых дорог – 976,6 км. Накануне войны протяженность шоссейных и гравийных дорог выросла по сравнению с дореволюционным временем в 70 раз, а автопарк республики насчитывал около 2 тыс. машин²⁵⁰.

Индустриальный рост региона был в немалой степени связан с перспективами развития энергосистемы национальных автономий. За годы первых пятилеток в Адыгее, Чечено-Ингушетии, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии были построены гидроэлектростанции, позволявшие электрифицировать важнейшие отрасли промышленного производства региона. Только в Грозном вместо устаревшей маломощной станции «Грознефть» уже к 1934 г. были построены 3 мощных электростанции в Старопромысловском, Октябрьском и Заводском районах. До 1917 года энергетика Северной Осетии была представлена 20 небольшими гидротеплоэлектростанциями общей мощностью около 3 тыс. кВт. В 1934 была введена в эксплуатацию Гизельдон-ГЭС мощностью 22,3 тыс. кВт. К 1940 г. мощность электростанций республики увеличилась по сравнению с 1913 г. в 10 раз.

В целом же промышленность автономных республик Северного Кавказа в начале третьей пятилетки оставалась во многом на уровне 1932 г. За небольшими исключениями (нефтедо-

быча и нефтепереработка в Чечено-Ингушетии, горно-металлургические предприятия в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) в структуре промышленности преобладало мелкое, зачастую полукустарное производство, основанное на ручном труде и примитивной технической базе. Характерно, например, что на 1937 г. в Адыгее из 52 промышленных предприятий 31 было расположено в сельских районах области. Еще в 1951 г. в промышленном производстве здесь было занято всего 672 адыгейца²⁵¹.

Поворот к более масштабной индустриализации и диверсификации промышленного производства в северокавказских автономиях заметился уже в 1950-е гг., но разрыв в темпах индустриализации *территорий* и темпах становления социальной структуры индустриального общества у коренных *народов* региона оставался значительным. К концу этого десятилетия местный этнический социум автономных республик и областей Северного Кавказа стоял только на пороге подлинной индустриализации и урбанизации. Развитие машинно-технической базы сельскохозяйственного производства вплоть до этого времени также почти не влияло на социально-профессиональную структуру сельского населения.

Процессы социально-экономического развития по-прежнему сопровождались масштабной перестройкой этнодемографической структуры региона (см. табл. 3). В результате большинство «титульных» народов северокавказских автономий превратилось в этническое меньшинство среди населения республик и областей региона. Так, в Адыгейской автономной области доля титульной национальной группы сократилась с 55,7 % в 1926 году до 23,1 % – в 1959. Титульные национальные группы Карачаевской и Черкесской АО, составлявшие 77,3 % населения двух областей в 1926 году, в 1959 году вместе составляли лишь 33,1 % населения Карачаево-Черкесской АО. Доля кабардинцев и балкарцев в КБАССР снизилась с 76,4 % до 53,4 % населения республики. Если чеченцы и ингуши составляли в 1926 году 94,5 % населения Чеченской и Ингушской АО, то к 1959 году на долю чеченцев и ингушей в ЧИАССР приходилось 42,2 % населения республики. Удельный вес осетинского населения, достигавший 84,2 % населения СОАО, снизился после включения г. Владикавказа в состав области и к 1959 г. составлял 55,0 %.

Таблица 3

Доля титульных национальностей в населении
автономных республик и областей (1926-1959 гг.)

	1926		1939		1959	
	Численность	Доля в %	Численность	Доля в %	Численность	Доля в %
Адыгея						
Все население	112,8	100	241,8	100	284,7	100
Адыгейцы	52,3	46,4	55,0	22,7	65,9	23,1
Карачаево-Черкесия						
Все население*	101,5	100	243,2	100	278,0	100
Карачаевцы	52,5	51,7	70,3	28,9	67,8	24,4
Черкесы	26,0	25,6	16,0	6,6	24,1	8,7
Кабардино-Балкария						
Все население	203,8	100	359,2	100	420,1	100
Кабардинцы	122,4	60,1	152,3	42,4	190,3	45,3
Балкарии	33,2	16,3	40,7	11,3	34,1	8,1
Северная Осетия						
Все население**	230,7	100	329,2	100	450,6	100
Осетины	128,3	55,6	165,6	50,3	247,8	55,0
Чечено-Ингушетия						
Все население	384,9	100	697,0	100	710,4	100
Чеченцы	291,3	75,7	268,4	38,5	244,0	34,3
Ингуши	72,5	18,8	83,8	12,0	55,8	7,9
Дагестан						
Все население	784,0	100	930,4	100	1062,4	100
Народности Дагестана	574,8	73,3	683,2	73,4	736,2	69,3

*За 1926 и 1939 гг. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Карачаевской АО и Черкесской АО.

**Включая население г. Владикавказа.

*** За 1926 г. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Чеченской АО и Ингушской АО, включая население г. Грозного.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. I. – М., 1991.

В результате начавшейся с 30-х гг. индустриальной модернизации региона изменился социальный состав населения всех автономий Северного Кавказа (см. табл. 4). Развитие экономики и административно-политических структур в рамках северокавказских автономий расширяло возможности для социальной мобильности и преодоления местными обществами деревенской замкнутости. Уже в 1939 г. в Адыгейской АО среди всего населения рабочие города и села составляли 29 %, служащие – 15,8 %, а колхозники – только 51,9 %. В КБАССР соответствующие цифры – 26,1 %, 15,2 %, 56,8 %. В Черкесской АО – 28,6 %, 16,8 %, 49,9 %. Если говорить о Чечено-Ингушетии, то количество рабочих крупной промышленности увеличилось с 6425 человек в 1913 г. до 17537 человек в 1940 г. (то есть более чем в 2,5 раза). А выработка на одного рабочего (в сопоставимых ценах) в 1940 г. составила 418 % от уровня выработки 1913 г.

Согласно официальным оценкам того времени, экономика северокавказских автономий уже к концу 30-х годов приобрела индустриально-аграрный характер. Но масштабы реальной модернизации социально-экономических структур «этнических» обществ Северного Кавказа вплоть до конца 50-х годов оставались весьма незначительными. Они по преимуществу оставались аграрным. В 1939 г. доля городского населения в РСФСР уже составила 33 %, а у народов Северного Кавказа уровень урбанизации оставался в пределах от 2,1 % у балкарцев и ингушей до 7,4 % у чеченцев. Среди наиболее урбанизированных из числа народов Северного Кавказа осетин доля горожан составляла в это время 20,8 %. К 1959 году степень урбанизации народов региона несколько повысилась и выровнялась, теперь она располагалась в пределах от 10,8 % у ингушей до 16,5 % у народов Дагестана. По прежнему в этом ряду выделялись осетины – 35,6 % городских жителей, но и они далеки еще были от общероссийского показателя в 52 % городского населения (см. табл. 5).

Таблица 4

Доля основных общественных групп населения
автономных областей и республик Северного Кавказа
(1926-1959 гг.) в % ко всему населению

	1926			1939			1959		
	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне*	Рабочие	Служащие	Крестьяне
Адыгея	2,8	0,9	96,3	29,0	15,8	55,2	41,7	17,6	40,5
Карачаево-Черкесия*	0,7	0,7	98,6	21,1	11,2	67,7	62,4	16,0	21,5
Кабардино-Балкария	0,8	0,9	98,3	26,1	15,2	58,7	38,3	18,4	43,2
Северная Осетия	8,0	1,0	91,0	35,3	22,5	39,4	44,7	24,5	30,7
Чечено-Ингушетия	0,8	0,5	98,7	25,3	15,1	59,6	60,1	20,1	19,7
Дагестан	4,9	1,2	93,9	15,6	12,0	72,4	26,9	17,6	55,2

*В данных за 1939 г. по Карачаево-Черкесии верхняя цифра относится к Карабаевской АО, а нижняя – к Черкесской АО.

**За 1939 г. в графе «крестьяне» показаны данные по колхозникам, крестьянам-единоличникам.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963.

Таблица 5

Уровень урбанизации по автономным образованиям
и национальностям Северного Кавказа (1926-1959 гг.)

	1926			1939			1959		
	Чеченцы	Б.т.к.	Адыги	Чеченцы	Б.т.к.	Адыги	Чеченцы	Б.т.к.	Адыги
	тыс.	%	тыс.	тыс.	%	тыс.	тыс.	%	тыс.
Адыгейя									
Все население	112,8	0	0	241,8	55,9	23,1	284,7	95,5	34,0
Адыгейцы	52,3	0	0	55,0	1,8	3,3	65,9	5,9	8,9
Карачаево-Черкесия									
Все население*	101,5	0	0	243,2	39,3	16,2	278,0	65,5	24,0
Карачаевцы	52,5	0	0	70,3	2,3	3,3	67,8	4,8	7,0
Черкесы	26,0	0	0	16,0	0,4	2,6	24,1	1,5	6,8
Кабардино-Балкария									
Все население	203,8	12,8	6,3	359,2	84,7	23,6	420,1	166,0	39,5
Кабардинцы	122,4	0,87	0,71	152,3	5,4	3,5	190,3	23,0	12,1
Балкары	33,2	0,35	1,1	40,7	0,9	2,1	34,1	4,7	13,8

Продолжение таблицы 5

Северная Осетия						
Чечено-Ингушетия						
Все население***	230,7	80,0	34,7	329,2	155,1	47,1
Осетины	128,3	10,6	8,3	165,6	34,5	20,8
Ингуши	72,5	0,8	1,1	83,8	1,8	2,1
Дагестан						
Все население	784,0	81,4	10,4	930,4	196,4	21,1
Народности	574,8	12,9	2,2	683,2	41,9	6,1
Дагестана ***						

*За 1926 и 1939 гг. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Карачаевской АО и Черкесской АО.

** Включая население г. Владикавказа.

*** За 1926 г. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Чеченской АО и Ингушской АО, включая население г. Грозного.

**** За 1959 г. только аварцы, даргинцы, кумыки и лезгины.

Источники. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Г.В. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.

Но за 40 лет советской власти, прошедших после завершения гражданской войны, созрели предпосылки для модернизационного рывка, совершенного северокавказскими народами в 1960-80-е годы. Развитие экономики и административно-политических структур в рамках автономий расширяло возможности для социальной мобильности и преодоления местным обществом деревенской замкнутости. Уже к 1959 г. рабочие и служащие составляли в социальной структуре Адыгейской АО 59,3 %, Карачаево-Черкесской АО – 76,4 %, Кабардино-Балкарии – 54,7 %, Чечено-Ингушетии – 80,2 %, Дагестане – 44,5 %, Северной Осетии – 69,2 % населения. Эти данные отражают не столько социально-профессиональную структуру коренного населения, сколько сдвиги в его непосредственном социальном окружении и *новые возможности для социальной мобильности*.

Основным фактором социальной мобильности постепенно становится получение общего и профессионального образования. Так, если к 1916 г. в Дагестане функционировало 10 тыс. арабских школ, 1700 мечетей, 5000 мулл, 7000 муталимов, то к концу 30-х годов Дагестан стал республикой почти сплошной грамотности: была создана и развивалась на местных языках письменность, сформировалась национальная интеллигенция. В 1940 г. в общеобразовательных школах обучалось 214,3 тыс. учащихся. Иначе говоря, в 1940-41 учебном году в Дагестане работало в 3 раза больше школ и обучалось почти в 6,5 раза больше детей, чем в 1927-28 учебном году. В 1940 г. в ДАССР функционировало 5 высших, включая учительский институт и, 23 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 7500 человек. Число лиц с высшим и средним специальным образованием по переписи 1939 г. составило около 43 тыс. человек, из них 46 % являлись представителями Дагестана.

За 1939-1959 гг. доля населения, имеющего высшее и среднее образование, в целом по РСФСР увеличилась в 3,4 раза. Темпы роста образовательного уровня народов Северного Кавказа были существенно выше общероссийских. Эти показатели варьировались здесь от 3,9 раз у осетин до 13 раз у аварцев.

Ориентация на получение современного образования становится теперь массовой социальной установкой. Воспроизводство местной образованной элиты (партийно-советской, хозяйственной, научно-технической и т.д.) постепенно перестает зависеть от идущего сверху «выдвиженчества» и выступает показателем «внутренней» социальной мобильности местных этни-

ческих обществ. Таким образом, в основном завершаются процессы культурно-психологической адаптации к условиям и требованиям социалистической модернизации.

Здесь возникает естественный вопрос, как соотносится с этим утверждением общизвестный факт насилиственного выселения и двенадцатилетнего пребывания карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев в Средней Азии и Казахстане на положении спецпоселенцев? «Внешняя» сторона вопроса связана с оценкой действий тогдашнего политического режима. Не вызывает сомнений их преступный характер. Иногда это преступление квалифицируется как геноцид. Однако доступные факты не позволяют говорить о сознательном стремлении государственной власти к физическому уничтожению депортированных народов.

Но вместе с тем весьма важно осознавать, что в этно-социальном опыте народов, подвергшихся депортации, присутствует элемент исключительности.

Прежде всего, речь идет о демографических потерях. Из справки о рождаемости и смертности спецпоселенцев, составленной в МВД СССР 28 июля 1951 г. видно, каковы были масштабы смертности среди депортированных с Северного Кавказа. Можно сказать, что до 1948 г. шло их прямое вымирание.

Только с 1949 г. рождаемость среди выселенных балкарцев, ингушей, карачаевцев и чеченцев начала превосходить смертность, но суммарно за 1945-1950 гг. смертность почти вдвое превышала рождаемость (см. табл. 6).

Таблица 6
Рождаемость и смертность среди депортированного
с Северного Кавказа населения (1945-1950 гг.)

Наименование контингента	Родилось	Умерло
С Северного Кавказа		
За 1945 г.	2230	44652
За 1946 г.	4971	15634
За 1947 г.	7204	10849
За 1948 г.	10348	15 182
За 1949 г.	13831	10252
За 1950 г.	14973	8834
Всего с 1945-го по 1950 г.	53557	104903

Источник: Балкары: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабантайев. – Нальчик, 2001. – С. 118.

Во-вторых, под прямую угрозу было поставлено само национальное существование этих народов. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной Войны» от 26 ноября 1948 г. в целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным Советом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их выселения не были определены сроки их выселения, установил, «что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежали привлечению к уголовной ответственности с мерой наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ.

В-третьих, на протяжении целого ряда лет каждый представитель депортированных народов испытывал чрезвычайно сильное и острое чувство несправедливости и национального унижения, которое не могло не наложить отпечатка на всю национальную психологию. Без учета этих обстоятельств нельзя понять многое из того, что происходило на Северном Кавказе с конца 1980-х годов и нельзя строить современную политику в этом регионе.

И все же необходимо подчеркнуть, что основные линии социально-культурного развития этих народов проходили в период депортации в том же направлении, что и у тех народов Северного Кавказа, которых депортация не коснулась. По таким показателям социокультурной модернизации, как рост образовательного уровня, они также опережали среднероссийские показатели. Различия в темпах роста образовательного уровня между отдельными народами Северного Кавказа коррелировали с различиями исходных показателей, а не с фактом депортации того или иного народа. Так, у осетин, среди которых доля лиц со средним и высшим образованием уже в 1939 году составляла 10,8 %, этот показатель к 1959 году вырос в 3,9 раза. У чеченцев же, подвергшихся депортации, доля лиц, имеющих среднее и высшее образование увеличилась в 9,6 раз. Разрыв показателей уровня образования у этих народов сократился более чем в два раза: с двенадцати к одному в 1939 году до пяти к одному в 1959 году (см. табл. 7).

Таблица 7

**Уровень образования населения автономных республик
и областей Северного Кавказа**

	1939*	1959*
Адыгея		
Все население	6,7	
Адыгейцы	5,6	
Карачаево-Черкесия		
Все население	4,5	
Карачаевцы	3,2	
Черкесы	5,6	
Кабардино-Балкария		
Все население	6,2	35,2
Кабардинцы	2,6	22,0
Балкарцы	2,7	16,5
Северная Осетия		
Все население	12,8	43,0
Осетины	8,6	33,6
Чечено-Ингушетия		
Все население	5,0	29,9
Чеченцы	0,7	6,7
Ингуши	1,8	10,5
Дагестан		
Все население	4,7	28,1
Аварцы	1,3	16,9
Даргинцы	1,3	14,6
Кумыки	3,0	16,3
Лезгины	3,1	19,0

*Доля лиц, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Часть 1. – М., 1991; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов-на-Дону, 1996.

Вместе с тем, сохранившийся пятикратный разрыв между соседними северокавказскими народами по одному из ключевых показателей социокультурной модернизации демонстрирует существенные различия в глубине и масштабах их интеграции в общественную систему советской России.

Один из наиболее глубоких современных исследователей социокультурных процессов на Северном Кавказе А.А. Цуциев считает, что различие типов национальной адаптации горских народов в российской государственности, возникшее в период российской колонизации региона (как оппозиция между «добровольным вхождением» и «покорением»), вновь стало отчетливо выраженным в 1930-е годы. Он выделяет две «крайние формы» национальной адаптации горских народов в России – «осетинскую» и «чеченскую». Различие этих форм состоит в стремительной и глубокой, по горским меркам, интеграции Осетии в социокультурные и государственно-административные реалии империи, с одной стороны, и в устойчивом сопротивлении чеченского общества подобной интеграции, с другой. Различие двух типов отчасти воспроизвело в гражданской войне, однако, в гораздо большей степени – в процессе «большевизации» региона в 30-е годы. В этнических сообществах типа осетинского, имевших опыт социально-классового расслоения и политической поляризации, новая советская «тотальная власть» довольно успешно находила адекватную своим целям социальную базу – молодых выдвиженцев, для которых социализм и советское государство становятся подлинной верой, школой и по-прищем. В Ингушетии и Чечне фактически доминировала не советская, а традиционная элита – подлинная и органичная для своего сообщества, адекватная его социальной структуре, традициям и мировосприятию. Эта элита – духовенство и старейшины крепких фамильных групп – обеспечила значительный самосохраняющий антисоветский иммунитет вайнахов²⁵².

В целом, видимо, у тех народов, которые имели значительные массы сельского высокогорного населения (в том числе дагестанских), более устойчиво сохранялись позиции социального лидерства традиционных элит и обусловленное этим запаздывание процессов социокультурной адаптации, а опыт депортации придал этому обстоятельству некоторую политическую

заостренность. Но сохранявшаяся еще в тот период инерция государственной дисциплины и порядка и широкая общественная тяга к спокойствию и благополучию создавали условия для нового периода этнополитической стабильности в регионе и модернизационного рывка местных обществ.

Широко отмечавшееся на официальном государственном уровне в 1957 г. «400-летие добровольного присоединения» адыгских народов к России и последовавшая за этим серия подобных празднеств символизировали и для региональной партийно-государственной элиты, и для массового сознания два обстоятельства. Во-первых, признание со стороны советского государства не только идеально-политических, но и глубоких исторических основ национально-государственной автономии народов Северного Кавказа; признание за ними политической субъектности, хотя бы в историческом плане. Во-вторых, превращение народов региона в интегральную часть российского общества и государства.

Официальная политico-идеологическая концепция СССР рассматривала 1920-1950-е годы как период, когда советское социалистическое государство сначала обеспечило восстановление и развитие народного хозяйства на основе его многоукладности и на путях новой экономической политики (до конца 20-х гг.); затем, проведя форсированную индустриализацию и коллективизацию, добилось полной победы социализма (к концу 30-х гг.); и, наконец, организовав победу над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление и развитие экономики – закрепило окончательную победу социализма в СССР (к концу 50-х гг.).

В идеологии и науке того времени социально-политическое развитие северокавказских народов представлялось как полностью соответствующее магистральному направлению, внутреннему (социалистическому) содержанию и основным этапам развития всего советского общества и государства. Но в более широкой исторической перспективе 1920-1950-е гг. выступают как кульминация и процессов социально-политической интеграции северокавказского мира в российское общество, время существенного подрыва базовых функций традиционной этнической культуры по регулированию общественной жизни, и вместе с тем, подготовки условий для реальной социально-экономической модернизации этнических социумов региона.

В 20-50-е годы основным фактором интеграции северокавказских народов в тогдашнее российское общество выступала их политическая и идеологическая «советизация». Она базировалась на постулате о несовместимости традиционной социальной организации и культуры народов региона с принципами организации и функционирования нового социалистического общества.

На политическом уровне советизация местных обществ была связана с выработкой устойчивой политико-административной формы управления общественными процессами в виде советских социалистических автономий.

На уровне общественных структур советизация означала постепенное, но неуклонное изживание традиционных для северокавказского общества форм социальности, вытеснение традиционных элитных, слоев и их замещение этнической элитой целиком сформированной в лоне советской партийно-государственной системы. Со времени гражданской войны и до начала 30-х годов последовательно устраивались с общественной арены остатки княжеско-дворянского сословия, единичные представители предпринимательской и военно-административной элиты дореволюционного времени, «просветительская» интелигенция, мусульманское духовенство, сельская крестьянская элита. Одновременно шел процесс отбора и формирования все более широкого слоя советских партийно-управленческих кадров. Его состав в 20-30-е годы оставался крайне неустойчивым. Но в 50-е гг. он не только заметно вырос количественно (во многом за счет поколения, прошедшего фронтовую школу Великой Отечественной войны), но и стабилизировался.

Различные аспекты социально-политической эволюции северокавказского общества реализовались неравномерно. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при относительной устойчивости традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слому «попреформенной» социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывают

духовно-идеологическую автономию горской деревни, остававшейся до этих пор средоточием воспроизведения этносоциальной и этнокультурной традиции. Затем период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, по сути дела, первый со времени их вхождения в состав России опыт всенародной сопричастности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага. В 1950-е гг. – переход социального лидерства к советскому поколению местных обществ и превращение государственной системы образования в основной механизм социализации подрастающих поколений – завершают интеграцию народов Северного Кавказа в российское советское общество в качестве его неотъемлемой части.

4.4. Процессы социально-культурного синтеза и этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа на этапе зрелой соцмодернизации (1960-80-е гг.)

Три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Ощутимо выросла их демографическая масштабность. Численность населения РСФСР выросла за 1959-1989 гг. примерно на 25 %. Рост населения северокавказских автономий находился в интервале от 40 % в Северной Осетии до 80 % в Чечено-Ингушетии. В целом население шести национально-государственных образований региона выросло с примерно 3216200 до более чем 5305000 (в 1,6 раза). При этом темпы прироста численности русского населения здесь существенно замедлились в 1970-е гг., а в Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестане началось его сокращение²⁵³. В результате прекратилось снижение доли титульных национальных групп в общей численности населения соответствующих автономных республик и областей (см. табл. 8).

Вначале реконструируем основные социальные процессы 60-80-х гг. на материалах одной из республик региона – Кабардино-Балкарской.

Таблица 8

Доля титульных национальностей в населении автономных республик и областей (1926-1989 гг.)

	1926		1939		1959		1989	
	Национальность	% в %						
Адыгея								
Все население	112,8	100	241,8	100	284,7	100	432,0	100
Адыгейцы	52,3	46,4	55,0	22,7	65,9	23,1	94,4	21,9
Карачаево-Черкесия								
Все население*	101,5	100	243,2	100	278,0	100	414,0	100
Карачаевцы	52,5	51,7	70,3	28,9	67,8	24,4	129,4	31,3
Черкесы	26,0	25,6	16,0	6,6	24,1	8,7	40,2	9,7
Кабардино-Балкарья								
Все население	203,8	100	359,2	100	420,1	100	759,6	100
Кабардинцы	122,4	60,1	152,3	42,4	190,3	45,3	363,5	47,9
Балкарцы	33,2	16,3	40,7	11,3	34,1	8,1	70,8	9,3

Продолжение таблицы 8

Северная Осетия						
Чечено-Ингушетия						
Все население	230,7	100	329,2	100	450,6	100
Осетины	128,3	55,6	165,6	50,3	247,8	55,0
Чеченцы	291,3	75,7	268,4	38,5	244,0	34,3
Ингуши	72,5	18,8	83,8	12,0	55,8	7,9
Дагестан	784,0	100	930,4	100	1062,4	100
Народности	574,8	73,3	683,2	73,4	736,2	69,3
Дагестана						

*За 1926 и 1939 гг. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Карачаевской АО и Черкесской АО.

**Включая население г. Владикавказа.

*** За 1926 г. даны суммарные абсолютные показатели и средние процентные показатели по Чеченской АО и Ингушской АО, включая население г. Грозного.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР, Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. – М., 1991.

Конец 1950-х годов стал временем, в котором сконцентрировались реальные и символические знаки глубоких перемен в условиях и формах социального и национального развития народов Кабардино-Балкарии. Прежде всего, произошел глубокий позитивный поворот в судьбах балкарского народа. Принципиальное политическое решение об исправлении допущенной по отношению к нему несправедливости было зафиксировано в постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Конституционный процесс восстановления автономии балкарского народа завершился 28 марта 1957 г. принятием Закона ВС КБАССР «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР».

Воплощение в жизнь этих политических и правовых актов требовало проведения масштабных организационных и хозяйственных мероприятий по возвращению, размещению, трудовому и культурно-бытовому обустройству десятков тысяч людей, соответствующих затрат и помощи возвращающимся в родные места. За 3 года с 1957 года в Кабардино-Балкарию из Средней Азии и Казахстана было переселено 9335 балкарских семей, с общим числом населения 35 367 человек, и балкарцы составляли 8,4 % всего населения республики. На 1 января 1960 года в Казахской и Киргизской ССР оставались 1084 балкарских семьи, которые пожелали пока не возвращаться²⁵⁴.

Нет необходимости доказывать, что весь процесс возвращения был сопряжен с новыми трудностями для балкарского населения. Видимо не все вопросы были решены наилучшим образом и до конца, а в использовании средств допускались отдельные злоупотребления. Но принципиальное политическое содержание тех процессов, которые развивались в Кабардино-Балкарии на рубеже 1950-1960-х годов представляется однозначным – произошла полноценная реинтеграция балкарского народа, в политическую, социально-экономическую, культурную систему единой Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республики. Восстановление политиче-

ского статуса, возвращение к местам проживания, полное равенство с другими народами в гражданских правах, создание необходимых условий для дальнейшего развития национальной культуры – все это в совокупности означало реабилитацию репрессированного балкарского народа.

Это произошло в рамках той же самой политico-правовой системы, в которой ранее имела место депортация народов. В ее же рамках на равных основаниях и в качественно равноценных условиях продолжилось теперь национальное существование всех народов КБАССР. Иное понимание сущности реабилитации, связывающей ее с каким-либо национальным обособлением балкарцев внутри республики, в тот период не прослеживается. И дело не только в том, что это не укладывалось в официальную идеологию интернационализма. Реальные устремления и интересы самого народа находились в сфере интегративных процессов.

Не менее важно указать, что за 40 лет советской власти, прошедших после завершения гражданской войны, созрели предпосылки для модернизационного рывка, совершенного народами республики в 1960-80-е годы. Численность наличного населения КБАССР увеличилась примерно на 340 тыс. человек и достигла почти 760 тыс. Кабардинское население республики выросло с 190,3 тыс. до 363,5 тыс. человек. Балкарский народ в основном преодолел демографические последствия депортации и достиг численности в 70,8 тыс. человек.

Развиваясь опережающими темпами во все годы послевоенного периода, промышленность Кабардино-Балкарии ускорила это опережение в десятилетии 1961-1970 гг., когда среднегодовые темпы прироста продукции в республике почти в 1,5 раза превышали средние союзные. Опережение сохранялось и в последующем десятилетии. Следствием столь интенсивного наращивания темпов роста промышленного производства в Кабардино-Балкарии является то, что в 1980 г. довоенный уровень был превзойден в 28 раз при соответствующем увеличении в целом по стране в 21 раз (см. табл. 9).

Таблица 9
Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции
СССР и КБАССР за 1940-1980 гг. (%)

Годы	СССР	КБАССР	Опережение республикой темпов прироста СССР (СССР = 1)
1940-1950	5,6	3,7	0,66
1950-1960	11,7	11,8	1,01
1960-1970	8,6	12,6	1,47
1970-1980	5,95	6,9	1,16

Источник: Хашхожева Т.А. Экономическая эффективность промышленного производства Кабардино-Балкарской АССР. -- Нальчик, 1984. -- С. 28.

Важным этапом на пути индустриализации экономики республики явились 70-е годы, в течение которых объем промышленного производства удвоился. Высокие темпы роста и увеличивающиеся абсолютные приrostы производства свидетельствуют о динамичном развитии промышленности. Интенсивное развитие этой отрасли потребовало крупных прогрессивных сдвигов в ее структуре. Опережающими темпами развивались машиностроение и приборостроение, ускоряющие научно-технический прогресс, особенно такие подотрасли, как приборостроение и телевтоматика, производство алмазного инструмента, полупроводниковых приборов: при среднегодовых темпах прироста объемов промышленного производства 7,1 % прирост продукции в машиностроении составил 15,9 %. Это привело к увеличению удельного веса машиностроения в общем объеме промышленного производства.

Неуклонное наращивание промышленного потенциала в 1960-1970-е гг. сопровождалось все большей дифференциацией и усложнением отраслевой структуры, совершенствованием межотраслевых пропорций. Наиболее существенное влияние на структурные сдвиги в промышленности Кабардино-Балкарии оказали две отрасли – машиностроение и легкая промышленность, которые развиваются опережающими темпами по сравнению с другими отраслями и промышленностью в целом. Более быстрый рост машиностроения повысил долю этой отрасли в валовой продукции

всей промышленности с 10,7 до 36,8 % и легкой промышленности – с 10 до 17,5 %. Одновременно происходило совершенствование отраслевой структуры машиностроения и металлообработки путем увеличения удельного веса электротехнической промышленности, приборостроения, производства средств автоматики, телемеханики, автоматических средств управления. Эти отрасли машиностроения становятся ведущими. Быстрыми темпами развивается в те годы и цветная металлургия республики.

Широкое развитие получает промышленность строительных материалов, продукция которой за минувшие два десятилетия увеличилась в 3,6 раза. Интенсивно расширяется легкая промышленность, продукция которой за 1960–1980 годы увеличилась в двенадцать раз. Значительных успехов достигла и многоотраслевая пищевая промышленность, объем продукции которой вырос в 2,3 раза²⁵⁵.

В результате опережающего роста промышленности Кабардино-Балкария смогла значительно сократить разрыв уровня развития промышленного производства относительно страны в целом. Так, в 1940 г. в Кабардино-Балкарии в расчете на душу населения производилось промышленной продукции 22 % к соответствующему среднесоюзному показателю. В 1980 г. душевое производство продукции промышленности уже составило около 75 % среднесоюзного уровня. Таким образом, разрыв в уровнях промышленного развития страны и республики по производству продукции на душу населения сократился за 1940–1980 гг. почти в 3,5 раза, что являлось крупным достижением в индустриальном развитии Кабардино-Балкарии. Однако и в условиях ускоренного роста промышленности показатель производства валовой продукции на душу населения в республике был еще ниже среднесоюзного на 25 %. Ниже среднесоюзного уровня оставалась и стоимость промышленно-производственных основных фондов в расчете на душу населения. По данным за 1980 г., этот показатель в республике составлял несколько более половины среднесоюзного (57 %).

Показателем уровня развития промышленности служит также численность рабочих и служащих на тысячу человек населения. В послевоенный период в результате бурного развития промышленности и связанного с этим увеличения занятости в ней рабочих

и служащих численность последних в расчете на тысячу населения Кабардино-Балкарии в сравнении с соответствующим показателем по стране значительно поднялась: с 43,6 % в 1940 г. до 62 % в 1960 г. и до 84 % в 1980 г. от среднесоюзного показателя.

Таким образом, количественная оценка уровня промышленного развития Кабардино-Балкарии по территориальным индексам (по валовой продукции и стоимости промышленно-производственных основных фондов на душу населения, а также численности промышленно-производственного персонала на тысячу населения) позволяет говорить, с одной стороны, о значительно возросшем уровне такого развития по сравнению даже с довоенным периодом, когда промышленность уже достигла сравнительно высоких рубежей, а с другой стороны, о все еще более низком по сравнению со среднесоюзовным уровнем развития промышленности республики. Расчет сводного индекса показывает, что уровень промышленного развития Кабардино-Балкарии ниже, чем в среднем по стране, на 28-29 %²⁵⁶.

Изменения в социальной структуре коренного населения все еще отставали от общих сдвигов в социально-экономической структуре республики. В 1948 г. в составе рабочих пищевой промышленности удельный вес рабочих коренной национальности достиг 15,6 %, местной – 10,9 %, легкой – 5,3 %, а во всей промышленности – 9,7 %. За 1957-1967 гг. доля кабардинцев и балкарцев в общей численности рабочих и служащих значительно увеличилась: в промышленности – с 23 до 27 %, в строительстве – с 21 до 26 %, на транспорте – с 6 до 19 %, в торговле, общественном питании, заготовке и материально-техническом снабжении – с 21 до 39 %, в жилищно-коммунальном хозяйстве – с 3 до 14 %. За этот период количество кабардинцев и балкарцев в народном хозяйстве республики выросло на 37 тыс. человек, или в три с лишним раза. Особенно быстрыми темпами росли национальные кадры на автотранспорте: в 1950 г. в отрасли работало 17 кабардинцев, в 1967 г. – 1819 кабардинцев и 330 балкарцев; медленнее – на железной дороге: в 1967 г. их удельный вес в общей численности занятых в этом виде транспорта составил всего 1,4 %.

Рост национальных кадров рабочего класса продолжался и в последующие годы – в восьмой, девятой и десятой пятилетках. Об этом свидетельствуют данные учета численности рабочих и

служащих по состоянию на 1 июня 1977 г. Удельный вес национальных кадров в промышленности составлял 34 %, в строительстве – 32 %, на автотранспорте – 41 %, в связи – 31 %, в совхозах – 52 %. А по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г., из общего числа занятых в промышленности, на транспорте, в связи и строительстве удельный вес кабардинцев составлял 33,5 %, балкарцев – 5,1 %. Доля коренного населения в сельском хозяйстве достигала 72,4 %, в торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении и сбыте, заготовках – 57,6 %, Численность кабардинцев и балкарцев превысила количество русских в легкой и пищевой промышленности, на автотранспорте.

Тем не менее, к началу 1980-х гг. основную массу квалифицированных рабочих на промышленных предприятиях, стройках, железнодорожном и авиационном транспорте, в связи составляли русские. В отраслях машиностроения и металлообработки удельный вес русских более чем в два раза превышал долю кабардинцев и балкарцев, занятых в этих отраслях. А на железнодорожном транспорте численность русских рабочих была в шесть раз больше числа рабочих из коренных национальностей²⁵⁷.

И все-таки, в долгосрочной перспективе выступает подлинно революционный сдвиг в структуре этнических обществ. По данным переписи населения 1926 г., самодеятельное население насчитывало 118332 человека. Из них занятые в промышленности рабочие составляли 565, а специалисты и служащие 175 человек. Среди коренных национальностей в промышленности было занято всего 26 рабочих и 21 служащий. Совершенно иную картину рисуют материалы переписи населения 1989 г. (см. табл. 10).

Здесь выступает диверсифицированная социально-профессиональная структура, в качественном плане соответствующая общероссийским параметрам и характерная в целом для общества современного типа. Различия в распределении занятого населения отдельных национальных групп по отраслям народного хозяйства также не столь значительны, но, тем не менее, очевидны. Так, если 34,56 % занятого русского населения работали в промышленности, то у кабардинцев на эту отрасль приходилось 26,75 % занятых, а у балкарцев – 23,92 %. С другой стороны, 24,48 % занятых кабардинцев трудились в сельском хозяйстве, в то время как у балкарцев – 20,66 %, а у русских – 11,44 %.

Таблица 10

Распределение занятого населения по отраслям
народного хозяйства (по данным переписи населения 1989 г.)

		Все занятое население						в том числе					
		казахстанцы			башкарцы			русские					
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9					
Все отрасли народного хозяйства	348303	100	161552	100	32528	100	116928	100					
в том числе:													
промышленность	102240	23,35	43217	26,75	7781	23,92	40412	34,56					
сельское хозяйство	65881	18,91	39543	24,48	6721	20,66	13384	11,44					
лесное хозяйство	1400	0,40	713	0,44	342	1,05	245	0,20					
транспорт	21062	6,04	8986	5,56	1632	5,01	8377	7,16					
связь	4159	1,19	1108	0,68	334	1,02	2242	1,91					
строительство	28820	8,27	10264	6,35	2679	8,23	12594	10,77					
торговля и общественное питание	22922	6,58	12846	7,95	2292	7,04	5152	4,40					
материально-техническое снабже- ние и сбыт	2287	0,65	1136	0,70	225	0,69	723	0,61					
заготовки	2223	0,63	1232	0,76	165	0,50	580	0,49					
информационно-вычислительное обслуживание	778	0,22	269	0,18	56	0,17	369	0,31					

Продолжение таблицы 10

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Прочие отрасли материального производства	2165	0,62	840	0,51	240	0,73	877	0,75
Жилищно-коммунальное хозяйство	8909	2,55	2720	1,68	756	2,32	4242	3,62
Бытовое обслуживание населения	4751	1,36	1589	0,98	707	2,17	1576	1,34
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	23418	6,72	10351	6,40	2847	8,75	7653	6,54
Народное образование	29856	8,57	15087	9,33	2565	7,88	9161	7,83
Культура и искусство	4996	1,43	2006	1,24	622	1,91	1654	1,41
Наука и научное обслуживание	4133	1,18	1178	0,72	359	1,10	1990	1,70
Кредитование и государственное страхование	1854	0,53	779	0,48	122	0,37	753	0,64
Управление	11573	3,32	5807	3,59	1144	3,51	3492	2,98
Партийные и общественные организации	1810	0,51	826	0,51	208	0,63	630	0,53
Перераспределение по отраслям и не указавшие отрасль	3066	0,88	1055	0,65	731	2,24	822	0,70

Источник: Материалы Госкомстата КБР

Динамично происходило сближение с общероссийскими показателями по удельному весу основных общественных групп. В РСФСР доля рабочих в общей численности населения выросла с 54,0 % в 1959 до 60,5 % в 1989 году, т.е. на 6,5 процентных пункта, в Кабардино-Балкарии – на 20,3 процентных пункта (с 38,3 % до 58,6 %)²⁵⁸.

Урбанизация Кабардино-Балкарии тесно связана с индустриализацией, хотя это не единственный фактор роста городов и городского населения в республике. Во всяком случае, если в 1926 г. только Нальчик имел (с 1921 г.) статус города, то к 1989 г. в республике насчитывалось 7 городов. Появление новых городов отражало не просто их административное значение, а результаты их промышленного и культурного развития. Численность городского населения республики за 1926-1989 гг. выросла с 12810 до 460552 человек, т.е. почти в 36 раз, а доля городского населения увеличилась с 6,28 % до 61,1 %. При этом в 1926 г. среди кабардинцев было всего 866, а среди балкарцев – 350 городских жителей. В 1989 г. 156,7 тысяч кабардинцев и 41,6 тысяч балкарцев проживало в городах республики. Настоящий рывок в урбанизации коренных национальностей произошел именно в 1960-1980-е гг. Еще в 1959 г. доля городского населения среди кабардинцев не превышала 12,1 %, а среди балкарцев 13,8 %. В 1989 г. этот показатель достиг у кабардинцев 43,1 %, а у балкарцев – 58,8 %. Но если балкарское население по уровню урбанизации приблизилось к средним показателям по республике, то кабардинцы сохранили существенное отставание от него.

Столь же существенные сдвиги произошли в уровне образования населения республики. Перепись 1926 г. фиксировала только показатель грамотности, что говорит само за себя. К 1939 г. в перечете на все население доля лиц со средним образованием среди кабардинцев и балкарцев была одинаковой – по 2,98 %, а доля лиц с высшим образованием различалась незначительно – 0,10 % у кабардинцев и 0,11 % у балкарцев. За 1939-1959 гг. число лиц, имеющих среднее образование (общее и неполное) выросло у кабардинцев в 7,7 раза, у балкарцев – в 4 раза. Число лиц с высшим образованием увеличилось, соответственно, в 8,1 и в 2,2 раза. Но доля образованных людей в общей численности населения оставалась сравнительно невысокой.

Знаковым событием, имевшим масштабную значимость для будущего народов Кабардино-Балкарии, было создание в 1957 г. на базе педагогического института государственного университета в Нальчике. Университет был открыт в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, сельскохозяйственного и инженерно-строительного. На 21 кафедре университета готовили работников по одиннадцати специальностям. Всего в КБГУ обучалось около 3000 студентов, из них на заочном отделении 1300 человек. При университете открылась аспирантура.

Усилия, предпринятые руководством республики и будущим первым ректором КБГУ Х.М. Бербековым для достижения этого результата, показывают, что к концу 1950-х гг. здесь сложилась зрелая национальная элита, которая осознавала необходимость комплексной модернизации экономики, общества и культуры Кабардино-Балкарии.

В последующие три десятилетия произошел полилинейный прорыв в повышении образовательного уровня, и именно он привел к качественному сдвигу в общем социокультурном облике народов республики.

С 1959 по 1989 г. число лиц со средним общим образованием у кабардинцев увеличилось почти в 12, а с высшим – более чем в 24 раза. Заметные изменения произошли в уровне образования балкарцев. Почти в 19 раз выросло число лиц со средним и в 55 раз – с высшим образованием. В итоге, если в среднем по РСФСР в 1989 г. на 1000 населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, то в Кабардино-Балкарии этот показатель составлял 817 человек. И в данном случае следует обратить внимание, что сохранялась определенная дифференциация между основными национальными группами населения республики.

Таким образом, на протяжении примерно 70 лет традиционное аграрно-крестьянское общество сменилось в Кабардино-Балкарии обществом современного типа. На практически неизменной территории в рамках устойчивой политico-административной формы советской автономии сложился новый социальный субъект национальной государственности народов Кабардино-Балкарии – демографически гораздо более масштабный, экономически – динамичный, в культурном плане – более открытый. Социальная система республики по сравнению с пе-

риодом ее образования стала гораздо более сложной по структуре и универсальной по функциям.

За 1960-1970-е годы произошел скачок в уровне индустриального развития всего Северного Кавказа. К концу 1970-х гг. удельный вес промышленности в валовой продукции хозяйства составлял более 74 %. Такой скачок обеспечил техническое перевооружение сельского хозяйства. Вместе с тем, эти структурные сдвиги не повлекли за собой столь же ярко выраженные в количественном смысле изменения в сближении уровней органического строения промышленности и сельского хозяйства. Органическое строение земледельческого производства существенно уступало соответствующему показателю в промышленности. То есть имелись реальные экономические условия, которые в сочетании с другими социальными факторами оказывали сдерживающее влияние на темпы сокращения численности сельского населения, особенно в национальных районах.

Наилучшими условиями для размещения промышленного производства в регионе обладали крупные городские поселения, которые в силу их малочисленности стали со временем основными индустриальными, научными и культурными центрами Северного Кавказа. Но при сравнении «русских» и национальных районов получалась весьма контрастная картина. В столичных центрах было сосредоточено не менее 75-80 % промышленного производства соответствующей автономной республики. Такое положение отрицательно сказывалось на судьбе малых и средних городов и не способствовало комплексному территориальному развитию. В среднем на каждый малый и средний город в «русских» районах приходилось основных промышленно-производственных фондов в два раза больше, чем на каждый такой город в автономных республиках. Не случайно поэтому, что здесь более рельефно выступала и проблема занятости населения в общественном производстве.

По данным за 1970 г., доля населения трудоспособного возраста, занятого в общественном производстве (за вычетом лиц старше 16 лет, обучающихся с отрывом от производства), составила по региону 89,7 %, в т.ч. по «русским» районам – 90,3 % и по национальным – 87,5 %. Сравнение этих показателей с принятыми в науке предельными величинами (93-94 %) показывает, что «потолок» полной занятости населения в общественном производстве достигнут не был²⁵⁹.

В масштабах всего Северного Кавказа также в 1960-1970-е гг. заметно модернизируется промышленная структура. В Дагестане только за период с 1959 по 1979 г. построено и введено в действие около 20 машиностроительных заводов. В 1977 г. в промышленности Чечено-Ингушетии насчитывалось 128 современных предприятий, Северной Осетии – 139, Кабардино-Балкарии – 115 и Дагестана – 139²⁶⁰. Удельный вес продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности вырос за это время с 16,5 до 31,7 % в Дагестане, с 11,0 до 40,2 % в Кабардино-Балкарии и с 5,0 до 24,6 % в Карачаево-Черкесии. Соответственно, произошло сокращение удельного веса традиционных для региона отраслей легкой и пищевой промышленности²⁶¹.

Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре местных обществ. Изменения социально-экономических структур в этот период определяются не столько перестройкой социально-демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самого этнического социума.

Вместе с тем, на этой стадии происходит как бы взаимное наложение результатов исторического и современного развития, породившее явно выраженные «кумулятивные» эффекты. Процессы модернизации сопровождаются ослаблением влияния традиционных культурных систем на всю сферу общественных отношений. При весомом вкладе «внешнего» фактора (общегосударственной политики и системы образования) здесь не менее важна была переориентация этносоциальных общностей с воспроизведения традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию. «Активной» стороной во взаимодействии дуалистических начал традиции и новаций становится основная масса населения, и молодежь, прежде всего.

Наиболее обобщенным показателем этих процессов является урбанизация (см. табл. 11). Так, городское население в РСФСР за 1959-1979 гг. выросло в 1,6 раза. За этот же период численность городского населения среди осетин увеличилась в 2,5 раза, у аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин – в 2,9; у кабардинцев – в 3,9; у балкарцев – в 5,5; у чеченцев – в 6, и ингушей – в 10,2 раза²⁶².

Таблица 11

Уровень урбанизации по автономным областям,
республикам и национальностям

	1959	1989	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)
	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)	Численность (тыс.)
Альгей						
Все население	284,7	95,5	34,0	432,0	225,2	52,1
Альгейцы	65,9	5,9	8,9	94,4	31,8	33,7
Карачаево-Черкесия						
Все население*	278,0	65,5	24,0	414,0	201,7	48,6
Карачаевцы	67,8	4,8	7,0	129,4	38,8	30,0
Черкесы	24,1	1,5	6,8	40,2	12,1	30,0
Кабардино-Балкария						
Все население	420,1	166,0	40,0	759,6	465,0	61,2
Кабардинцы	190,3	23,0	13,9	363,5	156,7	43,1
Балкарцы	34,1	4,7	15,6	70,8	41,6	58,8

Продолжение таблицы 11

		Северная Осетия			
Все население**	450,6	237,5	53,0	632,4	433,7
Осетины	247,8	88,2	35,6	334,9	213,7
		Чеченско-Ингушетия			
Все население***	710,4	293,7	41,0	1270,4	525,4
Чеченцы	244,0	28,7	11,8	734,5	183,6
Ингуши	55,8	6,0	10,8	163,8	58,0
Дагестан					35,4
Все население***	1062,4	315,0	30,0	1802,2	779,3
Народности Дагестана	649,2	107,0	16,5	1164,5	378,0
					43,2
					32,5

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. – М., 1991; Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.

По характерной тенденцией для региона были также изменения форм сельского расселения. Прежде всего, происходило их укрупнение. В среднем каждое северокавказское селение концентрировало к концу 1960-х годов в 1,9 раза населения больше, чем в 1926 г. Абсолютно преобладающая часть сельского населения (69,6 %) проживала в крупных поселениях (более 1000 жителей), хотя доля самих поселений составила всего 17,9 %. По сравнению с 1959 г. число мелких поселений сократилось на 78 %, а численность населения в них – на 59,1 %. Число крупных поселений возросло на 24 %, а численность населения в них – на 23,4 %. Специалисты оценивали эту тенденцию как ярко выраженный процесс урбанизации села²⁶³.

В свою очередь, развитие городских поселений отличалось рядом особенностей. Из 96 существовавших в регионе городов 68 возникли в советское время. Большинство из них развились в города из крупных сельских поселений и поселков городского типа. В этом состояла одна из причин преобладания в регионе малых и средних городов. Доля городов с населением до 50 тыс. чел. составила в 1959 г. – 84,8 %, а в 1970 г. – 82,7 % с общей концентрацией городского населения в 31,2 %. Удельный вес средних городов (от 50 до 100 тыс. чел.) возрос с 8,2 % в 1959 г. до 9,4 % в 1970 г. и проживало в них 16,7 % городского населения. Ведущая роль в концентрации городского населения принадлежала большим, крупным и сверхкрупным городам. На Северном Кавказе большие и крупные города являются, как правило, краевыми, областными и республиканскими центрами. По переписи 1979 г. удельный вес населения столиц во всем населении соответствующих республик и областей составлял: Махачкалы – 39,1 %, Нальчика – 52,7 %, Орджоникидзе – 68,9 %, Грозного – 76,4 %, Майкопа – 66,3 %, Черкесска – 56,3 %. В целом такое положение остается стабильным уже на протяжении 20 лет и не способствует (особенно в национальных районах) активизации роли малых и средних городов. Между тем, в самой этой группе весьма значительна доля городских поселений с односторонней народно-хозяйственной ориентацией, что обостряло проблему занятости.

Масштабы урбанизации в северокавказских республиках предстают еще более выпукло в пределах долгосрочных периодов. В Адыгейской автономной области в 1926 году не было ни одного города, а в 1989 г. численность городского населения превысила 225 тысяч человек, составив 52,1 % населения области. Аналогичным было развитие в Карачаево-Черкесской АО, где доля городского населения к 1989 составила 48,6 %. Показатель урбанизации населения Кабардино-Балкарской АССР составил 61,1 % всего населения, а Северо-Осетинской АССР – 68,6 %. Несколько ниже были они в Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР (41,4 и 43,2 % соответственно). В целом, показатели урбанизации в регионе уступали общероссийским, но динамика этого процесса была чрезвычайно высокой. Выше отмечалось, что в Адыгее и Карачаево-Черкесии урбанизация развивалась как бы «с нуля», и к 1989 в каждой из этих областей численность городского населения вдвое превзошла общую численность их населения в 1926 году. В остальных республиках количество горожан выросло от 9,6 раза в Дагестане до более чем 120 раз в Чечено-Ингушетии²⁶¹.

Другой показатель социокультурной модернизации – уровень образования населения – также претерпел качественные изменения (см. табл. 12). Еще в 1939 году он оставался в пределах от 4,1 % в до 11,9 % по среднему образованию и от 0,3 % до 0,9 % по высшему образованию. В 1989 году доля лиц, имеющих среднее образование, колебалась от 47 до 50,9 %, а доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляла от 24,1 % до 31,7 %²⁶².

В итоге, к 1989 г., когда в целом по РСФСР на 1 тыс. чел населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, на Северном Кавказе этот показатель колебался от минимального – 750 человек в Чечено-Ингушетии, до максимального – 831 в Северной Осетии²⁶³.

Таблица 12

Уровень образования населения автономных республик
и областей Северного Кавказа

	1939*	1959*	1989**
Адыгея			
Все население	6,7	-	77,8
Адыгейцы	5,6	-	63,0
Карачаево-Черкесия			
Все население	4,5	-	77,5
Карачаевцы	3,2	-	58,1
Черкесы	5,6	-	60,7
Кабардино-Балкария			
Все население	6,2	35,2	81,7
Кабардинцы	2,6	22,0	59,9
Балкарцы	2,7	16,5	58,0
Северная Осетия			
Все население	12,8	43,0	83,1
Осетины	8,6	33,6	62,8
Чечено-Ингушетия			
Все население	5,0	29,9	75,0
Чеченцы	0,7	6,7	48,9
Ингуши	1,8	10,5	50,6
Дагестан			
Все население	4,7	28,1	76,0
Аварцы	1,3	16,9	51,1
Даргинцы	1,3	14,6	44,4
Кумыки	3,0	16,3	54,7
Лезгины	3,1	19,0	56,0

*Доля лиц, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование.

**Доля лиц, имеющих высшее, среднее специальное и общее среднее образование.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. – М., 1991; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов-на-Дону, 1996.

Столь же динамично происходило сближение с общероссийскими показателями по удельному весу основных общественных групп (см. табл. 13).

Таблица 13
Доля основных общественных групп населения
автономных областей и республик Северного Кавказа
(1926-1989 гг.) (в % ко всему населению)

	1926			1959			1989		
	Рабочие	Служащие	Крестьяне	Рабочие	Служащие	Крестьяне*	Рабочие	Служащие	Крестьяне*
Адыгея	2,8	0,9	96,3	41,7	17,6	40,5	57,0	27,5	15,4
Карачаево-Черкесия	0,7	0,7	98,6	62,4	16,0	21,5	64,0	25,7	9,7
Кабардино-Балкария	0,8	0,9	98,3	38,3	18,4	43,2	58,6	26,8	13,8
Северная Осетия	8,0	1,0	91,0	44,7	24,5	30,7	59,1	30,5	10,1
Чечено-Ингушетия	0,8	0,5	98,7	60,1	20,1	19,7	70,5	21,5	7,2
Дагестан	4,9	1,2	93,9	26,9	17,6	55,2	62,7	23,7	13,2

*Только колхозники.

Источники: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999; Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. – М., 1991.

В РСФСР доля рабочих в общей численности населения ширасла с 54,0 % в 1959, до 60,5 % в 1989 году, т.е. на 6,5 процентных пункта. По Северному Кавказу рост составил: в Адыгее 15,3 (с 41,7 до 57 %), в Карачаево-Черкесии – 1,6 (с 62,4 до 64 %), в Кабардино-Балкарии – 20,3 (с 38,3 до 58,6 %), в Северной Осетии – 14,4 (с 44,7 до 59,1 %), в Чечено-Ингушетии –

10,4 (с 60,1 до 70,5 %). В Дагестане рост составил 35,8 процентных пунктов (с 26,9 до 62,7 %). Происходило выравнивание и по удельному весу служащих. В 1989 г. он находился по Северному Кавказу в пределах от 21,5 до 30,5 % против среднероссийского показателя в 32 %²⁶⁷.

Оценивая сегодня эти цифровые данные, важно помнить, что население северокавказских республик и областей включалось тем самым в единый для всей страны процесс социально-экономического развития, осваивало общие для современной экономики формы производственной деятельности, городского образа жизни и культурного потребления, содержание среднего и профессионального образования, все шире охватывающего народы Северного Кавказа, строилось на общенаучной рационалистической основе.

Но социокультурные последствия процессов модернизации социально-экономических структур были неоднозначными. Они сопровождались заметным ослаблением влияния традиционной этнической культуры на всю сферу социальных отношений и жизненного поведения народов Северного Кавказа. Культурные ориентации старших и более молодых поколений стали различаться на качественном уровне. Весомое участие в этом процессе принимал «внешний» фактор – общегосударственная политика и единая система образования с обучением на русском языке. Но не менее важна была переориентация самого местного общества с воспроизведения традиционных социальных и культурных образцов на социальные инновации, на модернизацию.

Вместе с тем действие новых факторов этнонациональной консолидации (социальная и географическая мобильность, интенсивность и многообразие социальных взаимодействий, массовая образованность и расширение слоя национальной интеллигенции) привело к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости у народов региона, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом традиционных социокультурных образцов. Массовое национальное сознание стало основным носителем культурно-исторической преемственности в современном бытии кабардинского и балкарского народов.

Структуры национальной государственности давали не только символическую маркировку этнической идентичности, а были важнейшим элементом социально-политических и куль-

турных механизмов этносоциальной консолидации современных народов Северного Кавказа. Они обеспечивали институциональное оформление этносоциальной организации, поддерживали формальные механизмы воспроизведения национальной культуры, и тем самым способствовали торможению процессов национальной ассимиляции. Ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором внутреннего сплочения этнических обществ и сохраняли значимые социорегулятивные функции. Вместе с тем механизмы обучения и воспитания подрастающих поколений на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках «большого» советского общества. Традиционные «этнические» институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий каждому индивидуальную социальную мобильность и успех в общественной жизни. Производственный базис и социальная структура обществ приобрели сложный, дифференцированный характер; повысились их интегрированность и способность к самовоиспроизведству.

4.5. Итоговый баланс социальных трансформаций и этносоциальной преемственности на исходе советской эпохи

Внешне наиболее очевидный результат этой эпохи – выравнивание и сближение социально-экономических характеристик северокавказских этносоциальных общинностей со структурой российского общества в целом, достижение их принципиального «стадиального» единства. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло.

Прежде всего, сохранилось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общинностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа.

Итоговые оценки социально-экономического развития Северного Кавказа в современных исследованиях отмечены амбивалентностью²⁶⁸. Указывается, что в начале XX в. Север-

ный Кавказ включал аграрно-промышленную полуперифиерию (область Войска Донского), аграрную и сырьевую периферию (Кубанская область, Ставропольская губерния и Терская область) и крайне отсталую Дагестанскую область. Несмотря на преимущественно периферийную ориентацию территории и соответственно консервативно ориентированное население, макрорегион имел определенные потенции для социально-экономического развития. К ним можно отнести, во-первых, выгодное транспортно-географическое положение (между Черным и Каспийским морями, Востоком и Западом); во-вторых, наиболее благоприятные, по сравнению с остальной территорией России, условия для развития сельского хозяйства; в-третьих, высокий уровень концентрации населения и благоприятную демографическую обстановку; в-четвертых, значительную долю русскоязычного населения (за исключением Дагестана и Чечни), выступавшего своеобразным катализатором социально-экономических преобразований в крае.

По объективным данным субъекты Северного Кавказа эволюционировали в своем развитии в целом так же, как вся страна. В течение 1920-1980-х гг. экономическая и социальная сфера Северного Кавказа претерпели существенные изменения, связанные с проведением политики, направленной на выравнивание социально-экономического уровня регионов, прежде всего путем преимущественного развития «национальных окраин», к которым относились большая часть его территории. В 1970-1980-е гг. особенно быстрыми темпами развивались автономные республики Северного Кавказа. На их территории создавались филиалы крупных машиностроительных заводов, предприятия легкой, пищевой и местной промышленности, назначение которых было не только служебно-экономическим, но и социальным (сокращение безработицы). Рост занятости коренного населения в промышленности позволил ряду исследователей утверждать о кардинальных преобразованиях в социальной структуре и ментальности горцев, связанной прежде всего с количественным ростом рабочего класса.

Однако значительная доля трудодизбыточного населения в регионе стала причиной воспроизведения трудовых практик, не соответствовавших нормам социалистической экономики: высокому уровню индивидуальной занятости в домашнем хозяйстве

(например, в Чечено-Ингушской АССР – до 30 % трудоспособного населения, в Кабардино-Балкарии – 16 %, самозанятости в теневой экономике, отходничеству на заработки в другие регионы страны. По оценкам современных исследователей, в советское время до 40 % населения автономных республик Северного Кавказа не могли найти работу в пределах своих регионов²⁶⁹.

По совокупности показателей регионального развития в 1980-е гг. Северную Осетию, Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию относят к категории промышленно-аграрных полупериферийных регионов, Чечено-Ингушетию – к сырьевым периферийным, Адыгею – к аграрным периферийным и Дагестан – отсталым периферийным регионам страны. Однако здесь проявилось парадоксальное сочетание периферийных, полупериферийных и субъядерных характеристик, указывающих на достижение регионом точки бифуркации, возможными выходами из которой могли быть как интериоризация большинством населения новых социально-экономических качеств и последующий социально-экономический взлет, так и нарастание диспропорций, кризис ментальности, чреватый социальными конфликтами.

Так, по данным переписи населения 1989 г., в среднем по России на 1000 человек населения преимущественно физическим трудом было занято 649 человек. Из народов Северного Кавказа только у адыгейцев и осетин наблюдалось более благоприятное соотношение – 607 и 617 на 1000 соответственно. У остальных народов региона оно оставалось в пределах от 679 до 803 на 1000 человек населения. При этом существенно меньше, чем в среднем по России они были представлены в таких профессиях физического труда, как машиностроители и химики, и существенно больше среди работников сельского хозяйства, пекарей, швейников, работников торговли и общественного питания. По удельному весу лиц, занятых преимущественно умственным трудом, подавляющее большинство местных этносоциальных общностей заметно отставали от среднероссийского уровня. Особенно сильно «недорепрезентированы» они были в категории инженерно-технических специальностей. Но по удельному весу научных работников, преподавателей и воспитателей многие из них даже превосходили средне-российский уровень (см. табл. 14).

Таблица 14

Профессиональный состав населения по данным переписи 1989 г.
(на 1000 человек соответствующей национальности)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Занятые преимущественно физическим трудом	649	607	734	679	685	695	617	793	730	760	803
В том числе:											
горняки	7	2	1	2	2	2	5	6	5	2	1
металлурги	5	0	1	1	1	2	4	1	1	0	0
машиностроители	155	57	65	105	72	77	98	55	70	59	49
химики	7	3	1	7	2	1	2	2	1	2	2
текстильники	6	5	93	6	15	96	4	10	4	6	18
швейники	13	19	26	45	27	47	22	22	43	13	10
пищевики	7	13	8	10	4	9	13	7	9	5	3
строители	41	32	26	44	40	37	50	78	100	35	33
сельское хозяйство	75	110	239	120	101	125	71	232	98	339	431
автотранспорт	70	113	89	112	92	104	100	87	116	57	61
торговля и общест. питание	36	68	45	59	44	55	50	42	42	22	24

Продолжение таблицы 14

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Заняты умственным трудом	351	393	266	321	315	305	383	207	270	240	197
В том числе:											
руководители органов гос. управления	2	3	2	2	4	3	3	1	2	4	3
инструкторы партийных и общественных подразделений	4	6	3	4	6	4	4	3	2	3	2
руководители предприятий хозяйства	21	24	20	20	19	19	25	10	16	16	14
инженерно-технические специалисты	105	67	40	52	55	53	79	34	52	33	29
ветрономы, зоотехники	5	14	13	8	9	10	8	7	9	7	8
медицинские работники	32	51	28	29	34	36	48	19	25	33	24
научные работники, преподаватели, воспитатели	57	90	54	71	61	62	69	48	57	59	46
охрана собственности и общественного порядка	4	4	2	3	5	6	4	2	2	3	3
торговли и общественное питание (директора, товароведы и т.п.)	14	26	24	25	22	21	26	15	24	15	13
планирование и учет	50	51	39	52	44	39	55	29	37	31	25

Источник: профессиональный состав населения коренных и наиболее многочисленных национальностей Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. — М., 1992.

Неравномерность развития модернизационных процессов применительно к различным этническим группам можно проиллюстрировать на примере Кабардино-Балкарии, которая по основным социоэкономическим показателям в ряду северокавказских автономий занимает как бы «серединное» положение. По данным Госкомстата КБР, в 1989 году удельный вес городского населения здесь составил 61,2, а сельского 38,8 %. При этом среди русских доля горожан составляла 83,1 %, а сельских жителей – 16,9 %. У титульных национальных групп наблюдалось заметно менее благоприятное соотношение этих показателей: у балкарцев – 58,8 и 41,2 %, а у кабардинцев 43,1 и 56,9 % соответственно. Различия в распределении занятого населения по отраслям народного хозяйства были не столь значительны, но, тем не менее, очевидны. Так, если 34,5 % занятого русского населения работали в промышленности, то у кабардинцев на эту отрасль приходилось 26,7 % занятых, а у балкарцев – 24,0 %. С другой стороны, 24,5 % занятых кабардинцев трудилось в сельском хозяйстве, в то время как у балкарцев – 20,5, а у русских – 11,5 %.

Еще более ярко этнические различия в степени модернизации видны на примере Чечено-Ингушетии. По переписи 1989 г. доля горожан в Российской Федерации составляла 73 %, на Северном Кавказе – 57 %, в Чечено-Ингушетии – 41 %. Среди чеченцев доля горожан в Чечено-Ингушетии составляла лишь 25 %. К этому времени экономика республики фактически разделилась на два сектора: «русский» (нефть, машиностроение, системы жизнеобеспечения, инфраструктура) и «национальный» (мелкотоварное сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы). На крупнейших производственных объединениях – Грознефть, Оргсинтез, где было занято 50 тысяч рабочих и инженеров, всего несколько сот рабочих являлись чеченцами и ингушами. В то же время сельское хозяйство не могло поглотить прирост трудовых ресурсов коренного населения и трудоизбыточность достигала 20–30 % трудоспособного населения республики²⁷⁰.

В качестве одного из способов «измерения» уровня социально-культурного синтеза, достигнутого в результате модернизационного развития в советское время, можно применить предложенные в социологической литературе показатели взаимной адаптации этносов. Степень адаптации этносов по отношению

друг к другу определяется из: 1) уровня признания русского языка в качестве родного; 2) доли национально-смешанных браков, в которых один из супругов является представителем русского (доминирующего) этноса; 3) уровня оттока русского населения из национального региона; 4) доли данного этноса, проживающего за пределами собственного государственного образования в административных областях расселения русского этноса.

Анализ показывает, что для большинства народов тюркоязычной группы и всех народов уgro-финской группы характерна высокая степень адаптации к доминирующему русскому этносу (20-45 % проживающих в русских областях РФ, 15-38 % смешанных браков, 15-60 % признающих русский язык в качестве родного). Существенно иная ситуация по этим признакам сохранялась у большинства народов Северного Кавказа²⁷¹.

Прежде всего, этновоспроизводственные процессы автохтонных народов Северного Кавказа локализовались почти исключительно в пределах территории их традиционного проживания. Данные переписи 1979 года о распределении отдельных национальностей по продолжительности проживания в месте их постоянного жительства выразительно иллюстрируют это обстоятельство. Так, среди русского населения РСФСР только 46,5 % на момент переписи проживало в месте своего рождения, у народов Северного Кавказа, не подвергавшихся депортации (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, кабардинцев, адыгейцев, черкесов) эти показатели составляли от 71,4 % до 76,0 %²⁷². По данным переписи 1989 г., на территории своих автономных образований проживали 76,8 % даргинцев, 82,2 % кумыков, 77,6 % лакцев, 69,0 % ингушей, 93,0 % кабардинцев, 76,8 % чеченцев, 76,5 % адыгейцев, 83,0 % карачаевцев, 76,9 % черкесов²⁷³. Доля проживающих в русских областях у народов кавказской языковой группы колебалась на рубеже 1980-1990-х гг. от 4,4 % у кабардинцев до 21,7 % у черкесов.

В литературе также отмечается, что при достаточно долгом совместном проживании, наибольшей плотности населения в РФ и доминировании русского языка как государственного на протяжении многих десятилетий у народов Северного Кавказа сохранился самый низкий показатель приобщения к русской культуре как род-

ной, и прежде всего к русскому языку. Представляется, что основной причиной такой ситуации является относительно низкий уровень урбанизации и соответственно высокая доля сельского населения у этих народов. Именно это обстоятельство служило фактором, препятствующим процессам культурно-языковой ассимиляции. Так, например, 22,3 % чuvашского, 14,2 % татарского и 10,1 % башкирского населения РСФСР считали родным языком русский, а не язык своей национальности. Наибольшее значение этот показатель среди народов Северного Кавказа достигал у осетин (6,4 %), у остальных народов региона он оставался в пределах от 1,1 % у чеченцев до 2,2 % у кабардинцев²⁷⁴.

Так же оценивается и другой показатель взаимной адаптации этносов – уровень распространения смешанных браков. В республиках Северного Кавказа он оставался в промежутке от 9,0 % в Чечено-Ингушетии до 17,6 % в Северной Осетии. Иными словами, максимальная величина этого показателя в регионе примерно соответствовала его минимальной величине для народов тюркоязычной и угро-финской групп.

Выше отмечалось, что уже в 70-е годы начинается процесс сокращения численности русского населения в ряде республик Северного Кавказа. В литературе высказывается мнение, что миграция в русские административные области представляла собой ответную реакцию русского населения в этих регионах на высокую степень замкнутости автохтонных народов на собственную культуру. Представляется, что это явление имеет гораздо более сложную природу, ибо раньше всего указанный процесс развернулся в таких разных по социокультурному облику республиках как Северная Осетия и Дагестан. Более обоснованным является подход, учитывающий влияние факторов демографического роста, повышения уровня образования и урбанизации коренного населения²⁷⁵.

Государственная политика в области подготовки и распределения квалифицированных кадров предусматривала наряду с массовым направлением в республики «нетитульных» специалистов активную подготовку местных квалифицированных кадров из числа титульных народов. В условиях «демографического взрыва», охватившего большинство республик региона в 1960-е гг. и сохра-

нявшегося еще в 1970-е, емкость рынка труда явно отставала от быстро растущего трудового потенциала. Так, в Чечено-Ингушетии с 1960 по 1991 г. число занятых в народном хозяйстве выросло в 1,5 раза, а численность населения за тот же период – в 1,8 раза.

В некоторых республиках к 1989 г. удельный вес представителей титульных народов, имевших высшее образование, уже опережал аналогичную долю русских: в Адыгее – в 1,5 раза, в Карачаево-Черкесии у карачаевцев – в 1,2 раза, у черкесов – в 1,1 раза. Темпы прироста удельного веса населения со средним специальным образованием у титульных народов в 1980-е гг. были еще выше, хотя удельный вес этой категории русского населения оставался самым высоким среди народов, населявших республики района.

Отмеченные тенденции уже к концу 1980-х гг. обеспечили среди занятых в народном хозяйстве более высокий образовательный уровень титульных народов в сравнении с русскими. В частности, удельный вес лиц с высшим образованием среди специалистов, занятых в народном хозяйстве северокавказских республик, у титульных народов оказался существенно выше, чем у русских (разница составляла от 6 до 22 %).

Об усилении этнического фактора в сфере экономики в республиках района свидетельствует расчет индекса представленности, осуществленный В.С. Белозеровым (см. табл. 15).

Модернизация стимулировала процессы этносоциальной консолидации народов региона.

Общественные трансформации, связанные с осуществлением преобразований в этнических ареалах Северного Кавказа, уже в XIX в. способствовали процессам этносоциальной консолидации местных народов. Прежде всего, речь должна идти о переселении горцев на плоскость, которое развивалось хотя и неравномерно, но неуклонно на протяжении полутора столетий. Уже на ранних этапах переселенческий процесс способствовал подрыву архаических социальных структур и формированию этносоциального единства отдельных горских народов. Специалисты считают, что даже депортация, в частности, чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию не только не приостановила процесса их этносоциальной консолидации, но в известном смысле способствовала ему²⁷⁶.

Таблица 15

**Индекс представленности* русских и титульных национальностей
в различных сферах экономики республик Северного Кавказа**

Республика	1	2	3	4	5	6	7	8
	Рус.	Тит.	Рус.	Тит.	Рус.	Тит.	Рус.	Тит.
Дагестан	0,52	1,17	0,75	1,07	0,93	1,05	1,65	0,85
Кабардино-Балкария	0,71	1,25	0,80	1,21	0,96	1,01	1,31	0,75
Северная Осетия	0,75	1,30	0,84	1,13	0,81	1,11	1,28	0,83
Чечено-Ингушетия	1,11	1,02	1,29	0,87	1,05	1,31	0,73	0,56

*Индекс представленности – отношение удельного веса русских и титульных национальностей в составе указанных категорий населения к удельному весу этих национальностей в численности населения, занятого умственным трудом (позиции 1–6), всего занятого населения (позиция 7) и занятых физическим трудом (позиция 8). Оптимальная величина индекса в пределах 0,9–1,10.

1 – руководители органов государственного управления и их структурных подразделений; 2 – руководители партийных и других общественных организаций; 3 – руководители предприятий индустриальных отраслей экономики, сельского и лесного хозяйства, 4 – инженерно-технический персонал; 5 – юридический персонал; 6 – работники торговли и общественного питания; 7 – работники индустриальных отраслей экономики; 8 – работники машиностроения и металлообработки.

Источник: рассчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Модернизационные сдвиги 60-80-х годов привели в действие новые факторы этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа: социальную и географическую мобильность, интенсификацию социальных взаимодействий, массовую образованность и расширение слоя национальной интеллигенции. Все это приводило у народов региона к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости, связываемых с собственной историей и высоким ценностным статусом этнокультурного наследия. Массовое национальное сознание стало основным носителем культурно-исторической преемственности северокавказского мира. В его структуре возникла как бы двоенная линия напряженности, сопрягающая оценку реального состояния данного этнического социума: с одной стороны, с ценностями национальной культурной традиции, с другой – с целями модернизации.

Ценности и нормы традиционной культуры оставались фактором сплочения северокавказских этнических обществ и сохраняли значимые функции общественного регулирования. Вместе с тем механизмы обучения и воспитания подрастающих поколений на всех уровнях (включая семью) были переориентированы на активное освоение жизненных шансов в рамках «большого» советского общества. Традиционные институты, связи и нормы действовали как этнический ресурс, обеспечивающий индивидуальную социальную мобильность и успех в различных сферах общественной жизни. Этнический социум вышел за пределы локальных социальных единиц и «заполнил» свою национально-государственную форму в рамках отдельных автономий. Обозначились признаки их консолидации в национальные общества. Сложилась развитая система каналов культурного взаимодействия с окружающим миром, причем в этом взаимодействии участвовали не только элиты, но и массовые слои населения Северного Кавказа.

Этносоциальные и этнокультурные особенности северокавказских народов оказывались при освоении ими как советских форм модернизации, так и «брешей» экономической системы позднего госсоциализма (теневая экономика, вывоз на российские рынки частной сельхозпродукции, «шабашничество» и т.д.).

Этнические традиции продолжали жить и в социально-бытовом укладе, и это касается не только сельского, но и городского населения. Быстрые темпы урбанизации в 50-70-е гг. и массовый приток в город вчерашних сельчан приводили к воспроизводству здесь норм «негородского» характера, тесных групповых межличностных отношений, широкой «земляческой» взаимопомощи²⁷⁷. Самой этноспецифичной областью жизни народов региона оставались семейно-бытовые и родственно-соседские отношения. Они обеспечивали на регулярной, повседневной и «естественной» основе подкрепление этнической консолидации отдельных народов региона и этнической идентичности каждого человека. Так, посещение массовых «мероприятий» (свадьбы, похороны, поминки, фамильные праздники) обеспечивало постоянные «реконструкции» связей каждого кавказца со своим этническим сообществом и традиционной культурой. Роль доминирующей этнически окрашенной инстанции выполняли семья, фамилия, родственники²⁷⁸. Интенсивность социальных связей между городом и селом выразительно иллюстрируют результаты исследований, проведенных в Кабардино-Балкарии в 70-начале 80-х гг. Они показали, что около 68 % кабардинцев и балкарцев, проживающих в городах, посещают село не реже, чем один раз в месяц, а около 25 % не реже, чем один раз в неделю. Практически такова же была частотность посещения сельскими жителями города. Городские и сельские жители из числа кабардинцев и балкарцев демонстрировали практически одинаковую степень приверженности к этническим традициям и ритуалам в сферах свадебной и похоронной обрядности, соблюдения ряда архаических и религиозных запретов²⁷⁹.

Есть еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное для оценки степени модернизации в национальных автономиях Северного Кавказа. В переписях населения обращает на себя внимание определенная «аномалия» в развитии процессов урбанизации: *рост удельного веса городского населения не сопровождался здесь снижением абсолютной численности сельского населения*, как это должно происходить в условиях урбанизации. Если по РСФСР в целом повышение удельного веса городского населения за 1959-1989 гг. с 52,2 до 73,4 % сопровождалось сокращением абсолютной численности сельского населения на 17 млн человек (с 56,1 до 39,1 млн.), то из северокавказских

автономий только в Северной Осетии произошло незначительное сокращение численности сельского населения (с 214,1 до 198,7 тыс. чел.). В Карачаево-Черкесии, Адыгее и Кабардино-Балкарии сельское население увеличилось (соответственно, с 212,1 до 213,3; с 189,6 до 206,9 и с 254,7 до 293,0 тыс. чел.). В Дагестане абсолютная численность сельского населения увеличилась в 1,3 раза (с 764,1 до 1023,0 тыс. чел), а в Чечено-Ингушетии она выросла почти вдвое (с 418,0 до 745,1 тыс. чел.)²⁸⁰.

В 1970-1980-е гг. за пределами региона утвердился некий собирательный образ «кавказца» – торговца, дельца, легко скатывающегося к криминалу. Некоторые специалисты считают, что этот упрощенный, и даже карикатурный образ, имеет определенные реальные предпосылки, подразумевая под ними уникальное сочетание агроресурсов (они позволяли производить в регионе в больших количествах сельскохозяйственную продукцию, пользующуюся высоким спросом за его пределами), хозяйственных и социальных традиций (они помогли укрепиться в пору плановой экономики мелкотоварному сектору) и престижного потребления (эта давняя и прочная черта кавказской культуры в советских условиях послужила мощным стимулом к погоне за богатством). Сумев адаптировать колхозно-совхозную систему к своему частнохозяйственному интересу и обеспечив приток дефицитной сельскохозяйственной продукции в Россию, крестьяне кавказского региона тем самым создали условия для бурного роста теневых торговых структур, постепенно втянувших в сферу своей активности немалые фракции населения. Но их притяжение было бы куда слабее, не используя они к своей выгоде традиционный комплекс социальных связей и отношений (общинных, родовых, клановых, семейных)²⁸¹.

В Дагестане и Чечне, где сельское население составляло огромный социальный массив, официальные идеологические и властные структуры не столько управляли им, сколько «обрамляли» его жизнедеятельность «советскими» декорациями. Один из партийных руководителей Чечено-Ингушетии свидетельствовал в 1987 г., что «деревня в значительной степени живет по обычаям патриархальной старины: у кого деньги, у того и сила. Это может показаться невероятным, но это так. Конечно, в селе есть и Советы, и партийные, и комсомольские организации. Здесь произносятся на собраниях и сходах горячие речи. Но все это почти не меняет ма-

териальному процветанию владельцам нетрудовых доходов. На их охране твердо стоит род со своими тайными и явными представителями в руководящих органах районов, республики, обязанными ему своим служебным положением»²⁸².

Таким образом, неравномерность модернизационного развития в различных республиках и у отдельных народов региона иногда приобретала такие масштабы, что правомерно поставить вопрос, принадлежало ли у этих народов социальное доминирование урбанизированному, индустриальному, секуляризованному или сельскому, аграрному, традиционалистскому сегменту общества.

Круг современных противоречий и проблем, связанных с Северным Кавказом, непосредственно коренится в результатах социально-культурных трансформаций, которые регион претерпел на протяжении советского периода нашей истории. В одном из творений либеральной публицистики последних лет утверждалось, что все попытки Москвы превратить Северный Кавказ «в цивилизованную, более или менее европеизированную и равноправную часть Российской Федерации» за семь лет с 1991 по 1998 год не удались. Автор объяснял это тем, что «Северный Кавказ Россией давно уже не является, и попытки относиться к нему как к части своей страны заведомо обречены на провал»²⁸³. Оставим в стороне очевидную странность представлений о том, что в прошлом Северный Кавказ в большей степени, чем теперь «являлся Россией». Можно с полным основанием утверждать: основным содержанием общественных и культурных трансформаций в регионе на протяжении XX века являлся процесс превращения Северного Кавказа в «более или менее европеизированную и равноправную часть Российской Федерации». В целом для народов Северного Кавказа это был период интенсивного развития, реальной модернизации. К 1989 году они в подавляющем большинстве проживали на территории своих автономных республик и областей. Но к этому времени радикальным образом изменилась социально-экономическая структура и культурные характеристики их населения по сравнению с 1920-ми годами.

Вместе с тем, ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не позволяют считать, что была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ. Однако константная для XIX-XX вв. проблема

тесного взаимопереплетения и взаимодействия традиционалистских и современных, этноспецифических и интернациональных элементов в социально-экономических структурах, социальной практике и культуре северокавказских автономий претерпела заметное видоизменение к концу советской эпохи. *Во-первых*, дуализм стал характеризовать внутреннее состояние каждого этнического социума. На ранних этапах преобразований местные этносоциальные общности выступали на социоэкономической карте региона как своего рода анклавы традиционализма, подвергающиеся внешним модернизационным воздействиям. К 1980-м годам в недрах каждого из них сформировались свои сектора, сферы, институты, социальные слои, чьи функционирование и жизнедеятельность воплощали результаты социально-экономической и культурной модернизации. *Во-вторых*, взаимодействие этносоциальных и этнокультурных традиций с современными формами производственной, организационно-управленческой, социально-культурной деятельности по-прежнему рождало определенные явления социально-психологической напряженности. Однако содержание ее стало более сложным. В общественном сознании противоречиво сочетаются позитивное отношение к современным формам жизнедеятельности и высокая оценка этнокультурной традиции, неудовлетворенность в связи с трудностями доступа к престижным профессиональным сферам и тревога по поводу возможной потери национальных корней.

С конца 80-х годов официальным содержанием политики Российского государства становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. В северокавказских обществах имелись предпосылки, позволяющие им органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: достаточно развитый городской и промышленный сектор, представительный профессиональный класс, укоренившность в массовом сознании принципов трудовой этики и ценностей равенства. Однако реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и подрыв устоев общественного порядка. В этих условиях народы Северного Кавказа оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации.

Часть 3. РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ НА ПЕРЕВАЛЕ ВРЕМЕН

Глава 5. Российский «центр» и северокавказская «периферия» в переходных процес сах конца ХХ века

С конца 1980-х годов официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении 1990-х годов описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять, почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание две группы факторов.

Во-первых, очевидно, что отражение модернизаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывающей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона.

В северокавказском региональном сообществе имелись предпосылки, позволяющие ему органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: более или менее развитой городской и промышленный сектор, достаточно представительный профессиональный класс, присутствие в массовом сознании элементов трудовой этики и эгалитаристских ценностей. Но наряду с этим сохранялся мощный пласт этносоциальных и этнокультурных традиций, поддерживаемый непропорционально большой долей сельского населения в местных этнических сообществах (к 1989 году только среди осетин и балкарцев городское население превышало сельское).

Во-вторых, достаточно соотнести преобразовательную политику последних пятнадцати лет с реформаторским опытом предшествующих эпох, чтобы обнаружить источники многих со-

временных проблем региона. На протяжении XIX-XX веков на Северном Кавказе были реализованы три модели преобразовательной политики: имперско-либеральные реформы 60-70-х годов XIX века, социалистическое строительство советской эпохи как форма модернизации и демократические реформы 1990-х гг.

Первая волна преобразований призвана была закрепить военно-политические результаты Кавказской войны, она развертывалась в условиях общего укрепления Российского государства и осуществления им системных, но постепенных и контролируемых сверху реформ. Приоритетной для государственной политики на Кавказе была задача более прочной интеграции региона в имперское социально-политическое пространство. Эта задача решалась с учетом социокультурной специфики на основе сочетания безусловного верховенства центральной власти с элементами судебно-административной автономии региона.

Вторая, социалистическая, волна общественных преобразований стала осуществляться на Северном Кавказе уже после Гражданской войны в условиях упрочения советского государства. В отличие от реформ XIX века они носили чрезвычайно глубокий, радикальный характер, реализовались форсированными темпами на основе жесткой административной централизации и политico-идеологической унификации. С конца 1920-х гг. при осуществлении политических, экономических и социальных преобразований полностью игнорировалась социокультурная специфика местных обществ. Но при этом сохранялся этногеографический (национально-государственный) принцип государственно-политической организации народов региона, а процесс социалистического строительства нес народам региона реальную социально-экономическую модернизацию и, одновременно, приобретал символическую форму национального расцвета.

Современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности Российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную легитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер («500 дней», «шоковая терапия», «ваучерная

приватизация») и не предусматривали какого-либо учета специфичности социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Если учитывать эти, достаточно очевидные обстоятельства, то возникают существенные вопросы. Достаточно ли интерпретировать современный исторический процесс в России только на основе идеально-политических принципов и целей деятельности, декларировавшихся правящей элитой? Правомерно ли при этом рассматривать, скажем, Северный Кавказ (и другие регионы) лишь в качестве отдельного «внешнего» феномена, осложняющего либерально-демократическое реформаторство? Не следует ли применить более широкий угол зрения, охватывающий весь российский социально-политический континуум – и его центр, и его периферию? Тогда, видимо, необходимо включать в содержательную характеристику идущих в российском обществе процессов все проявления и последствия политики реформаторского центра на всем социальном и культурном пространстве страны, в том числе на Северном Кавказе.

В самом деле, основные явления, развивавшиеся в последние годы на социальной и этнической почве Северного Кавказа и составившие затем предмет озабоченности комментаторов и властей – суверенизация автономий, подъем этнонационализма, сепаратизм, межэтнические конфликты, – выступают как достаточно изоморфные содержанию и идеально-политическому оформлению переходных процессов, инициированных политикой перестройки и продолженных в постсоветской России. Они развивались, резонируя с революционно-реформаторской активностью правящей элиты, особенно на этапе «отвоевания» России у союзного центра.

Критика «уродливой иерархии народов» в системе национально-государственного устройства СССР и идеи вхождения в Союз «на равных» всех национально-государственных образований первоначально выдвигались межрегиональной депутатской группой. Волна суверенизации автономий последовала вслед за провозглашением суверенитета России в 1990 г., и это движение поощрялось тогда российским руководством. Характерно, что и в дальнейшем, когда открытые формы приобрел

конфликт Президента и Верховного Совета, то в поисках союзников Р.И. Хасбулатов апеллировал к «русским» областям и краям России, а Б.Н. Ельцин ориентировался на более тесные контакты с лидерами национальных республик²⁸⁴.

Взаимосвязь идеологии и деятельности российских верхов с подъемом этнонациональных движений, конечно, неоднозначна, но вполне фиксируема. Более или менее широкую социальную базу в борьбе с союзным центром им обеспечили не только радикально-реформистские лозунги, но и мотивы русского национализма. Но в ходе борьбы против «империи» российское руководство широко стимулировало подъем национальных чувств и движений в автономиях. Здесь весьма уместно напомнить, что на президентских выборах 1991 г. Б.Н. Ельцин получил в республиках Северного Кавказа существенно более широкую поддержку, чем в среднем по России, где она составила 57,4 % голосов. В Чечено-Ингушетии же за него проголосовали 76,7 % избирателей, в Дагестане – 66, в Кабардино-Балкарии – 63,9 %. Данные по Карачаево-Черкесии (61,8 %) выглядят весьма убедительно по сравнению с 46 % по Ставропольскому краю в целом. В Адыгее, где за Б.Н. Ельцина был отдан 51 % голосов (ниже среднероссийского), 73 % населения составляют русские, и к тому же этот результат заметно выше, чем по Краснодарскому краю в целом (45,9 %). Из всех республик Северного Кавказа с преобладанием титульных народов невысокую долю голосов (27,3 %) он получил только в Северной Осетии, что отражало особую обеспокоенность здесь охранением территориального «статус-кво» и недовольство позицией российского руководства в юго-осетинском вопросе.

Что касается идей и лозунгов полной государственной независимости и выхода из состава Российской Федерации, что с позиций российской государственности выступает как сепаратизм и угроза территориальной целостности, то следовало бы подчеркнуть два момента. Во-первых, масштабы и степень влияния таких идей среди населения республик Северного Кавказа были сильно преувеличены в комментариях и соответственно в массовых представлениях россиян. Во-вторых, нельзя забывать, что в единственной из республик региона, где сторонники полной государственной независимости смогли прийти к

власти – в Чечено-Ингушетии – это стало возможным лишь при благожелательной поддержке российских властей. Идеологические и политические мотивы такой благожелательности, проявленной в августе-сентябре 1991 г., вполне очевидны. Для нас важно другое. И только что упомянутый факт, и дальнейшая линия Москвы в ходе развития «чеченского кризиса», и стремление Ингушетии остаться в составе России, повлекшее разделение Чечено-Ингушской республики, и внутренний раскол в чеченском обществе, и незаразительность «чеченского примера» для других республик региона, взятые в совокупности, выразительно иллюстрируют реальное соотношение «спонтанных» и «индуцированных» факторов этнополитического развития в регионе.

Если говорить об угрозе открытых межэтнических столкновений на Северном Кавказе и о единственном случае такого столкновения, реально имевшем место (осетино-ингушский конфликт), то и они в значительной степени были связаны с совокупностью идеологических и политических мотивированных действий (или бездействия) российских властей. Прежде всего речь должна идти о Законе от 26 апреля 1991 г. о реабилитации репрессированных народов. Положение Закона о «территориальной реабилитации» фактически переводило общую проблему в ее наиболее болезненной части непосредственно в плоскость межэтнических отношений. Объявление «моратория» на реализацию государством этого положения повело только к росту напряженности, создавая ситуацию неопределенности и оставляя поле для самодеятельной активности заинтересованных сторон. Амбивалентность отношения российских властей к Чеченской Республике, затяжка решения вопросов о статусе Ингушетии и формировании официальных властных структур на ее территории, явное попустительство интенсивному вооружению обеих сторон сделали неизбежной кровавую развязку осени 1992 г. Но вот весьма выразительный штрих. Вслед за этими событиями под эгидой Совета Безопасности РФ и под руководством заместителя председателя Госкомнаца РФ был подготовлен доклад об этнополитической ситуации на Северном Кавказе, и касательно территориально-этнических споров в Кавказском регионе в нем можно было прочитать, что «в любом случае разрешение территориальных споров между народами России есть дело самих этих наро-

дов». Разумеется, при дальнейших оговорках о создании условий «для мирного, цивилизованного разрешения споров».

Таким образом, кажется достаточно очевидным, что средоточием наиболее значимых событий, источником революционных новаций, основным фактором радикальной мобилизации на «переходе» от советского к постсоветскому режиму для Северного Кавказа выступал социополитический центр российского общества. Можно сказать, что процессы, протекавшие в последние годы в региональном «северокавказском социуме», выражали его реакцию и адаптацию к радикальным изменениям в «окружающей» институциональной и культурно-идеологической среде, превращаясь в конечном итоге в составную часть самих этих изменений.

На этом фоне обычные попытки объяснить этнополитическую динамику в Северо-Кавказском регионе отдельно взятыми этнодемографическими, историко-политическими, социокультурными либо социально-экономическими факторами представляются упрощенными. Реальное этнополитическое развитие определялось скорее их конкретно-историческим сочетанием и кумулятивным (взаимодополнительным) действием именно в контексте «переходного» состояния общества и государства, и вызванного им всеобщего кризиса идентичности²⁸⁵. Это значит, что во всех направлениях политического анализа и во всех вариантах «проектирования» государственно-политической организации региона присутствует – в качестве их предпосылки и основы – та или иная трактовка социально-исторического содержания современного (с конца 1980-х гг.) переходного периода в жизни российского общества и государства.

Поэтому представляется оправданным и продуктивным взгляд на Северный Кавказ, как на зеркало современной российской революции. Как уже отмечалось, официальная и наиболее популярная в академическом мире концепция сводит ее содержание к совокупности преобразований, ориентированных на модернизацию российского общества, формирование экономической системы рыночного типа, гражданского общества и правового демократического государства на базе принципов либерализма.

Несмотря на живучесть сугубо идеологизированных истолкований модернизационной концепции, в последнее время все большее внимания уделяется анализу реального историческо-

го опыта «переходного периода», совершенствуются эмпирические и концептуальные основы такого анализа. Наименее разработанными остаются те аспекты понимания переходных процессов, которые связаны с «мультикультурным характером» российского общества (в различных его измерениях) и анализом отражения модернизационных начинаний в различных «субкультурах», не в последнюю очередь этнорегиональных. Между тем очевидно, что с точки зрения различных социокультурных сред эти начинания приобретают различное «значение» и ведут к различным последствиям.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «свергнутой неоднородностью», с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобретало все то, что могло вести к «возбуждению» этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере «управляемости» этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов. Реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и повсеместный подрыв устоев общественного порядка. В результате нынешняя российская революция «косовременивания» едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом архаизации.

Стоит, видимо, заметить, что в данном контексте эта констатация несет только аналитическую нагрузку. Сошлемся поэтому на авторов, которые убеждены и смело заявляют, «что преодоление госсоциализма образует для России конца ХХ в. абсолютную необходимость, что с этим преодолением сопряжено высшее благо страны». Но при этом они указывают на «ловушки» в этом процессе, в том числе на негативные последствия разрушения политической системы госсоциализма: «Уничтожение власти и авторитета партийно-государственного аппарата в ситуации, когда экономика остается нерыночной и когда все институты поддержания общественного порядка по-прежнему построены так, что способны эффективно работать лишь под воздействием «сверху», – пишут они, – такое уничтожение создало угрозу системам жизнедеятельности в каждой первичной клеточке общественного организма... Нор-

мальное функционирование общественного организма нарушилось на всех уровнях – не только в центре, но и на местах, в любом районе, поселении, предприятии»²⁸⁶.

Неизбежным следствием, в известном смысле необходимой для северокавказского социума компенсирующей реакцией на разрушительные и дестабилизирующие воздействия, стало хотя бы частичное восстановление социорегулятивных функций традиционных, «досовременных» моделей самоидентификации, ценностей, социальных ролей и институтов, ментальных структур и типов социального действия.

В этих условиях этносоциальные общности региона оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации. На Северном Кавказе эти вызовы по преимуществу приняли форму этнического национализма и межэтнической напряженности, а в ряде случаев – конфликтов и прямых столкновений.

Этничность как сознание принадлежности к этнической группе, как «весьма архаичный модус самоопределения»²⁸⁷ обнаружила себя на всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации. На Северном Кавказе этот процесс актуализации этничности с неизбежностью стал весьма интенсивным и приобрел дополнительные характеристики.

Прежде всего этничность здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социокультурной системы. Установка на полное восстановление возможностей этнокультурного воспроизводства как бы требовала и «возрождения» соответствующих традиционных институтов и ролей.

Далее, при существенном сходстве базовых черт традиционной общественной организации и культуры, общности религии у народов Северного Кавказа проблема разграничения «мы – они» в этническом самосознании выливалась в представление о границах этнических территорий. Запутанность исторического наследия в этом вопросе и давление текущей политики (оглушительная критика и дезавуирование системы национально-государственного устройства, закон о реабилитации репрессированных народов и т. п.) вели к гипертрофированию значимости этнотERRиториальной самоидентификации.

Наконец, актуализация этничности порождала элементы психологического дистанцирования от российского государства, все более отождествляемого с государством «русским». Между тем можно утверждать, что в общественном сознании народов Северного Кавказа в предшествующий период уже складывались более сложные и современные конфигурации самосознания, которые имели многоуровневую структуру и совмещали элементы этничности и гражданственности.

Интенсивное идеологическое воздействие на историческую память населения, апелляция к ней как фактору легитимации государственной и общественной системы советского социализма также имели особое влияние на ситуацию в регионе. Ведь актуализация исторической памяти как поля поисков идентичности и фундамента ориентации в современных общественных реалиях изначально формировалась новой политической элитой России в виде «синдрома жертвенности и вчинения искона». История политики Российской империи и СССР в отношении народов Кавказа объективно дает обильный материал для подпитки этого синдрома. Но такая избирательность исторической памяти навязывалась и своеобразным контекстом современной региональной политики российских властей, вернувшихся, казалось, к решению задач конца XVIII в. Сами риторические формулы рядоположения «Россия и Кавказ», или «кавказская политика России»; политическая практика, включавшая политическую игру, политическое лавирование между республиками и национальными группами, элитами и национальными движениями, региональными властями и оппозицией; элементы «невмешательства», также как и характер «вмешательства», сводившийся к использованию вооруженных контингентов, — все это создавало впечатление, что государственная власть РФ не считает себя представителем народов Северного Кавказа, а намерена представлять некие внешние по отношению к ним российские интересы на Кавказе. «Внешнеполитический» оттенок такой линии российской власти усиливался тем, что она порой выглядела как продолжение и отражение ее закавказской, т.е. теперь уже действительной внешней политики. Не менее важно было на-

зойливое акцентирование геополитического аспекта региональной политики и подчеркнутое внимание приоритетному укреплению Северо-Кавказского военного округа. Наконец, чрезвычайно показательный аспект архаизаторского импульса в деятельности российского руководства на Северном Кавказе – его отношение к движению казачества. Фактически оно включало в себя готовность пойти навстречу требованиям восстановления статуса казачества как военно-служилого, «милитаризованного» сословия. Это было прямым стимулом к возрождению «милитаристских» элементов традиционного уклада жизни народов Северного Кавказа.

Архаизирующие аспекты *экономических реформ и экономической политики* последних лет также выражены достаточно сильно, и это обстоятельство требует специального анализа.

Таким образом, имеется достаточно эмпирических и концептуальных оснований для того, чтобы трактовать общественно-политическое развитие республик Северного Кавказа в условиях современной российской революции как развернутый ответ локальных этносоциальных общностей на вызовы архаизации, порожденные крушением прежнего социально-политического порядка и преобладанием деструктивных аспектов в политике нового режима.

Первостепенный по значимости результат предшествующего развития состоит в том, что выявился основополагающий баланс между спонтанными и привнесенными, архаизирующими и модернизирующими факторами этнополитической динамики. Учет, а мы бы сказали – признание, того обстоятельства, что привнесенные и архаизирующие факторы доминировали здесь над спонтанными и модернизирующими факторами, меняет всю аналитическую перспективу. Становится очевидным, что северокавказский этносоциальный конгломерат, если и рассматривать его как сложноструктурированное единство, проявил достаточно высокую степень устойчивости и «инертности» к дестабилизирующим и архаизирующим общественную жизнь воздействиям. Обнаружившая себя здесь мера упругости социальной ткани, мера укорененности в местной социокультурной почве «современных» ценностей, символов и норм свидетельствует не только о присущих Северному Кавказу центробежных тенден-

циях, сколько о глубине интеграции локальных этносоциальных общностей в российское «большое» общество.

Реальное состояние и структура массового национального сознания остаются «слепым пятном» в многочисленных экспертных суждениях об этнополитической ситуации в регионе и не получили отражения в репрезентативном социологическом материале. Однако ряд обстоятельств, а именно: сама динамика этнополитических процессов от всплеска к затуханию этнонациональной мобилизации и сепаратистских тенденций; стабилизация доминирования в республиках неэтнократических политических элит; многообразие факторов, форм и уровней политического участия населения в общественной жизни России; структурирование избирателей в соответствии с общероссийским партийно-политическим спектром – свидетельствует, что общественное сознание народов Северного Кавказа сохраняет сложную многомерную конфигурацию. Она охватывает и этническую идентичность, и национально-государственную («республиканскую») гражданскую идентичность, и сознание кавказской социокультурной общности, и общероссийскую гражданскую идентичность. Напряжения и подвижки последних лет, безусловно, вызвали повышение удельного веса этноцентристских и традиционалистских элементов этой сложной структуры. Но вряд ли есть основания считать, что уже закрепилась какая-либо жесткая и единообразная иерархия вариантов личного и группового самосознания. Весьма важно, что открытость по отношению к ценностям и целям модернизации сохранилась как устойчивая характеристика структуры общественного сознания у преобладающей части населения.

Другой, как бы ненадимый шаг этнополитического развития на Северном Кавказе, воплощен в пережитом и накопленном за последние годы опыте самостоятельного регулирования межэтнических отношений. Этот опыт включил в себя буквально все возможные его варианты, формы, методы и повлек за собой как позитивные результаты, так и огромные по масштабу трагические последствия. Имеется достаточно признаков того, что активные общественные силы и массовые слои населения так или иначе ус-

воили уроки этого опыта, научились «мыслить о немыслимом» и принимать в расчет реальную возможность таких результатов своих действий, которых изначально не желал никто.

Наиболее важный вывод из практики регулирования межнациональных отношений заключается, на наш взгляд, в следующем: возникающая в каждый данный момент альтернатива не сводится к вопросу, в чьих интересах будет разрешена та или иная проблема или конфликт; она – в вопросе о том, остается ли этот процесс в институализированных рамках или взламывает их и приобретает неконтролируемый характер. В первом случае сохраняются возможности разрешения проблем с минимальными издержками и с максимальным учетом интересов всех сторон. Во втором – они резко ограничиваются и сужаются.

В иной формулировке – это вопрос о соотношении процессов демократизации и этнополитической мобилизации. Возможно ли их «параллельное» развитие в рамках одного и того же гражданского сообщества? Возможна ли последовательная институционализация демократического режима в политически «активизированной» и «мобилизованной» этнической среде, каковую представляет собой современный Северный Кавказ? Ответы на эти вопросы следует искать в новейшем опыте и тенденциях развития национально-государственного устройства региона.

Современные формы и статус национальной государственности народов Северного Кавказа выводятся, как правило, из процесса «суверенизации» автономий на рубеже 1980-90-х годов. Это представление нуждается в уточнении. Национальная государственность народов региона не порождена лишь субъективной волей даровавших ее правящих верхов или активностью «националистов» и «сепаратистов». Она имеет глубоко объективные исторические предпосылки и является политическим выражением достигнутого ими уровня социального развития и национальной консолидации. Необратимые результаты предшествующей модернизации следует здесь учитывать не в меньшей мере, чем вполне очевидный фактор этничности.

В условиях же переходного периода возникли необходимость и возможность кристаллизации современных, относи-

тельно «зрелых» форм национальной государственности. Фундаментальное значение здесь приобрели, с нашей точки зрения, следующие факторы. *Во-первых*, в обстановке крушения всего прежнего общественного и государственного порядка органы власти республик должны были принять на себя резко возросший объем функций по регулированию общественных отношений на своих территориях, то есть функций государственных по своему существу. *Во-вторых*, произошел кардинальный сдвиг в характере легитимации политической власти в республиках. Не идеологическая и правовая санкция, полученная извне от верховного суверена, а представительство интересов и воли населения самих республик стало основным фактором легитимации соответствующих систем власти. *В-третьих*, в условиях разрыва легитимной преемственности государственно-политического развития от СССР к современной РФ республики выступили как самостоятельные субъекты учредительного процесса по созданию новой российской государственности.

Совокупный эффект всех этих факторов привел к обретению республиками существенных признаков самостоятельных «политий», что и закреплено в их нынешнем конституционном статусе «государств» в составе РФ.

С другой стороны, обеспечивая функцию политической организации, политического упорядочения чрезвычайно сложного в этнодемографическом и социальном плане северокавказского пространства, национальная государственность народов региона являлась условием поддержания общей социально-политической стабильности в Российской Федерации. Вопреки расхожим представлениям, она служит на деле фактором, препятствующим гипертрофированной этнической общностью жизни. Многообразие функций и задач государства (политико-административных, экономических, социальных, культурных), реализуемых в пределах территорий республик, не может быть сведено к их этническим аспектам. Формирование таких новых феноменов, как собственная «внутренняя политика» и внутриполитический процесс в каждой республике, необходимость решать, прежде всего, в пределах республик проблемы построения

институтов власти и преодоления последствий развала прежней экономической системы препятствовали ураганному распространению на весь регион отдельных вспышек межнациональных конфликтов. Опыт последних лет ясно продемонстрировал существенное внутреннее многообразие моделей общественно-политического развития республик Северного Кавказа, а в их взаимных отношениях реальным смыслом стало наполняться понятие «невмешательства во внутренние дела» друг друга.

Консолидация современных форм национальной государственности народов Северного Кавказа создавала предпосылки для того, чтобы переходить от описания положения в регионе в терминах этнополитической ситуации (по определению текущей, неустойчивой, отчасти непредсказуемой) к описанию его в терминах системы государственно-политического равновесия на Северном Кавказе.

Главное в том, что сложилась развитая конституционно-правовая и договорная инфраструктура отношений федерального центра и республик Северного Кавказа. В этом плане положение изменилось кардинальным образом. Еще в начале 1990-х гг. глубокий кризис прежней системы национально-государственного устройства и всеобщее убеждение в ее нежизнеспособности сочетались с почти полным отсутствием нормативных и институциональных основ ее перестройки. К концу 1990-х гг. имелись налицо декларации о суверенитете и конституции республик, Федеративный договор и Конституция Российской Федерации, договоры республик с федеральным центром о взаимном делегировании и разграничении полномочий, многосторонние и двусторонние договоры и соглашения республик и других субъектов Федерации между собой. Дело, разумеется, было не в количестве этих документов и не в том, что они уже дали решение всех вопросов. В них содержалось нечто, может быть, более важное – фундамент правовых принципов, механизмов и процедур разрешения проблем. Вот почему в дальнейшем стало возможным безболезненно и практически беспрепятственно решить проблему приведения нормативно-правовой базы субъектов Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством.

Глава 6. Тенденции развития базовых общественных процессов и структур

В условиях кризисного переходного периода политические процессы в стране и этнополитические процессы в регионе Северного Кавказа не могли не приобрести собственную динамику и инерционность. Но с точки зрения проблематики настоящего исследования необходимо сосредоточить внимание на *базовых общественных процессах*, которые и выступают в роли формообразующих факторов социально-культурного синтеза. Таковыми являются процессы, которые развертываются в настоящее время в экономике, этнодемографической структуре и культуре Северного Кавказа.

Экономическая динамика 1990-х гг. и современные экономические проблемы Северного Кавказа складывались в результате взаимодействия двух групп факторов – структурного наследия эпохи советской модернизации и условий, возникших в результате крушения советской системы и радикальных реформ начала 1990-х гг.

По объективным показателям в советский период субъекты региона эволюционировали в своем развитии в целом так же, как вся страна. В течение 1920-1980-х гг. экономическая и социальная сферы Северного Кавказа претерпели существенные изменения, связанные с проведением политики, направленной на выравнивание социально-экономического уровня регионов, прежде всего путем преимущественного развития «национальных окраин», к которым относилась большая часть его территории. Особенно быстрыми темпами развивались автономные республики Северного Кавказа в 1970-1980-е гг. На их территории создавались филиалы крупных машиностроительных заводов, предприятия легкой, пищевой и местной промышленности, назначение которых было не только сугубо экономическим, но и социальным (сокращение безработицы). Рост занятости коренного населения в промышленности давал основания говорить о кардинальных преобразованиях в социальной структуре, связанных прежде всего с количественным ростом рабочего класса.

Однако к концу 1980-х гг. сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа. Значительная доля

трудоизбыточного населения в регионе стала причиной воспроизведения трудовых практик, не соответствовавших нормам социалистической экономики: высокому уровню индивидуальной занятости в домашнем хозяйстве (например, в Чечено-Ингушской АССР – до 30 % трудоспособного населения, в Кабардино-Балкарии – 16 %), занятости в теневой экономике, отходничеству на заработки в другие регионы страны. По оценкам современных исследователей, в советское время до 40 % населения автономных республик Северного Кавказа не могли найти работу в пределах своих регионов²⁸⁸.

По совокупности показателей регионального развития в 1980-е гг. Северную Осетию, Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию относят к категории промышленно-аграрных полупериферийных регионов, Чечено-Ингушетию – к сырьевым периферийным, Адыгею – к аграрным периферийным и Дагестан – отсталым периферийным регионам страны. Однако здесь проявилось парадоксальное сочетание социально-экономических характеристик, указывающих на достижение регионом точки бифуркации, возможными выходами из которой могли быть как интегризация большинством населения новых социально-экономических качеств и последующий социально-экономический взлет, так и нарастание диспропорций, кризис ментальности, чреватый социальными конфликтами²⁸⁹.

На эту социокультурную почву наложились условия, возникшие в результате крушения советской системы и радикальных реформ начала 1990-х гг. В январе 1992 г. в России был сделан первый шаг на пути к рыночной экономике. Были освобождены цены на большинство товаров и услуг, упразднена в основном централизованно-фондовая система распределения ресурсов. В условиях сохранившейся предельной монополизации производства это привело к резкому взлету цен. С конца 1992 г. началась приватизация госсобственности. В деревне происходило преобразование колхозов в производственные паяевые товарищества. Разрушение единого, складывающегося десятилетиями народнохозяйственного комплекса резко усугубило кризис во всех новых независимых государствах, в том числе и в Российской Федерации.

Под воздействием этих факторов общегосударственного и регионального характера динамика объемов промышленного производства за период 1993–2003 гг. приобрела в северокавказских республиках выраженный неблагоприятный характер (табл. 16).

Таблица 16

**Индексы физического объёма промышленного производства
на этапе кризисного спада и посткризисного роста**

Регион	Кризисный спад		Посткризисный рост		Весь период реформ индексы, %
	годы	индексы, %	годы	индексы, %	
Российская Федерация	1990-1998	0,46	1999-2003	1,45	0,67
Юг России			2000-2003	1,45	
Республика Адыгея	1990-1997	0,25	1998-2003	2,07	0,51
Республика Дагестан	1990-1998	0,17	1999-2003	1,79	0,30
Республика Ингушетия	1990-1992	0,63	1999-2003	1,10	0,69
Чеченская Республика					
Кабардино-Балкарская Республика	1990-1997	0,24	1998-2003	2,2	0,53
Карачаево-Черкесская Республика	1990-1998	0,2	1999-2003	1,90	0,38
Республика Северная Осетия-Алания	1990-1996	0,32	1997-2003	1,64	0,52

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 138-139.

Вследствие структурно-отраслевых и территориальных особенностей промышленности Юга России (разнобразные отрасли машиностроения, в том числе сельскохозяйственного, предприятия ВПК, пищевая, химическая и др.; приуроченность ряда производств к городам, находящимся в зоне потенциальной этнополитической нестабильности), имманентная кризису 1990-х деиндустриализация проявила себя здесь куда более масштабно, чем в РФ в целом.

Особенно глубоким спад промышленного производства оказался в северокавказских республиках. Проявляясь с наибольшей остротой и рельефностью в сфере машиностроения (в дореформенный период широко представленного в промышленной структуре Кабардино-Балкарии, Дагестана, некоторых других регионов Юга), кризисные процессы в той или иной степени захватили всю индустриальную составляющую экономики.

В итоге в ходе деиндустриализации 1990-х гг. и последующего выхода экономики из кризиса существенно видоизменилась отраслевая структура промышленного производства Юга России и трансформировались его территориальные пропорции (табл. 17). К началу рыночных реформ индустриальный ландшафт (по душевым показателям промышленного производства) в целом был достаточно однородным, при отставании Дагестана и Чечено-Ингушетии от среднего по Югу России уровня. Большая глубина и интенсивность деиндустриализации в северокавказских республиках на этапе кризисного спада привели к тому, что доля северокавказских республик в промышленном производстве Юга за 1990-1998 гг. сократилась с 18,4 до 8,8 %, то есть на 9,6 процентных пункта.

Развернувшиеся в 1990-е гг. процессы деградации промышленного потенциала не преодолены окончательно: по большинству значимых номенклатурных позиций всё ещё не достигнут уровень «стартового» 1990 г. Сохраняет своё действие феномен относительной деиндустриализации. Что же касается реиндустриализации, начавшейся с 1999 г., то она носит выборочный характер и неустойчивая. Сопряжённый с ней промышленный рост базируется преимущественно на уже существующей, в сильной степени деградировавшей материально-технической базе. Преимущественное развитие получают отрасли, которые закрепляют периферийную, ресурсно-сыревую ориентацию экономики. Более того, продолжает происходить дальнейшее «расслоение» территорий Юга, становящегося всё более фрагментарным не только в природно-ландшафтном, демографическом и этнокультурном отношении, но и экономически, а также технологически²⁹⁰.

Таблица 17

Региональная стратификация промышленного производства Юга России

Период	1990			1998			2003		
	Юг B	Юг A	Юг C	Юг B	Юг A	Юг C	Юг B	Юг A	Юг C
ОБЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО									
Республика Адыгея	1,8	0,86	1,1	0,53	0,8	0,41			
Республика Дагестан	3,8	0,43	1,9	0,20	1,8	0,15			
Республика Ингушетия	4,2**	0,72**	0,2	0,15	0,4	0,9			
Чеченская Республика	4,2	0,72							
Кабардино-Балкарская Республика	3,6	1,05	2,6	0,72	2,0	0,51			
Карачаево-Черкесская Республика	2,0	0,97	1,4	0,68	1,4	0,75			
Республика Северная Осетия-Алания	3,0	1,0	1,6	0,51	2,5	0,82			
Всего по ЮГу России	100	1,0	100	1,0	100	1,0	100	1,0	1,0

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 151-152.

Оценивая общие последствия политики реформ, один из крупных российских специалистов подчеркивает: «Ясно лишь одно: преобразования, которые происходили в России в 1990-е годы, не являлись реформой, ибо они не оптимизировали использование имевшегося потенциала, а в значительной мере разрушили его... За это десятилетие произошел не только небывалый (даже в период Второй мировой войны) общий спад производства, но и резко увеличился разрыв между регионами Российской Федерации по важнейшим (если не по всем) макроэкономическим и социальным показателям»²⁹¹. За 1990-2000 гг. совокупный валовой региональный продукт (ВРП) регионов России в расчете на душу населения снизился на 33,7 %. Из северокавказских республик только в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии снижение было менее значительным (25,5 % и 28,5 % соответственно). В Ингушетии снижение составило 67,5 %, в Дагестане – 64,5 %, в Адыгее – 41,0 %, в Северной Осетии – 36,5 %. При этом, если среднероссийский показатель душевого объема ВРП в 2000 г. составлял 6,4 тыс долларов, то в перечисленных выше республиках региона он колебался от 1,3 до 3,25 тыс. долларов²⁹². Крайней неравномерностью характеризуется размещение промышленности по субъектам Юга России. Из общего объема промышленной продукции, производимой в регионе, на республики (без Чеченской Республики) приходилось на начало 2000-х гг. лишь 12,8 % производства промышленной продукции региона при удельном весе проживающего в них населения 25,2 %. С учетом Чеченской Республики, где к началу текущего десятилетия промышленность практически не функционировала, доля населения национальных автономий достигает 31,4 %. Но и доля производимой в них сельскохозяйственной продукции относительно удельного веса республик в населении региона также невелика (20,2 % общего объема аграрного комплекса региона)²⁹³.

Речь идет не о коньюнктурных явлениях, а о структурном отставании экономики региона от общегосударственного уровня (табл. 18). Достаточно показательны с этой точки зрения данные о структуре основных фондов по отраслям экономики (табл. 19).

Таблица 18

Важнейшие экономические показатели на душу населения по субъектам РФ, входящим в Северный Кавказ, в сравнении с показателями по России

Субъекты РФ	ВРП	Производство		Капиталовложение	Розничный товарооборот
		промышленной продукции	сельскохозяйственной продукции		
Адыгея	0,43	0,18	0,24	0,81	1,07
Дагестан	0,21	0,16	0,07	0,34	0,68
Ингушетия	0,20	0,08	0,03	0,23	0,09
Кабардино-Балкария	0,35	0,26	0,27	1,00	1,01
Карачаево-Черкесия	0,41	0,24	0,32	1,51	1,22
Северная Осетия	0,37	0,24	0,26	1,63	0,68
РФ в среднем	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
				1,00	1,00
				1,00	1,00

Источник: Терев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик, 2006. – С. 124.

Таблица 19

Отраслевая структура основных фондов на начало 2004 г.
(в % от общего объема основных фондов)

	Основные фонды отраслей, производящих товары	Из них			Основные фонды отраслей сферы услуг
		промышлен- ность	сельское хозяйство	строи- тельство	
Российская Федерация	29,1	23,9	3,3	1,3	70,9
ЮФО	27,1	17,9	7,1	1,1	72,9
Алтай	22,8	15,3	4,9	1,7	77,2
Дагестан	30,1	17,3	8,8	1,3	69,9
Ингушетия	23,2	13,2	5,6	2,0	76,8
Кабардино-Балкария	29,1	16,0	9,3	1,8	70,9
Калмыкия	20,8	10,2	7,2	1,2	79,2
Карачаево-Черкесия	24,1	12,1	9,6	0,4	75,9
Северная Осетия-Алания	24,1	15,8	6,7	0,8	75,9

Источник: Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия и ее регионы. – М., 2006. – С. 54.

Глубокое снижение относительного уровня экономического развития Северо-Кавказского региона естественным образом отражается в статистически фиксируемых показателях уровня жизни населения (табл. 20). К 2000 г. численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляла в Республике Адыгея – 54,8 %, Республике Дагестан – 63,2, Республике Ингушетия – 95,1, Кабардино-Балкарской Республике – 46,6, Карачаево-Черкесской Республике – 64,6, Республике Северная Осетия-Алания – 31,2²⁹⁴. Основные социальные показатели на Северном Кавказе в целом вдвое ниже среднестатистических²⁹⁵.

Показатели бедности населения Северного Кавказа специалисты объясняют не только периферийным характером экономики Юга, но и пониженным уровнем экономической активности, большим распространением её теневых форм. Уступает в целом России Юг (69 %) и по душевым потребительским расходам, что в значительной мере предопределяется преобладанием аграрного сектора и сельского населения в подавляющей части северокавказских республик, возможностью использования потребительского потенциала личного подсобного хозяйства, садового участка и т.п. Здесь закрепляется специфическая воспроизводственная и поведенческая модель экономики. Пониженные душевые расходы являются также косвенным индикатором отсутствия (у значительной части территориальной общности) развитой системы потребительских запросов и, одновременно, возможностей их полномасштабного удовлетворения в конкретном локальном поселенческом контексте.

По уровню экономической активности населения Юг неизменно уступал и продолжает уступать средним по России значениям (61,6 и 65 % по ситуации на 2003 г. соответственно). Здесь также ниже уровень занятости (52,9 и 59,4 %), существенно выше безработица (15,3 и 8,6 %), более благоприятна (в плане перспективы) возрастная структура населения, особенно в северокавказских республиках (если в целом по России на 1000 человек трудоспособного возраста приходится 278 лиц в возрасте моложе трудоспособного, то в Дагестане – 497, Ингушетии – 607, Чечне – 604).

Таблица 20

Денежные доходы и потребительские расходы в расчёте на душу населения регионов Юга России в декабре 2004 г., руб.

Регион	Денежные доходы	Потребительские расходы	Соотношение денежных доходов и потребительских расходов	Разница между денежными доходами и потребительскими расходами
Российская Федерация	9223,5	5610,5	1,64	3613
Южный федеральный округ	5891,1	3854,1	1,53	2037
Республика Адыгея	4370,7	2608,7	1,68	1762
Республика Дагестан	4786,4	2716,3	1,76	2070,1
Республика Ингушетия	3339,2	684,4	4,89	2654,8
Кабардино-Балкарская Республика	4970,1	3097,4	1,6	1872,7
Карачаево-Черкесская Республика	5022,5	2967,1	1,69	2055,4
Республика Северная Осетия - Алания	7559,3	2769,9	2,73	4789,4
Чеченская Республика				

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца XX-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 82-83.

Общий процесс деиндустриализации привел к ухудшению условий и возможностей использования трудовых ресурсов. Очевидная характеристика социально-экономической ситуации – трудоизбыточность большинства северокавказских регионов, высокий уровень безработицы. Преимущественно сельский образ жизни в национальных республиках, широкое распространение аграрного, и часто всё ещё архаичного труда, существенно снижает потенциал использования «человеческого капитала» в современных отраслях и сферах экономики.

Здесь важны не только абсолютные и относительные количественные данные, но и показатель напряженности, т.е. количество безработных, приходящихся в среднем на одну заявленную в органы службы занятости вакансию. В 2003 г., по данным Государственной службы занятости, напряженность на рынке труда (количество зарегистрированных безработных на одну заявленную вакансию) характеризовалась так: Ингушетия – 184,4; Дагестан – 69; Северная Осетия-Алания – 6,1; Кабардино-Балкарская Республика – 20,3; Адыгея – 3,7; Карачаево-Черкесия – 5,9. Показатель напряженности в среднем по России составлял 2,5²⁹⁶.

Однако общая картина большой напряженности на региональных рынках труда становится не столь однозначной, если принять во внимание ряд факторов (табл. 21). В первую очередь – это значительные масштабы неформальных видов трудовой активности. Специфическим фактором стабилизации на соответствующих региональных рынках труда выступает характерный для национальных республик повышенный удельный вес в структуре рабочих мест должностей в системе государственного и муниципального управления. Утрата подобного рода экономического преимущества, например, для Ингушетии будет означать прямую ликвидацию до 3 % стабильных, престижных и неплохо оплачиваемых рабочих мест, ещё до 10 % – в обслуживающих отраслях. В итоге (через внутрисемейные трансферты) негативный экономический эффект ощутит на себе до 1/3 территориальной общности.

Таблица 21
Некоторые индикаторы экономического благополучия регионально-поселенческой среды

Регион	Уровень занятости, 2003 г.	Численность работников органов государственности и местного самоуправления к общей численности занятых, %	Ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения, м общей площади	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, на одного жителя, 2002 г. руб.
Республика Адыгея	47,5	15,8	2,6	130
Республика Дагестан	47,0	20,1	2,4	201
Республика Ингушетия	20,9	53,1	4,8	42
Чеченская Республика	26,1	70,9		
Кабардино-Балкарская Республика	45,6	22,0	2,2	238
Карачаево-Черкесская Республика	47,5	19,0	3,4	156
Республика Северная Осетия-Алания	58,8	10,1	2,5	192
Юг России всего	52,9	15,3	2,0	231
Россия в целом	59,4	8,6	1,9	252
				11 590

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 85.

Данные табл. 21 показывают, что действие теневых хозяйственных механизмов, дополненное реализацией бюджетных приоритетов РФ, обеспечивает республикам некоторый позитивный экономический импульс, проявляющийся в приросте личного автопарка (Северная Осетия), активизации жилищного строительства (Кабардино-Балкария, Дагестан и др.), что заметно смягчает социально-политическую напряженность и снижает миграционную активность.

Определённого рода компенсатором территориальной социально-экономической асимметрии выступает и некоторое перераспределение бюджетных средств в пользу ряда республик. На протяжении уже многих лет федеральный центр, помимо вопросов экономического развития, вынужден решать и другую задачу – минимизация разницы в уровне бюджетной обеспеченности наиболее и наименее развитых регионов. Решить задачу полного выравнивания уровня бюджетной обеспеченности не удается. Вместе с тем, для Южного федерального округа результат этой работы более нагляден. Если до выравнивания разница в обеспеченности на душу населения между наиболее обеспеченным (Краснодарский край) и наименее обеспеченным (Республика Ингушетия) субъектами составляла 9 раз, то после выравнивания это соотношение составляет 1,1 раза. Федеральная политика межбюджетных отношений является одним из важных регуляторов финансового положения субъектов, позволяющих обеспечивать социальную стабильность на Юге России (см. табл. 22)²⁹⁷.

С учетом действия комплекса факторов, определяющих уровень и качество жизни, авторы новейшего аналитического исследования по проблемам Российского Кавказа указывают, что более целостное представление о социально-экономическом положении дают современные интегральные индексы, такие как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП отражает соотношение таких показателей, как продолжительность жизни, уровень образования и дохода. Поскольку показатели «продолжительность жизни» и «уровень образования» обладают гораздо большей статистической достоверностью, чем официальные данные о доходах, ИРЧП более адекватно отражает реальную ситуацию в странах и регионах.

Таблица 22

Бюджетные доходы на душу населения по регионам
Юга России до и после выравнивания, 2005 г.

Наименование субъекта РФ	Объем доходов на душу населения без учета межбюджетных трансфертов, млн. руб.	Место по РФ по межбюджетных трансфертов,	Объем доходов на душу населения с учетом межбюджетных трансфертов, млн. руб.	Место по РФ по межбюджетных трансфертов и удо- рожающих факто- ров, млн. руб.	Доходы на душу населения с учетом межбюджетных трансфертов и удо- рожающих факто- ров, млн. руб.	
					1	2
Республика Адыгея	4146,4	85	10559,3	83	13150,9	63
Республика Дагестан	1809,0	88	8617,2	89	10290,8	89
Республика Ингушетия	1068,9	89	11464,4	73	13534,2	57
Кабардино- Балкарская Республика	3301,5	86	9569,0	88	12341,5	75
Карачаево- Черкесская Республика	4604,1	81	12043,8	64	13615,7	56

Продолжение таблицы 22

1	2	3	4	5	6	7
Республика Северная Осетия-Алания	5041,1	80	13866,3	52	17094,9	28
Чеченская Республика	1839,3	87	14588,2	49	17421,7	26
Краснодарский край	9766,0	51	12246,7	63	15032,2	42
Ставропольский край	7157,9	72	10940,5	80	13223,5	62
Астраханская область	9353,6	54	11933,6	65	15812,3	31
Волгоградская область	9082,2	56	11225,5	77	14087,4	49
Ростовская область	7887,2	67	10863,4	81	13489,1	58

Источник: Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А.Тишкова. – М., 2007. – С. 157.

Порогом высокого уровня развития человеческого потенциала является значение 0,800. В 2002 г. ИРЧП по России в целом составлял 0,766. Все республики Северного Кавказа имели существенно более низкие показатели, располагавшиеся в диапазоне от 0,740 (Северная Осетия) до 0,662 (Ингушетия). При этом Адыгея, Ингушетия и Чечня обладали ИРЧП ниже среднемирового (0,725). При анализе ИРЧП южнороссийских субъектов, прежде всего отмечается значительная несбалансированность отдельных показателей (дохода, образования, долголетия) – при низких доходах практически во всех субъектах довольно высокий уровень образования и рекордная по российским меркам ожидаемая продолжительность жизни.

Другой интегральный индекс – «кризисный» индекс качества жизни включает в себя оценку уровня жизни (*низкие доходы и сильное неравенство по доходу*), занятости (*безработица*), здоровья населения (*низкая ожидаемая продолжительность жизни и здоровье детей*) (табл. 23).

Таблица 23
Рейтинг южнороссийских субъектов по индексу
качества жизни (без Чеченской Республики)

	Индекс качества жизни	Место в РФ
Российская Федерация	0,70	
Республика Северная Осетия-Алания	0,69	16
Волгоградская область	0,68	27
Астраханская область	0,67	29
Ростовская область	0,67	30
Краснодарский край	0,67	31
Ставропольский край	0,64	52
Республика Адыгея	0,63	61
Кабардино-Балкарская республика	0,62	65
Карачаево-Черкесская республика	0,60	70
Республика Дагестан	0,56	80
Республика Калмыкия	0,54	84
Республика Ингушетия	0,35	88

Источник: Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007. – С. 162.

С одной стороны, и здесь очевидно общее отставание северокавказских республик от остальных регионов страны. С другой – этот индекс дает наглядное представление о внутрирегиональном неравенстве качества жизни и, следовательно, о реальных противоречиях и потенциальных конфликтах между субъектами федерации. Наиболее тревожно в этом контексте выглядит поляризация Северной Осетии-Алании и Ингушетии²⁹⁸.

Общей основой явлений социального неблагополучия в республиках Северного Кавказа представляется массовое отчуждение населения от устойчивой, профессиональной и социально значимой трудовой деятельности. В 2002 г. в среднем по России в промышленности работало 22 % от общего числа занятого населения страны. С одной стороны, выше среднероссийского показателя доля занятых в промышленности была в республиках Северная Осетия-Алания (22,5 %) и Карачаево-Черкесия (24 %). Близки к среднероссийскому показателю Кабардино-Балкария (21,9 %) и Адыгея (20,7 %). Весьма низка доля занятых в промышленности в Ингушетии (11,1 %), что является еще одним свидетельством слабого развития здесь промышленного производства. Но иной является картина, характеризующая занятость в сельском хозяйстве. При среднероссийском показателе, равном 11,8 %, доля занятых в сельскохозяйственном производстве в Адыгее составляет 20,3 %; Карачаево-Черкесии – 20,2 %, Дагестане – 34,0 %; Кабардино-Балкарии – 26,1 %. Низкий удельный вес занятых в сельском хозяйстве в Ингушетии – 7,7 %²⁹⁹. Применительно к реалиям национальных республик (преобладание сельского образа жизни и неформальной занятости), доля традиционных видов и форм хозяйственной активности доходит до 55 %. По своим базовым пропорциям занятости российский Юг, таким образом, является собой выраженную периферию современной экономики.

Показателем степени включённости населения большинства северокавказских регионов в натуральные и полунатуральные формы сельскохозяйственного производства является соотношение числа лиц, получающих доходы от личного подсобного хозяйства (ЛПХ), с числом лиц, получающих доходы от иных видов трудовой деятельности (вне ЛПХ). Даже в пересчете на

все (и городское, и сельское) население первая группа составляет – минимум 3,4 % (Ингушетия) и максимум 19,3 % (Кабардино-Балкарская Республика). На вторую приходится всего лишь 9,1 % в той же Ингушетии и 32,5 % в Кабардино-Балкарии (табл. 24). Что касается сельского населения, то для значительной, а в Адыгее, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии – подавляющей части личные трудовые усилия в аграрном секторе являются основой экономического благополучия и образа жизни. Из числа наиболее крупных северокавказских народов максимально приближенными к своему личному хозяйству и, соответственно, к земле являются адыгейцы, аварцы, даргинцы, кабардинцы, то есть этнические общности, существенная часть которых проживает за пределами урбанизированных территорий³⁰⁰.

Итак, рыночные преобразования привели к свёртыванию индустриального сектора экономики Северного Кавказа, усилиению её сырьевой направленности, росту теневой её составляющей, углублению внутрирегиональной хозяйственной стратификации.

Оценивая общие результаты экономических трансформаций, специалисты рассматривают Юг России как территорию с особо существенной ролью в экономике её малых, мелкотоварных форм, с выраженным проявлением многоукладности. Спецификой региона считается также определенное смещение структуры экономики в пользу первичного сектора (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, лесное хозяйство), что предопределяет большее «представительство» доиндустриальных и индустриальных видов хозяйственной деятельности в целом³⁰¹.

Процессы регионализации в период рыночных реформ сопровождались в России многоаспектным кризисом «административных регионов», созданных в условиях советской централизованной системы управления, «свертыванием» экономического, социального, социокультурного пространства этих регионов³⁰². В результате этих процессов в экономическом пространстве России формируются «зоны отчуждения», и среди них те, в экономике которых доминирует сегмент этноэкономики.

Таблица 24

Соотношение числа лиц, получающих доходы от личного подсобного хозяйства, с числом лиц, получающих доходы от трудовой деятельности (без ЛПХ)

	Всего	В сельской местности
Республика Адыгея		
Всё население	0,48	1,12
В том числе адыгейцы	0,72	1,35
русские	0,38	0,97
Республика Дагестан		
Всё население	0,82	1,72
В том числе аварцы	1,09	2,01
даргинцы	0,91	1,52
кумыки	0,61	1,20
русские	0,29	1,11
Республика Ингушетия		
Всё население	0,36	0,55
В том числе ингуши	0,38	0,53
Кабардино-Балкарская Республика		
Всё население	0,59	1,61
В том числе кабардинцы	0,80	1,77
балкарцы	0,57	1,13
русские	0,30	1,33
Карачаево-Черкесская Республика		
Всё население	0,51	1,08
В том числе карачаевцы	1,1	1,8
черкесы	0,46	0,85
русские	0,28	0,71
Республика Северная Осетия-Алания		
Всё население	0,42	1,32
В том числе осетины	0,57	1,59
русские	0,28	0,71
Чеченская Республика		
Всё население	0,59	0,82
В том числе чеченцы	0,77	1,16

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 104-105.

Под этноэкономикой понимается территориально-локализованный исторически сложившийся на базе хозяйственного уклада этноса сегмент экономики, характеризуемый господством традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности, натуральных и мелкотоварных форм производства, неразвитостью обмена, замкнутостью домохозяйств, экстенсивной занятостью, доминированием ручного труда, использованием кустарных ремесел, надомного труда, низкой социальной и пространственной мобильностью населения. Социальное пространство поэтических регионов России, в частности Северного Кавказа, воспроизводит такого рода отношения, которые формируют этнокультурные общности в качестве социальных и экономических субъектов исторического процесса³⁰³.

Кризис индустриальной экономики в рамках Юга России лишь обнажил явление, скрываемое ранее статистическим данными, – созданная в этих регионах промышленность мало изменила сложившийся тип хозяйственного уклада этносов. Профессиональная дифференциация населения региона, характерная для периода индустриализации, так и не произошла в полном объеме, а новые формы экономической деятельности, вызванные к жизни модернизацией, не превратились в хозяйственный быт местного населения.

Кризисная ситуация в «большой» экономике как бы вывела заново сегмент этноэкономики в структуре национального хозяйства России, значимость его макроэкономических функций и прежде всего – функцию социального воспроизводства населения. Дело в том, что для этноэкономики характерен экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, которой располагала, как правило, автономная часть сельского населения.

Следующая макроэкономическая функция – антикризисная – хорошо просматривается на примере анализа динамики валового регионального продукта и конечного потребления домашних хозяйств. По группе регионов с преобладанием этноэкономики за пять лет в кризисный для них период с 1995 по 2000 г. ВРП на душу населения вырос в 5,5 раза, по группе регионов с «большой» экономикой он вырос за это время в 4 раза. Конечное потребление домашних хозяйств за это время в первой группе регионов выросло в 4,8 раза, во второй – в 4,4 раза.

Объем продукции (объем услуг), произведенной малыми предприятиями (в основе которых резервы этноэкономики), в первой группе регионов вырос в среднем за пять лет (1997-2001 гг.) на 400 %, во второй – на 112 %.³⁰⁴

В описанной концепции этноэкономика предстает как равноправный сектор хозяйственного комплекса Юга России, обеспечивающий экономическую устойчивость этносов даже в условиях глубокого и продолжительного экономического кризиса, смягчающий удары переходной экономики. Поэтому успешной в полигэтническом регионе может быть лишь та экономическая политика модернизации, которая способна соединить корпоративный, «большой» сектор экономики и «малый» сектор этноэкономики, найти и реализовать механизмы их взаимодействия, органически «влиться» мелкотоварные формы труда и производства в развивающуюся на корпоративной основе предпринимательскую деятельность, умножая тем самым экономическую плотность региона, «развертывая» его экономическое и социальное пространство.

Еще одно важное наблюдение за результатами экономических трансформаций – становление «рентоориентированной» модели поведения всех хозяйствующих субъектов и «рентоориентированной» экономики.³⁰⁵ Для большинства северокавказских республик (включая Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию и др.) получение бюджетных трансфертов в последние годы превратилось в приоритетную «отрасль специализации». К примеру, в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии по ситуации на 2004 г. трансферты из федерального бюджета обеспечивали $\frac{2}{3}$ всех бюджетных доходов, в таких регионах, как Ингушетия и Дагестан, – около 75 %, а в Чеченской Республике – 93 %. В итоге для Дагестана объем безвозмездных перечислений эквивалентен 25 % его ВРП (то есть фактически сопоставим с экономическим эффектом от функционирования всей его аграрной сферы). Для Адыгеи соответствующий показатель достигает (по ситуации на 2002 г.) 31 %, Карачаево-Черкесии – 26 %, Кабардино-Балкарии – 15 %. Что же касается Ингушетии, то для данной республики объем безвозмездных перечислений превышает ВРП в 1,12 раза. Характерно также, что значительная часть бюджетных перечислений приходится на дотации, то есть изначально носит нецелевой характер и в связи с этим стимулирует иждивенческие на-

строения, ведёт (в целом ряде ситуаций) к неэффективному использованию бюджетных ресурсов³⁰⁶.

Рентоориентированность экономики создаёт дополнительную «питательную среду» для различного рода проявлений экономической преступности, гипертрофированного развития теневой экономики в целом. Проявления теневой экономики повсеместны. Наиболее значительных масштабов она достигает в таких секторах хозяйственного комплекса, как нефтедобыча, нефтепереработка и продажа нефтепродуктов, производство и продажа винно-водочных изделий; рыбная промышленность; мукомольная и хлебобулочная отрасли пищевого комплекса; строительство, экспортно-импортные операции и др. Широко укоренены теневые экономические отношения в аграрном секторе (даже в такой относительно легко поддающейся мониторингу сфере, как зерновое хозяйство, теневой оборот достигает, по имеющимся оценкам, 15-20 % его товарной части, в прочих же составляющих сельскохозяйственного производства, где активно представлены хозяйства населения, он существенно выше)³⁰⁷.

Теневой в своей основе характер носят и различного рода хозяйствственно-предпринимательские усилия в рамках так называемой этнозэкономики (различные национальные промыслы, полукуринальные и криминальные по своей сути кустарные и полукустарные лесозаготовки и т.п.), широко представленной прежде всего в северокавказских республиках (в некоторых из них доля теневого сектора в экономике достигает 80 %³⁰⁸).

Вследствие периферийности, рентоориентированности, многоусложности и наличия в своей структуре мощной, глубоко укоренившейся теневой составляющей экономика Северного Кавказа фрагментарна. Формирующие её экономические системы субъектов Федерации в силу своих структурных особенностей (зернопроизводство, пищевая промышленность, ориентированные на общероссийский и зарубежные рынки отрасли ТЭКа, металлургической, химической и машиностроительной промышленности) обладают крайне слабой степенью взаимосопряжённости. Их объединяют не столько горизонтальные рыночные связи, сколько общие проблемные ситуации и существующие системы инфраструктуры (энергетика, транспорт и др.).

Экономические сдвиги конца XX века выступают в качестве важнейшего фактора, видоизменяющего всю *этнодемографическую*

физическую композицию Юга России. В рамках советской модернизации вплоть до начала 1960-х гг. экономические преобразования сопровождались ростом «русской составляющей» в населении северокавказских автономий. Так, если по данным переписи 1926 г. удельный вес русских достигал в Дагестане – 12,5 %, Калмыкии – 10,7 %, Кабардино-Балкарии – 7,5 %, Северной Осетии – 6,6 %, Чечено-Ингушетии – 2,6 %, то спустя всего тринадцать лет (1939 г.) аналогичный показатель соответственно равнялся 14,3, 45,7, 35,9, 37,2 и 28,8 %³⁰⁹. Наиболее масштабным этот процесс был в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии; в наименьшей степени затронул Дагестан.

Для России последней трети XX-начала XXI в. магистральным вектором динамики демографического потенциала является последовательное и неуклонное замедление прироста численности населения, а в последние годы (с 1992-го) – и депопуляция. В отличие от России в целом на Юге процесс этот происходил не столь интенсивно и сопровождался целым рядом локальных нюансов (табл. 25).

В 1990-е гг. темпы прироста численности населения существенно возросли в Дагестане; оставались достаточно высокими на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, в Северной Осетии, в регионах, принявших на себя основную волну спровоцированной распадом СССР миграции. На остальных территориях прирост численности населения был практически неощутим.

И все же к рубежу XX-XXI вв. в пределах Юга России достаточно чётко обособился ареал с сохранившимся устойчивым естественным приростом (Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Чеченская Республика).

Ситуация с естественным приростом на остальных территориях Северного Кавказа (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкарья, Северная Осетия) оценивается как в значительной мере переходная. Дальнейшее снижение рождаемости и увеличение показателей смертности уже в недалёкой перспективе приблизит данные регионы к модели территорий, в настоящее время уже испытывающих полномасштабное влияние депопуляции. Но Кабардино-Балкарья и Карачаево-Черкесия по мере роста в этнодемографической структуре представителей титульных национальностей и утлубляющегося на Юге России этнокультурного «разлома» потенциально способны сблизиться с естественной динамикой населения восточной части Северного Кавказа.

Таблица 25

**Рождаемость, смертность и естественный прирост
населения в регионах Юга России, %**

Регион	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	1990	2003	1990	2003	1990	2003
Республика Адыгея	14,1	10,4	12,3	15,5	1,8	-5,1
Республика Дагестан	26,2	16,0	6,2	6,1	20,0	9,9
Республика Ингушетия	24,6	14,9	8,5	3,8	16,1	11,1
Чеченская Республика	24,6	24,9	8,5	6,5	20,0	18,4
Кабардино-Балкарская Республика	19,9	10,3	8,5	10,2	11,4	0,1
Карачаево-Черкесская Республика	17,0	11,6	8,2	12,4	8,8	1,5
Республика Северная Осетия-Алания	17,1	11,3	9,6	12,6	7,5	-1,3
Всего по Югу России	16,6	11,6	11,1	13,6	5,5	-2,0
Россия в целом	13,4	10,2	11,2	16,4	2,2	-6,2

Источник: Дружилин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 69-70.

Таким образом, за период 1989-2002 гг. численность населения вместе взятых республик Северного Кавказа увеличилась, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на 1340 тыс. человек, или более чем на 25 % (в межпереписной период 1979-1988 гг. – на 492 тыс. человек, или 10,2 %) и составила на начало проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. 6646 тыс. человек.

В республиках Северного Кавказа, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. проживает 6645,0 тыс. человек, или 35,0 % населения Северного Кавказа, 29 % населения Южного федерального округа и 4,6 % населения России. Республики Северного Кавказа являются самым густонаселенным регионом страны: плотность населения во вместе взятых республиках составляет 59,4 чел на 1 кв. км (на Северном Кавказе – 53 человек, в Южном федеральном округе – 39 человек, в целом по России – 8,4 человека); плотность населения в указанных республиках варьирует от 31 человек в Карачаево-Черкесии до 130 человек в Ингушетии.

Период 1989-2002 гг. характеризуется значительным миграционным приростом населения: в целом по республикам региона он составил более 590 тыс. человек. В предыдущий межпереписной период 1979-1988 гг. в республиках и национальных областях региона в целом имел место значительный миграционный отток населения – 273 тыс. человек.

Миграционный рост численности населения северокавказских республик в рассматриваемый период обеспечивался только за счет титульного населения, тогда как для других этнических групп в целом имел место значительный отток населения. Так, если в целом миграционный приток населения титульных национальностей составил в 1989-2002 гг. в рассматриваемых республиках 974 тыс. человек, в том числе в «своих» республиках 903 тыс. человек, то миграционный отток нетитульного населения составил 384 тыс. человек, в том числе русских – 279 тыс. человек.

Рационализированность процессов миграционного и естественного движения различных этнических групп привела к тому, что при общем росте численности населения северокавказских республик в межпереписной период 1989-2002 гг. на 1340 тыс. человек (на 25 %), численность населения северокавказских народов в республиках региона увеличилась на 1784 тыс. человек (более чем в 1,5 раза), в том числе в «своих» республиках увеличилась на 1665 тыс. человек, или в 1,5 раза (в предыдущий межпере-

писной период численность населения северокавказских народов в «своих» республиках увеличилась на 510 тыс. человек, или на 16,5 %). Численность русских в республиках Северного Кавказа за период 1989-2002 гг. уменьшилась, согласно расчетам официальных данных, на 364 тыс. человек, или на 27 % (в 1979-1989 гг. русское население северокавказских республик сократилось всего на 52 тыс. человек, или на 4 %). Согласно экспертным оценкам, численность русских в республиках региона уменьшилась в последний межпереписной период минимум на 415-420 тыс. человек. Миграционный отток составил 77-80 % сокращения численности русского населения республик Северного Кавказа¹¹⁰.

Различная динамика численности населения указанных этнических групп существенно изменила их долю в численности населения республик региона. Удельный вес населения северокавказских народов в общей численности всего населения рассматриваемых республик вырос за период 1989-2002 гг. с 66 до 80 %, в том числе в «своих» республиках – с 63 до 75 %. Доля русских в численности всего населения республик региона сократилась за указанные годы с 26 до 15 %, доля населения других этнических групп – с 9 до 5 % (табл. 26).

Приведенные показатели рассматриваются как свидетельство о происходящих в республиках Северного Кавказа процессах моноэтничности населения. Темпы, причины и характер этого процесса в каждой из республик различны. Наиболее быстрыми темпами указанный процесс идет в Чечне. Если в 1989 г. на территории современной Чечни доля чеченцев составляла 66 %, то в 2002 г. чеченцы составляли, согласно данным переписи, уже 93 % населения республики. Доля русских в численности населения Чечни сократилась за указанный период с 25 до 4 %. В Дагестане удельный вес дагестанцев в численности населения республики вырос, согласно данным переписей населения, с 80 % в 1989 г. до 86 % – в 2002 г. За этот же период удельный вес русских в Дагестане сократился с 9 до менее чем 5 %, доля населения других нетитульных национальностей – с 11 до 8 %. В Ингушетии удельный вес титульного населения вырос за этот период с 75 до 78 %, доля русских в республике сократилась при этом с 13 до немногим более чем 1 %.

Наряду с этим автохтонные этносы сохраняют, за редким исключением, прочную привязку к исконным территориям проживания в пределах «своих» республик (табл. 27).

Продолжение таблицы 26

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
русские	25,0	-19,0	-2,0	-17,0	6,0	24,0	13,0	1,0	
чеченцы	19,0	76,0	14,0	62,0	95,0	в 5 раз	10,0	20,0	
другие национальности	4,0	1,0	1,0	0,0	5,0	125,0	2,0	1,0	
Кабардино-Балкария:	753,0	148,0	51,0	97,0	901,0	120,0	100	100	
титульное население	434,0	169,0	64,0	105,0	603,0	139,0	58,0	67,0	
русские	241,0	-14,0	-12,0	-2,0	227,0	94,0	32,0	25,0	
другие национальности	78,0	-7,0	-1,0	-6,0	71,0	91,0	10,0	8,0	
Карачаево-Черкесия:	415,0	24,0	20,0	4,0	439,0	106,0	100	100	
титульное население	170,0	49,0	24,0	25,0	219,0	129,0	41,0	50,0	
русские	176,0	-28,0	-10,0	-18,0	148,0	84,0	42,0	34,0	
другие национальности	69,0	3,0	6,0	-3,0	72,0	104,0	17,0	16,0	
Северная Осетия:	632,0	78,0	13,0	65,0	710,0	112,0	100	100	
осетины	335,0	110,0	19,0	91,0	445,0	133,0	53,0	63,0	
русские	189,0	-24,0	-12,0	-12,0	165,0	87,0	30,0	23,0	
другие национальности	108,0	-8,0	6,0	-14,0	100,0	93,0	17,0	14,0	
Чечня:	1084,0	20,0	185,0	-165,0	1104,0	102,0	100	100	
чеченцы	716,0	316,0	195,0	121,0	1032,0	144,0	66,0	93,0	
русские	269,0	-229,0	-20,0	-209,0	40,0	15,0	25,0	4,0	
другие национальности	99,0	-67,0	10,0	-77,0	32,0	32,0	9,0	3,0	

*ОГН – общая прирост населения, ЕПН – естественный прирост населения, МИН – миграционный прирост населения.

Источник: Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тихкова. – М., 2007. – С. 179-180.

Таблица 27

Степень локализации некоторых северокавказских этносов на территории «своей» республики (2002 г.)

Этнос	Всего проживает на территории РФ	В том числе на территории «своей» республики	%
Аварцы	814 473	758 438	93,1
Адыгейцы	128 528	108 115	81,3
Балкарцы	108 426	104 951	96,3
Даргинцы	510 156	425 526	88,6
Ингуши	413 016	361 057	87,4
Кабардинцы	519 958	498 702	96,0
Карачаевцы	192 182	169 198	88,0
Кумыки	422 409	365 804	86,5
Лезгины	411 535	336 698	81,8
Осетины	514 875	445 310	86,6
Черкесы	60 517	49 591	81,8
Чеченцы	1 360 253	1 031 647	75,7

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 36-37.

Вместе с тем по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., за пределами «своих» республик, но в республиках региона, проживало 302 тыс. представителей северокавказских народов, в том числе 194 тыс. чеченцев и более 56 тыс. дагестанцев (в 1989 г. – соответственно 183 тыс., 62 тыс. и почти 60 тыс. человек). Самые многочисленные в республиках региона диаспоры находятся в Дагестане: здесь живет около 88 тыс. чеченцев и 112 тыс. азербайджанцев (в 1989 г. – соответственно 58 тыс. и 76 тыс. человек). В настоящее время чеченцы и азербайджанцы составляют соответственно 25 и 32 % численности ненагорного (недагестанского) населения республики. На момент проведения Всероссийской переписи населения 2002 г. значительная часть чеченцев – более 95 тыс. человек – проживала в Ингушетии. Прогнозы показывают, что в случае консервации действующих демографических и этнокультурных тенденций уже к середине ХХI столетия удельный вес русских непосредственно на территориях северокавказских республик составит 11-13 %, что означает возврат к положению дел конца 1920-х гг.³¹¹.

Урбанизация населения в Южном федеральном округе существенно ниже, чем по России в целом. Только в Волгоградской области доля городского населения превышает среднероссийский показатель (75,2 % против 73,3 %). В среднем же по округу в городах проживает только 57,5 % населения. Еще ниже уровень урбанизации в национальных республиках: 46 % населения республик региона проживает в городах и поселках городского типа, 54 % – в сельской местности (в целом по стране эти показатели составляют соответственно 73 и 27 %). Среди республик Северного Кавказа самой урбанизированной является Северная Осетия – более 65 % ее населения проживает в городах и поселках; самый низкий уровень урбанизации в Чечне – 34 %, Дагестане и Ингушетии – 43 %. Но социально-демографические последствия кризисного периода 1990-х гг. и массового исхода русского населения выявляются при сопоставлении уровня урбанизации в республиках региона по данным переписей 1989 и 2002 годов (табл. 28).

Таблица 28
Соотношение городского и сельского населения
в регионах Юга России 1989-2002 гг.

Регион	1989 г. в процентах к общей численно- сти населения		2002 г. в процентах к общей численно- сти населения	
	городское	сельское	городское	сельское
Республика Адыгея	52,1	47,9	52,5	47,5
Республика Дагестан	43,2	56,8	42,8	57,2
Кабардино-Балкарская Республика	61,2	38,8	56,6	43,4
Карачаево-Черкесская Республика	48,6	51,4	44,0	56,0
Республика Северная Осетия-Алания	68,6	31,4	65,5	34,5
Чеченская Республика	41,4	58,6	33,8	66,2
Республика Ингушетия			42,5	57,5

Источники: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. – М., 1991; Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 236.

Как видно из данных табл. 28 за указанный период, доля городского населения выросла – но крайне незначительно – только в Адыгее и в Ингушетии.

Специалисты делают вывод, что в постсоветский период факторы социально-экономического кризиса и общей регионализации российского социума яридают процессам перестройки этно-демографической структуры Северного Кавказа дезинтеграционные черты. На фоне развернувшейся борьбы за перераспределение собственности, властных функций, полномочий, актуализировавшихся территориальных споров и межэтнических конфликтов обозначилась растущая дистанцированность региональных структур, проявились тенденции их экономического, политического и этно-культурного обособления, «замыкания» воспроизводственных циклов. Важнейшим вопросом исторической повестки дня для России становится запуск центростремительных тенденций в полиглазничном, сложноструктурированном и поляризованном регионе Северного Кавказа с тем, чтобы не утратить результаты длительного и многостадийного синтеза культур³¹².

Для перспектив политической консолидации и социально-культурной интеграции государственного пространства современной России *культурно-идеологическое измерение общественной жизни* имеет фундаментальное значение. Весь предшествующий опыт преобразований показывает, что культура выполняет в обществе не надстроечные, а базовые функции. Ведь именно доминирующие в культуре общества ценности и нормы непосредственно определяют жизненное поведение и социальную практику. Между тем, здесь продолжают развиваться тревожные процессы. Налицо ярко выраженные тенденции фрагментации культурного пространства страны. Подвергается эрозии образ единой, общей для всей страны, национальной Российской культуры. Полосами культурного воздействия на молодежь оказываются, с одной стороны, современная массовая культура, лишенная национального начала, а с другой, возрождаемые традиционные культурные формы, зачастую несущие этническую и религиозную обособленность. Вместе с тем, сохраняются определенные угрозы для целостности Российского государства. В этих условиях текущие культурные процессы приобретают двойственность: они могут оказаться и фактором разрушения, и фактором укрепления общероссийской исторической и граж-

данской идентичности. Между тем единство России не может быть воплощено только в политических и административных скрепах, удерживающих общество и государство от распада. Оно должно присутствовать в сознании – в умах и сердцах всех граждан страны.

Наиболее основательные исследования этнодемографических процессов показали, что несмотря на действие адаптационно-ассимиляционных процессов, этнокультурное пространство Юга России остаётся достаточно фрагментарным: большинство доминантных для отдельных республик этнокультурных сообществ локализованы преимущественно на территории «своего» региона.

Высказывается мнение, что на Юге России «продолжается расхождение двух культурных пластов – русского, православного, и северокавказского, в основном мусульманского, что приводит к большим корректировкам в общественно-политической и духовно-нравственной жизни региона. Мусульманское население вовлекается в естественный для него восточный культурный пласт, включается в сферу влияния традиционных для него центров мусульманской культуры»³¹³.

Наиболее заметные проявления и следствия подобного рода раскола – это: рост сепаратистских и в целом антирусских настроений в отдельных регионах Северного Кавказа, бурный ренессанс ислама, включая и распространение его радикальных форм, масштабные миграции русского населения на фоне «передела» по этническим признакам в сфере занятости (с соответствующим ростом числа представителей титульных народов среди управленцев, в торговле, культуре) и сфере высшего профессионального образования³¹⁴.

На пересечении социально-экономических и этнодемографических процессов в регионе формируются структурные условия дальнейшего дробления единого общероссийского поля гражданской самоидентификации, связанное с феноменом «анклавизации» социально-культурного и правового пространства Юга России³¹⁵.

Наиболее яркое проявление эта проблема наплила в Чечне после прекращения боевых действий в период между двумя военными кампаниями. Исчезновение внешнего врага – российской армии – если не уничтожило, то существенно урезало основу для политico-идеологической консолидации чеченского общества. Утрата большинством граждан республики социаль-

но-статусных характеристик (профессиональных, образовательных, мировоззренческих и др.), отличающих одну социальную группу от другой, привела к своеобразной «дискретизации» общества. Оно стало «рассыпаться» на множество территориально-тейповых ассоциаций, слабо связанных между собой в инфраструктурном и почти не связанных в экономическом плане.

Это явление условно обозначается как «канклавизация» региона и определяется как процесс формирования на данной территории, входящей в состав того или иного субъекта Российской Федерации, институтов власти, альтернативных официальным. Будучи с точки зрения федерального законодательства незаконной, «новая власть» является легитимной с точки зрения политico-культурных предпочтений и мировоззренческих ценностей проживающего здесь населения.

При этом новая политico-правовая культура нередко как бы «встраивается» в старые организационные формы через повседневные отношения. Формируется и своеобразная «идеология» «канклавных» образований, в основе которой лежит апелляция к местным традициям и локальному опыту самоуправления.

На территории Северо-Кавказского региона специалисты выделяют различные виды «канклавных» образований:

- «потестарный», в основе которого лежит моноэтничная локальная культурно-хозяйственная общность. Он характерен для мусульман-традиционалистов Дагестана.

- «ирредентистский», в основе которого лежит моноконфессиональная политico-идеологическая общность. Таким должно было стать Государство Мусульман Чечни и Дагестана в проекте М. Удугова.

- латентный, возникающий в результате формирования замкнутых мигрантских общин трибалистского характера на территориях русских областей и краев. Опыт показывает, что такого рода общины в абсолютном своем большинстве этнически однородны, и формируются они как кланово-клиентельные ассоциации.

Подобное положение вещей служит условием, в котором формируется этнокорпоративная мораль. Такая мировоззренческая платформа, накладываясь на этническую идентификацию, на практике формирует nonконформистские, и даже конфликтные стереотипы поведения по отношению к иноэтнической среде.

Механизмы, через которые традиционализация этносоциальных структур и практик обуславливает процессы культурной трансформации и смены идентичностей в наиболее «чистом» виде проявили себя в сельской социальной среде. Результаты их исследования, осуществленного на материалах Дагестана в 1990-е гг., могут рассматриваться как «идеально-типическое» описание проходящих на всем Северном Кавказе процессов³¹⁶.

Как показало исследование, локальная сельская идентичность оказалась наиболее устойчивым параметром, сохранившим чувство принадлежности миру исламской политической культуры. В 1990-е гг. развернулся процесс перехода и более широкой части общества из зоны политического и культурного влияния России в зону влияния исламских стран, религиозных центров исламского мира. Большинство молодых людей, рассчитывающих на лидерство в местной и региональной политических структурах в 1990-е годы, получали наставления в мировых исламских центрах, и прежде всего эти инструкции связаны с распространением исламских законов и исламского учения.

Важным последствием этой ситуации стало появление конфликта идентичностей, незнакомого в центральных регионах постсоветской России. Исследования показали, что дистанция между старой номенклатурой и молодыми лидерами в основном основывается на включенности (невыключенности) в классическую исламскую культуру и на таком очевидном «культурном» индикаторе, как знание арабского языка. Способность читать священные книги становится четким признаком для входления в новую элиту. Молодые исламские лидеры осознают себя как часть великого исламского мира. Посетив центры ислама, они чаще всего чувствуют себя эмиссарами, посланными в родные места для возрождения исламской культуры. Старая элита, напротив, жалуется на отсутствие внимания и поддержки со стороны Москвы и пытается согласовывать все проблемы с «центром», что делает переход к новой geopolитической идентичности менее поступательным.

На процессы смены идентичности оказывают влияние особенности социальной организации и институтов социализации, существующие в селе. В социальной структуре выделяется институт семьи и институт кровно-родственных связей. Основной тенденцией в развитии сельской семьи является преоблада-

ние и рост нуклеарных простых семей. Однако здесь простая по форме семья сохраняет черты как большой, так и малой. Одним из признаков устойчивости института большой семьи является его способность естественным образом входить во внесемейные политические институты, предпринимательские и даже преступные организации. В связи с этим явлением ожидаются по крайней мере две тенденции. С одной стороны, социально-экономические и социально-политические институты в той или иной степени будут приобретать черты института большой семьи и воспроизводить структуры этого института; с другой стороны, таким образом в культуре в целом будут сохраняться нормы и правила традиционного общежития.

Социальная идентичность в значительной мере определяется структурами наследного землевладения. На макроуровне проблемы земли стремительно политизируются и превращаются в проблему «исконных территорий» для этнических движений. На микроуровне проблема земли – проблема распределения статуса и власти внутри села.

Существующий «комплекс национальных обид» также формирует идентичность новых лидеров. Его можно условно разделить на две части. Первая часть связана с исторической памятью о процессах имперской колонизации. Другой «комплекс национальных обид» связан с памятью о жестокой междоусобной вражде горных кланов. Частично с этим связан еще один «комплекс национальных обид», а именно обида за разрушенную империю. Эту обиду разделяют неожиданным образом и партаппаратчики, и представители местного духовенства, не говоря уже о массовых настроениях простых поселян³¹⁷.

Таким образом, важным элементом этнической идентичности на Северном Кавказе является ислам. В канун перестройки ислам продолжал оказывать существенное влияние на образ жизни и мыслей северокавказских мусульман. В наибольшей степени это было характерно для Дагестана, Чечни и Ингушетии (в то время Чечено-Ингушетии). В западных регионах – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее – его влияние было сравнительно меньше³¹⁸. На 1 января 1999 г. мусульманское население региона насчитывало около 4 млн человек.³¹⁹

Подъем религиозного сознания в постсоветский период показал мифологичность утверждений, что в СССР удалось построить государство, в котором утвердился повсеместный атеизм³²⁰. Массовый характер приобретают выезды паломников в хадж, строительство мечетей, открытие мусульманских учебных заведений разного уровня. Создаются религиозные организации и партии, которые мало чем отличаются по своей направленности друг от друга и в большинстве своем существуют недолго. Но их образование является свидетельством быстрой политизации ислама, возрождение которого в регионе с самого начала не ограничивалось только религиозными рамками. В условиях идеологического и, в определенной степени, политического вакуума первых лет постсоветской эпохи ислам оказался наиболее активной силой из всех, что потенциально содержались в общественном сознании и исторической памяти народов Северного Кавказа³²¹.

На Северном Кавказе нет ни одной социальной или политической проблемы, в которой прямо или косвенно не присутствовал бы конфессиональный, исламский компонент. Конфессиональная принадлежность накладывает отпечаток на отношение людей к происходящим вокруг них событиям, тем более, когда они становятся их непосредственными участниками. В исламе в отличие от христианства нет жесткого деления на духовное и светское, он в большей степени социален и более политичен. Политизированность ислама обнаруживается на протяжении всей истории мусульманского мира, и Северный Кавказ не является в этом смысле исключением³²².

Мусульманские ценности стали восприниматься как основа возрождения духовности горцев³²³. Влияние ислама на формирование идентичности кавказцев в 1990-е годы возросло. В наибольшей степени это характерно для чеченцев, ингушей, этносов Дагестана, а также карачаевцев и балкарцев. В Дагестане число тех, кто считает себя верующим, в постсоветский период колебалось в пределах от 81 % до 95 %³²⁴. По оценкам 1995 г., показатель религиозности среди чеченцев составил 97 %, среди ингушей – 95 %, среди карачаевцев – 88 %³²⁵.

По мнению специалистов, рост религиозности населения в регионе напрямую связан с потребностями этнических групп в самоидентификации. Вместе с тем исследователи отмечают, что «ценность локальной идентичности в условиях демократии имеет в сознании людей амбивалентный характер: она одновременно привлекает и пугает. Объединение в более широкие общности (аварцы, кумыки, даргинцы, лакцы, лезгины и т.д.) также не дает защищенности и опыта, сравнимого с опытом этноидентичности в государстве-империи»³²⁶. На заполнение этой пустующей ниши, отвечая на потребности надэтнического универсализма, легитимизируя его на уровне массового сознания, на Северном Кавказе предстает прежде всего ислам, объявивший себя выразителем интересов горских народов Кавказа, защитником культурной самобытности народов, их этнической субъектности»³²⁷.

Набор индикаторов социокультурного «разлома», пролегающего по границам национальных республик, либо по этническим границам на Юге России в целом, можно при желании умножить, но чрезвычайно важно обратить внимание и на некоторые уравновешивающие тенденции. Прежде всего – это массовые установки этнических социумов Северного Кавказа в сфере современного образования. В этом отношении обнаруживается сущностная общность протекающих в регионе процессов с общероссийскими тенденциями (табл. 29).

К началу 1990-х гг. ЮГ, в целом приближаясь к России по количественным показателям развития среднего специального образования, существенно (почти на 30 %) уступал в сфере подготовки кадров высшей квалификации. В 1990-е годы на Северном Кавказе наблюдается значительный рост системы высшего профессионального образования.

Но общее отставание Юга от России в данной сфере слагалось незначительно (с 29 % в 1990 г. до 21 % в 2003 г.). Северный Кавказ в целом остаётся образовательной периферией, что проецируется и на качество «человеческого капитала». При этом по показателям образовательного уровня населения Юг по-прежнему (за исключением Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) продолжает отставать от России (табл. 30).

Таблица 29

Основные параметры развития системы высшего
профессионального образования в регионах Юга России
(в динамике)

Регион	1990-1991 гг.			2003-2004 гг.			Изменение за 2004-1991 гг., раз	
	число вузов	число уч-ся, тыс. чел.	число вузов	число уч-ся тыс. чел.	число вузов	число вузов	число уч-ся тыс. чел.	
Кабардино-Балкарская Республика	2	5,0	5	27,9	2,5		5,6	
Карачаево-Черкесская Республика	1	4,1	2	14,6	1	2,0		3,6
Республика Адыгея	1	5,3	2					
Республика Дагестан	5	28,0	15	97,4	3			3,5
Республика Ингушетия	3**	16,5**	4	9,6				3,5
РСО-Алания	4	18,8	8					
Чеченская Республика	3**	16,5**	3	21,1				
Юг России всего	60	307,1	152	843,8	2,5		2,7	

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 110.

Таблица 30

Удельный вес лиц с высшим и послевузовским образованием
в регионах Юга России (в возрасте 15 лет и старше), %

	С послевузовским образованием	С высшим образованием
Республика Адыгея		
Всё население	0,24	14,5
В том числе адыгейцы	0,40	19,6
русские	0,19	13,0
Республика Дагестан		
Всё население	0,28	12,1
В том числе аварцы	0,21	10,2
даргинцы	0,22	9,8
кумыки	0,30	12,3
русские	0,40	18,6
Республика Ингушетия		
Всё население	0,30	10,8
В том числе ингуши	0,31	11,6
Кабардино-Балкарская Республика		
Всё население	0,29	15,9
В том числе кабардинцы	0,30	15,1
балкарцы	0,39	19,2
русские	0,21	16,2
Карачаево-Черкесская Республика		
Всё население	0,29	15,4
В том числе карачаевцы	0,40	17,8
черкесы	0,31	16,0
русские	0,19	13,0
Республика Северная Осетия – Алания		
Всё население	0,32	19,6
В том числе осетины	0,34	20,8
русские	0,19	13,0
Чеченская Республика		
Всё население	0,23	7,1
В том числе чеченцы	0,23	6,8
Россия в целом		
Всё население	0,30	15,7

Источник: Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 106-108.

В этом свете чрезвычайно показательно и важно привести одно из наблюдений авторов исследования о жизни высокогорного лагестанского села в 1990-е гг. Они свидетельствуют, что во время опросов попадались молодые семьи, живущие почти без денег, за счет хозяйства, на пособия на детей и пенсии стариков, выплачивающиеся весьма нерегулярно. Тем не менее, определяя перспективы для своих детей, 90 % опрашиваемых называли высшее образование. Один из респондентов ответил на этот вопрос так: «Будущее – за образованными грамотными народами, безграмотный народ легче оболванивать»³²⁸.

***

Таким образом, архаизирующие аспекты экономических реформ и экономической политики последних лет выражены достаточно сильно. Они повлекли за собой углубление разрыва в уровне экономического развития между республиками Северного Кавказа и остальной страной. При этом имел место подрыв наиболее современных секторов производственной и научно-технической сферы и резкое снижение статуса соответствующих социально-профессиональных категорий. Происходило их вытеснение в более «отсталые» и традиционные сферы хозяйства. В целом резко возросла значимость для населения натурального самообеспечения на основе парцельного сельскохозяйственного производства. Столь различные, но взаимосвязанные процессы, как ослабление социальных функций государства и развертывание свободной экономической самодеятельности, в том числе частного предпринимательства, привели к резкому повышению функциональности традиционных типов социальных связей и институтов, прежде всего семейно-родственных, земляческих, клановых. Развал бюджетной сферы снякал социально-интегративные функции российской государственности и вел к размыванию социальных слоев, ориентированных в своей жизнедеятельности на стабильное и эффективное функционирование институтов социального центра огромной страны. Дополняла картину дифференциация этих проявлений в различных этнических средах и тенденция к экономической самоорганизации населения в этнически однородных коллективах.

Специалисты оценивают текущие трансформации этнической структуры как общую «кавказизацию» Юга России. Детерминантой данного процесса, помимо региональной демографической специфики, служат распад СССР, последующая федерализация России, усиление этнополитической нестабильности на её южной периферии, наличие (а по ряду аспектов и рост) социально-экономической поляризованности российской территории, растущая этническая консолидация.

В сфере рационального общественного дискурса или в культуре интеллектуалов, представляющих тот или иной северокавказский этносоциум, проблемы культурного обновления не находят адекватного решения. Концептуальные построения местных обществоведов и общественных лидеров несут глубокие внутренние противоречия и не способны предложить убедительные ориентиры для личностного самоопределения и коллективных политических практик.

В масштабах всего регионального сообщества и отдельных этносоциумов общественное сознание характеризуется внутренней противоречивостью, глубокими парадоксами. Но проблема личного выбора остро стоит в основном для представителей старших поколений, прошедших социализацию и сформировавшихся еще в советских условиях. Молодые же поколения на личностном уровне не переживают конфликта идентичностей и сравнительно легко принимают новые социальные роли, референтные группы и цивилизационные ориентиры. Их самосознание формируется в процессе «стихийного» усвоения наличного социального опыта и установления собственных координат в доступной им «картине мира». И то и другое для большей части постсоветского периода определялось явлениями этноконфессиональной напряженности и конфликтов, криSTALLИЗируя соответствующие измерения структур идентичности новых поколений.

Именно поэтому чрезвычайно важно найти нащупать надежный фундамент для государственной и общественной практики, ориентированной на долговременную перспективу, на обеспечение условий, гарантирующих поддержание нерушимой государственной целостности, прочной гражданской консолидации и устойчивого модернизационного развития России.

Глава 7. Константы социально-исторического процесса и перспективы Северного Кавказа в начале XXI века

Осуществляя анализ ситуации в Южном федеральном округе, и в особенности, на Северном Кавказе, следует отдавать себе отчет – о чем идет речь, в конечном счете. Говорится не просто об одном из регионов страны, а обо всем современном Российском государстве – его прочной легитимации в обществе как предпосылке гражданской консолидации, обеспечения территориальной целостности, успешной модернизации и восстановления своей мощи. Легитимация имперского государства в общественном сознании народов Северного Кавказа была достигнута на базе обеспечения им устойчивого административного и правового порядка в регионе без коренной ломки традиционных социокультурных систем. Легитимация советского государства строилась на основе социально-экономического динамизма и расширения культурных горизонтов для местных обществ. Оба эти основания были серьезно подорваны в процессе рождения современной российской государственности.

То, что произошло в течение одного года, с сентябрь 1998 по сентябрь 1999 года, можно охарактеризовать как своего рода революцию в революции. Основные результаты постсоветских преобразований сохранились, но от бурного либерального реформаторства власть перешла к их ревизии и консолидации, а на смену тотальному разгосударствлению и политической фрагментации пришло собирание и укрепление российской государственности. Однако в обществе и политических кругах страны нынешняя стабилизация рассматривается многими не как завершение, а как начало нового тура преобразований, направленного на реставрацию тех или иных сторон прежних порядков (будь то советского, либо досоветского периода). Применительно к Северному Кавказу это связывается в первую очередь с этнополитическими проблемами, и дело при этом не ограничивается ситуацией вокруг Чечни. В самом сохранении нынешней системы национально-государственного устройства региона иногда усматривают угрозу для территориальной целостности России. Но в качестве средства предотвращения этой угрозы предлагаются меры исключительно политico-правового и административного характера.

Это во многом связано с качеством анализа проблем региона. При первом взгляде на текущую ситуацию на Юге России обычно констатируется два очевидных факта. Во-первых, уровень напряженности в межнациональных отношениях существенно снизился по сравнению с первой половиной 1990-х гг., а открытые очаги конфликтов погашены. Во-вторых, она (напряженность) все же сохраняется в «пределах допустимой концентрации», а надежные гарантии, исключающие новые обострения ситуации, отсутствуют. Объясняется это обстоятельство и строя прогнозы, часто ограничиваются перечислением ряда факторов, которые сами по себе, безусловно, имеют отношение к делу. Но для выработки целенаправленной государственной политики требуется гораздо более дифференцированный подход.

Прежде всего, такие явления как полигэтнический и поликонфессиональный состав населения региона, наличие в нем национально-государственных образований и сложная история отношений местных народов между собой и с Российской государством должны быть вынесены за скобки *политического* анализа. Все это необходимо глубоко изучать. Без компетентности в соответствующих вопросах невозможно проводить осмысленную политику, *по невозможности устранить эти явления как «факторы межнациональной напряженности»*.

Следует различать *источники* межнациональной напряженности и *условия*, которые способствуют ее эскалации.

Имеются источники общего и долговременного характера, но большая их часть унаследована от непосредственно предшествующего периода. Здесь можно отметить:

- присутствие в массовом общественном сознании негативных этнических стереотипов, представлений об исторических врагах данного народа, элементов этноцентризма, ксенофобии, интолерантности;
- сохранение приглушенных, но неразрешенных конфликтов;
- наличие актов и заявлений высшего политического руководства страны (дезавуированных либо не дезавуированных), содержащих политическое и правовое санкционирование сепаратизма и взаимных притязаний различных этнических групп;

- наличие явно выраженных территориальных и политических (статусных) притязаний к другим этническим группам;
- существование и деятельность организаций, движений, сил, выдвигающих националистические либо этнократические цели;
- провокационная и дестабилизирующая активность террористических групп и внешних сил.

Условия, способствующие межнациональной напряженности, также носят разнопорядковый характер. Весьма важно различать условия конъюнктурные (или ситуационные – преодоление которых есть вопрос политической воли) и структурные (или долгосрочные – которые требуют целенаправленной, «программной» политики со стороны государства). Здесь можно отметить:

- слабость государства, неспособность обеспечить правовой порядок и управляемость в стране;
- социально-экономическая нестабильность, углубляющийся разрыв в уровне развития и структуре экономики Северного Кавказа и коренной России;
- отток русского населения из национальных республик региона, ухудшение социально-профессиональной структуры местного населения и углубление этнокультурной дифференциации между Югом и Севером России;
- общая миграционная ситуация, резкие и масштабные сдвиги в этническом составе населения краев, областей и республик ЮФО;
- фрагментация единого культурного пространства страны, размывание контуров Российской национальной культуры как горизонта социокультурной ориентации для народов Северного Кавказа и одновременный кризис их этнокультурной традиции под воздействием факторов культурной глобализации;
- слом устоявшихся механизмов социализации (формирования) молодых поколений, катастрофическое снижение для молодежи планки позитивных жизненных ожиданий.

Применительно к проблеме межконфессиональных отношений необходимо учитывать следующее.

Выраженная в общей форме задача «стабилизации межконфессиональных отношений» может дезориентировать общественность и органы власти. Представляется, что отношения

между традиционными для Юга России конфессиями как таковыми и их официальными духовными лидерами лишены конфликтного потенциала. Действительные проблемы в этой сфере носят скорее внутриконфессиональный характер и связаны с взаимоотношениями традиционных и нетрадиционных (сектантских), умеренных и радикальных религиозных течений.

Религиозный радикализм как явление внутриконфессиональное (сектантство) означает притязания религиозной группы или течения на олицетворение чистоты веры и догматическую непримиримость к иным толкованиям данного вероучения. Как явление общественно-политическое (фундаментализм) он означает требование строить и регулировать всю общественную практику в полном соответствии с религиозными предписаниями.

Религиозный экстремизм представляет собой совокупность действий, направленных на воплощение в жизнь конфессиональных и социально-политических установок религиозного радикализма (сектантства и фундаментализма), если они осуществляются в нарушение конституции и законов РФ.

Религиозный радикализм коренится в объективных предпосылках и не может быть искоренен раз и навсегда. Однако масштабы и острота его проявлений зависят от конкретных условий времени и места. Существенную роль в распространении религиозного радикализма играют культурные факторы.

Сама природа религиозного сознания подразумевает фиксацию несоответствий реального земного порядка и божественных предустановлений. Отсюда вытекает определенная социально-психологическая напряженность и стремление к «разрешению» этих противоречий.

Процессы глобализации несут разрушение культурных барьеров, угрожают самому существованию традиционных местных сообществ, вызывают в них кризис самосознания, духовный стресс и стремление защищать себя от внешних воздействий.

В современной России духовная дезориентация усугубляется последствиями крутым ломки государственной и общественной системы и интенсивным процессом культурной колонизации страны со стороны Запада.

Информационная открытость и практически беспрепятственная свобода передвижений иностранных граждан создают благоприятные условия для постоянной активности в республиках Север-

ного Кавказа зарубежных центров и сил, заинтересованных в распространении идей религиозного радикализма. Такие же центры и силы сформировались уже и в самом Северо-Кавказском регионе.

Характерная особенность ситуации состоит в том, что религиозный радикализм в регионе выступает почти исключительно как феномен молодежного сознания и поведения. С другой стороны, он связан с этническим национализмом по принципу сообщающихся сосудов. Подъем религиозного радикализма практически «компенсировал» снижение уровня этнической мобилизации в регионе со второй половины 1990-х гг. Это обстоятельство свидетельствует о невозможности изолированного решения проблем в сферах межнациональных и межконфессиональных отношений.

Оценка потенциала напряженности и проблем, существующих в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, будет практически малопродуктивной, если не учитывать особенности их пространственного распределения. Создание Комиссии по вопросам координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе, казалось, свидетельствовала о необходимости интеграции «отраслевого» и «проблемного» подхода с территориальной организацией государственного управления. Но сама она не может в своей деятельности оперировать такими единицами как ЮФО, Юг России, Северный Кавказ. Если действительно предполагается развернуть серьезную работу по стабилизации и гармонизации межнациональных отношений, то неизбежно потребуется осуществить детальное «картирование» и «зонирование» территории ЮФО с точки зрения выделения на ней очагов конфликтов, ареалов напряженности, источников террористической угрозы, областей влияния исламского радикализма и т.д. Только последующее наложение полученной картины на административную, этническую, экономическую карту региона позволит определить что и где нужно делать. Представляется, однако, что основной территориальной единицей анализа, политики и управления должны быть края, области и республики ЮФО.

Столь же важным, как и пространственный фактор, для формирования конкретной программы действий является *фактор временной*. С точки зрения практической политики, в первую очередь необходимо предпринять шаги, позволяющие «развести» текущие аспекты ситуации на Северном Кавказе (пред-

мет оперативного и «кризисного» управления) и долгосрочную, «программную» политику государства по управлению базовыми общественными структурами и процессами в регионе.

Для того чтобы сформировать прочную основу долгосрочной политики модернизации Северного Кавказа, необходимо: во-первых, определить *константы* в социально-историческом развитии региона на протяжении всего периода его пребывания в составе России, во-вторых, выделить в текущей ситуации *базовые общественные процессы*, которые будут определять будущее на достаточно длительный период, в-третьих, выделить *опорные для политики модернизации социальные институты*.

Разумеется, константы, о которых идет речь в данном случае, ни в коей мере нельзя отождествлять с константами физическими. Но при широком, «панорамном», видении исторического процесса в нем обнаруживаются некоторые чрезвычайно устойчивые структуры, которые выступают для каждого отдельно взятого поколения в виде объективно заданных параметров социально-исторической реальности. С другой стороны, эти объективные константы выражают себя в воспроизведстве сходных форм субъективного человеческого опыта.

Культурная самобытность Кавказа, зародившаяся в глубокой древности и неустранимая на обозримую перспективу, сформировала *две константные черты российско-кавказского исторического процесса*. Во-первых, это присутствие в государственном и социокультурном пространстве России исторического региона, отмеченного *культурной инаковостью*. В длительном и разнообразном историческом опыте взаимодействия России и Кавказа воспроизводятся элементы, черты, проблемы, сближающие рубеж XX и XXI веков, скажем, с серединой XIX или даже XVI века. Они выражают, в конечном счете, связь культуры и политики, опосредованность политических форм этого взаимодействия способностью либо неспособностью поддерживать диалог и достигать взаимопонимания культур. Во-вторых, это *внутренняя двойственность* самих основ жизнедеятельности и самосознания народов Северного Кавказа. Глубокие предпосылки этой двойственности восходят к периоду X-XV веков, когда определилось расхождение цивилизационных путей России и народов Северного Кавказа. А с того времени, когда российское государство приступило к глубоким пре-

образованиям местных обществ с целью их инкорпорации в социально-политический организм империи, дуализм привнесенных и автохтонных, современных и традиционалистских начал общественной жизни пронизал все аспекты мировидения и социальной практики народов региона.

На субъективном срезе исторического процесса обозначенные выше структурные константы порождали две столь же постоянные проблемы.

Во внутрироссийском плане – это необходимость отыскания особых форм государственно-политической организации Северного Кавказа, отражающих его этнотерриториальную и этнокультурную специфику, но выполняющих при этом функцию интеграции местных обществ в общероссийский социально-политический процесс. Мы видели, что на всем протяжении исторического взаимодействия российского государства с народами Северного Кавказа возникала проблема культурного взаимопонимания, учета особенностей мировосприятия, социальных традиций, политической культуры народов региона, что являлось необходимым условием эффективности решения государственных задач.

В международном плане культурная (этническая и конфессиональная) инаковость региона по отношению к коренной России порождала *постоянное стремление внешних сил использовать его в целях geopolитического давления* на Россию. Это стремление приобретало открытые формы в периоды резкого ослабления Российского государства. В современных же условиях соединяются два фактора – долговременное снижение относительной мощи Российского государства и его включение в процессы экономической, политической и культурной глобализации, предъявляющие требования открытости российского политического пространства для деятельности различного рода международных структур.

За текущими, коньюнктурными кризисами и обострениями серьезная государственная политика в регионе должна видеть эти постоянные величины в современной кавказской реальности и опираться на них. Путь к их позитивному воплощению в политической практике лежит не столько через управление территориями или населением, сколько через *управление базовыми общественными процессами*, протекающими в регионе. Здесь следует оговорить, что представленная выше картина базовых обще-

ственных процессов, протекающих в настоящее время на Северном Кавказе, не полна и, главное, не сбалансирована. Во-первых, если говорить о запросах, устремлениях и ожиданиях массовых слоев населения, то они, безусловно, ориентированы не на отдельное от России движение вспять, в прошлое, а на совместное с Россией движение вперед, в будущее. Во-вторых, весьма глубока внутрирегиональная дифференциация по всем этим параметрам между отдельными республиками и народами.

Но если мы хотим сформировать такое знание современного российского Кавказа, которое могло бы лежать в основу перспективной политики государства в этом регионе, важно в первую очередь уловить возможные расхождения в тенденциях экономического и социокультурного развития Северного Кавказа и коренной России. То напряжение, которому подверглась двойственная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период 1990-х годов, не снято до сих пор. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом какими-либо одномоментными правовыми, административными или даже политическими акциями.

Следует ожидать, что черты «переходности» будут сопровождать местные общества на Юге России в течение длительного периода, хотя содержательные характеристики «перехода» будут существенно меняться. Здесь скажутся и наследие нерешившихся проблем прошлого, и общая незавершенность процессов модернизации в регионе, и новые вызовы экономической, политической и культурной глобализации.

В силу этого для народов Северного Кавказа сохранится определенная напряженность между необходимостью соответствовать требованиям открытого и конкурентного мира современности и потребностями сохранения своей культурно-исторической идентичности.

Северный Кавказ, как пограничный регион России, находящийся на стыке различных геополитических и культурно-цивилизационных ареалов, еще долго останется объектом попыток различных внешних сил воздействовать на культурные предпочтения местного населения и на общую ситуацию в регионе.

Возрастающая интенсивность и многообразие связей с окружающей регионом экономической, социально-политической,

информационной средой при неизбежной смене поколений будут привносить в процессы регионального развития элементы неопределенности и непредсказуемости.

Идущие на Северном Кавказе процессы определялись до настоящего времени формами стихийного приспособления местного населения к условиям государственного распада и экономического кризиса и активностью внешних сил, в большей степени, чем целенаправленной и долгосрочной политикой Российского государства. Первая группа факторов достаточно амбивалентна и сама по себе не гарантирует перспективы устойчивого развития и социально-политической стабильности в регионе. Вторая объединяет внешние противоположные силы, однако вектор их геополитических интересов совпадает и направлен в сторону дальнейшего ослабления позиций России на всем Кавказе и в Каспийско-Черноморском бассейне в целом.

Таким образом, вопрос о будущем Северного Кавказа упирается в оценку соотношения темпов развития негативных и позитивных тенденций в социально-экономической, культурной и политической сферах. А это значит, что, в конечном счете, судьба региона зависит от того, готово ли государство задействовать ресурсы, достаточные для эффективного направляющего воздействия на идущие в нем социальные процессы и длянейтрализации давления извне. Речь не может идти просто о финансовых средствах и их количественной достаточности. Важно мобилизовать весь набор необходимых ресурсов – политических, административных, финансово-экономических, культурно-идеологических – в соответствии с характером задач и внешних вызовов. А построение эффективной системы их использования само по себе должно рассматриваться в качестве одного из основных ресурсов государственной политики.

Равным образом следует понимать, что не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем – они не просто взаимосвязаны, но взаимообусловлены. *Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации.* По сути дела, речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы в регионе получили центростремительную и модернизационную направленность. Но даже если окончательно определится одинаковая на-

правленность развития, это еще не гарантирует, что расхождение в уровнях модернизации российского «центра» и северокавказской «периферии» не будет увеличиваться, а дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций в масштабах всей страны и внутри Северо-Кавказского региона не будет углубляться. Модернизационный процесс в регионах России в любом случае будет разноскоростным. Чтобы Россия выдерживала единое общенациональное движение в этом направлении, необходимо стимулировать его ускорение на Северном Кавказе.

Политика поддержки и стимулирования роста современных секторов экономики, общества и культуры в республиках Северного Кавказа должна быть дифференцированной по содержанию, последовательности и методам решения соответствующих задач. Слишком глубоки и многообразны различия в их социально-экономических и этнодемографических структурах, культуре, истории и новейшем социально-политическом опыте. Соответствующий анализ должен предшествовать возможным решениям во всех областях государственной региональной политики. Многие элементы, характеризующие положение и проблемы республик региона, очевидны и достаточно широко обсуждаются. Далее будут затронуты только те из них, которые представляются одновременно существенно важными и неочевидными при рассмотрении ситуации в той или иной республике в первом приближении.

К настоящему времени в каждой республике оформилась своя *специфическая система равновесия* и набор факторов, поддерживающих социально-политическую стабильность. Их возможную реакцию, их способность воспринимать изменения без риска дестабилизации приходится учитывать при подготовке любых мало-мальски масштабных решений. Специфика каждой из них определяется структурой, характером взаимосвязей и соотношением сил среди «элитных» группировок, а также природой дестабилизирующих (конфликтогенных) факторов, которые удается контролировать в рамках сложившейся системы равновесия. С точки зрения задач государственной политики здесь требуют ответа два ключевых вопроса. Во-первых, имеются ли элитные группы и социальные слои, способные стать проводниками политики региональной модернизации, каков их удельный вес и масштабы влияния в общем раскладе сил? Во-вторых, на-

сколько жесткой, а, следовательно, хрупкой является данная система социально-политического равновесия? Является ли «застой» необходимым условием ее поддержания?

Когда речь идет об экономических проблемах северокавказских республик, недостаточно зафиксировать их отставание от других регионов по большинству показателей, низкий уровень доходов и высокий уровень безработицы. Надо понимать, что *население в каждой из них выработало определенные формы приспособления к условиям экономического спада и распада*. Эта реальная «система жизнеобеспечения» плохо учитывается официальной статистикой, а ее социальные последствия неоднозначны. С одной стороны – это один из главных источников социально-политической стабилизации. С другой – в нее встроены и теневые полукриминальные структуры и система нелегальных «врезок» в потоки бюджетного финансирования. Тесно связаны с ней коррупция и криминальная « занятость» части молодежи. Экономическая политика, следовательно, должна быть не просто политикой роста, но политикой экономической модернизации региона, и она должна учитывать специфику сложившихся систем жизнеобеспечения в каждой из республик.

Весьма различно для отдельных республик соотношение форм *территориальной и отраслевой организации* систем власти, управления и современной экономики с *формами социальной организации населения*, в которых реально осуществляется их жизнедеятельность. Клановые структуры (построенные на различной основе) пронизывают всю систему «официальных» общественных институтов, но в ряде случаев имеются и целые «этажки» социально-территориальной организации общества, которые самоуправляются на основе традиционных общинно-религиозных принципов. Если не учитывать неизбежного преломления волевых импульсов и программных мероприятий в этой социокультурной среде, или даже того, что значительные сегменты общества остаются вне зоны их воздействия, то возможен опасный для государственной политики отрыв от реальности. Вместе с тем, важно понимать, что общего признания роли клановых начал в жизни местных обществ недостаточно. Существенное значение для политики и управления имеют как раз видовые различия между ними и специфический их набор, характерный для той или иной республики.

Представляется, что сочетание трех указанных выше параметров уже позволяет типологически развести республики Северного Кавказа и преодолеть недифференцированное, «коллажное» изображение ситуации в регионе. Практически ориентированный анализ требует ввести в картину еще два аспекта, которые сравнительно хорошо осмыслены и артикулированы – это формы и степень влияния исламистских сил и вовлеченность отдельных республик во внутренние, межреспубликанские и внешние этнополитические конфликты. Тогда будет учтен набор факторов, минимально необходимый для проведения осмысленной и последовательной, «программной» государственной политики в регионе.

Объектами такой политики являются не сами по себе терроризм, сепаратизм, исламский фундаментализм или какая-либо иная проблема и не весь регион Северного Кавказа, где эти проблемы существуют. Ее объектами являются базовые общественные процессы в отдельных республиках, каждая из которых характеризуется своей системой социально-политического равновесия; специфическим укладом хозяйственной жизни, обеспечивающим существование ее населения; особым соотношением контуров официальной властно-управленческой системы и реальной организации социальной жизни ее населения; характерным набором источников и условий межнациональной напряженности.

В охарактеризованных выше условиях регионального развития, несущего в себе элементы неопределенности и непредсказуемости, важнейшим источником рационального предвидения и условием перспективного социального планирования станет знание мировоззренческих характеристик, ценностных ориентаций, моделей социальной активности молодых, вновь формирующихся поколений. Отсюда вытекает особая роль системы образования в регионе. В настоящее время она является, по сути, *единственным социальным институтом, реализующим долгосрочное и универсальное воздействие на молодежь*. Но эффективность этого воздействия нельзя обеспечить только педагогическими средствами. *В рамках целенаправленной и последовательной политики комплексной региональной модернизации система образования должна играть ключевую роль*. Вместе с тем, очевидно, что сама эта система должна выстраиваться вокруг учреждений высшего уровня профессионального образования. Иными словами, вопрос о роли системы образования в воспитании молодежи и ее способности выступить факто-

ром стабильности в таком регионе России, как Северный Кавказ, связан с тем или иным пониманием *миссии российского университета в этом регионе*.

В общем смысле его предназначение состоит в том, чтобы формировать научно-познавательные, профессионально-квалификационные и информационно-коммуникационные возможности для эффективной и успешной жизнедеятельности каждого жителя республики, всего регионального сообщества в современном конкурентном информационном обществе, в условиях глобализации и в соответствии с перспективными задачами модернизации страны.

Вместе с тем в полигэтнической и многоконфессиональной социальной среде Северного Кавказа, в условиях относительно неразвитой экономической структуры, существования традиционных и современных социальных институтов особая роль принадлежит университету в решении задач социокультурной модернизации региона на основе высокого синтеза ценностей современности и национальной культурной традиции народов региона. Он воплощает в себе модель современного поликультурного, эффективного и солидарного общества, пространство рационального диалога культур.

Следует подчеркнуть – проблемы и задачи университета в современной России вообще, и на Северном Кавказе в особенностях, необходимо осмысливать в контексте общенациональных интересов. В условиях неснятых угроз для целостности нашего государства российская школа (средняя и высшая) – это важнейший механизм устойчивой национальной консолидации и формирования гражданского патриотизма. Система образования – это инфраструктура национальной культуры, через которую формируется единое ментальное пространство страны. Дальнейшая фрагментация образовательного пространства может оказаться фатальной не только для местных университетов. Ведь Северный Кавказ – это не просто один из сегментов пресловутого «рынка образовательных услуг». Если Россия откажется от реализации здесь подлинно государственной стратегии через национальную систему образования, то регион может стать полем реализации государственной стратегии других стран. Если система образования не будет формировать у молодежи современное научное мировоззрение, то резко расширится влияние на нее иных мировоззренческих систем. Тогда можно забыть и о воспитании своей молодежи, и о стабильности в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспектива социально-культурного синтеза позволяет существенно углубить представления о таких ключевых проблемах российской истории, как процесс формирования многонационального Российского государства, характер и историческое место Кавказской войны, типологическая характеристика Российской империи.

Вместе с завершением в основных чертах процессов этногенеза северокавказских народов сложился и более широкий культурно-исторический контекст, который в решающей степени предопределил пути их дальнейшего развития.

В период великого переселения народов, «варваризации» Европы, упадка городской жизни и самых первых этапов складывания раннефеодальных монархий Северный Кавказ в общем и целом не выделялся на социально-политической и культурной карте Восточной Европы. Здесь также происходили процессы становления раннефеодальных обществ и государств. Но к X в. четко обозначается расхождение путей цивилизационного развития Северного Кавказа и окружающего его исторического мира.

Северный Кавказ в целом так и не был включен в орбиту ни одной из великих современных цивилизаций, которые оформились к XV-XVI вв. В социокультурном плане он остался самостоятельным, самобытным, но при этом как бы задержался в предыдущей эпохе. Необычайная устойчивость традиционных социальных институтов, норм и ценностей блокировала запуск механизмов цивилизационного саморазвития местных народов.

Вместе с тем регион, начиная с XVI в., все глубже втягивается в орбиту геополитических интересов крупнейших соседних государств, принадлежащих к различным цивилизациям. Таким образом, обозначились предпосылки складывания специфических форм взаимодействия народов Северного Кавказа с окружающим миром, связанные с необходимостью каждый раз преодолевать цивилизационные расхождения и дисбалансы.

С XVI в., не включаясь напрямую в военно-политическое противоборство с другими державами, Россия реализовала политику, позволившую ей постепенно наращивать влияние и укреплять свое присутствие на Северном Кавказе. Это было нача-

лом длительного исторического процесса – с момента первых политических контактов (черкесское посольство в Москву в 1552 г.) и до окончательного включения Северного Кавказа в состав Российской империи (завершение Кавказской войны в 1864 г.) прошло более 300 лет. В рамках этого периода уместились противоречивые события: политическое и военное сотрудничество в борьбе с общими врагами, покровительство с одной стороны и служба – с другой, военно-колонизационный натиск и вооруженное сопротивление.

Вместе с тем, на этом длительном историческом отрезке прослеживается определенная направленность эволюции русско-кавказских отношений и выделяются три крупных этапа, которые различаются объемом, характером и интенсивностью установленных связей.

Первый этап (середина XVI–начало XVIII в.) укладывается в рамки Московского периода российской истории. Инициатива сближения с Россией зародилась в феодальных верхах некоторых народов самого региона. Она поддерживалась поисками альтернативы в условиях внешнего натиска со стороны соседних мусульманских государств и взаимной борьбой между наиболее развитыми этнополитическими образованиями Северного Кавказа.

В процессе становления русско-северокавказских отношений, особенно на начальных этапах (XVI–XVII вв.), социокультурные факторы не столько препятствовали, сколько способствовали их развитию. Но уже в этот период проявились проблемы и трудности, которые впоследствии приобрели конфликтное измерение. Неодинаковое прочтение договорных обязательств горцами и самодержавной властью имело место изначально. Вместе с тем длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно-цивилизационное значение, не зависящее от тех или иных поворотов политической конъюнктуры.

Второй этап взаимоотношений начался вместе с «петербургским» периодом российской истории. Он охватывает практически весь XVIII век и может быть охарактеризован как переходный. Противоречивый итог векового развития русско-кавказских отношений заключался в том, что культурная дистанция между ними существенно увеличилась, а пространственная и политическая – были стерты. В непосредственное взаимодействие вступи-

ли общества с различной социальной структурой и хозяйственными традициями, с качественно разнородными системами организации власти. Культуры этих обществ различались теперь не только по цивилизационной принадлежности и религии – в то время как в русской культуре уже присутствовали и развивались элементы модернизации, культура народов Северного Кавказа оставалась сугубо традиционной. Нахождение общего языка для оформления взаимных отношений становится все более затруднительным, на смену политическому взаимодействию приходит военное противостояние – Кавказская война.

Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. – невозможна.

Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений – от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это проблема диалога и взаимопонимания культур.

С точки зрения «участия» северокавказских этнорегиональных сообществ в российском историческом процессе (как в его политическом, так и цивилизационном измерении) подтверждается тезис о том, что имперские системы представляют собой форму разрежения конфликтных напряжений, возникающих в конкретном геополитическом пространстве при столкновении универсалистских ориентаций с изначально дисгармоничным разнообразием этнических культур. Если даже связать экспансию России на Юг с какой либо «мессианской идеей», то реально по отношению к местным обществам на Северном Кавказе, она выступала как «империя закона и порядка». Анализ показал, что реальная картина здесь гораздо более сложна, чем образы

«национального гнета и колониальной эксплуатации», с одной стороны, и беспроблемной «российскойости», как равноправного исторического партнерства народов «под эгидой России», – с другой. А главное, ее нельзя представлять себе как законченную и статичную. Вся проблематика интеграции народов Северного Кавказа в политической, социальной, экономической и культурной сферах связана с тем, что интегрирующая их государственная и общественная система России сама находилась в постоянной динамике. Здесь возникает еще одна тема в изучении исторической связи Российской империи и Северного Кавказа – тема модернизации. Вопрос о специфике самой российской модернизации в этом контексте является вторичным. Для традиционных или даже архаичных этнорегиональных социоцивилизационных систем Северного Кавказа она выступала единственным источником модернизационных импульсов. Но это не значит, что они представляли собой не более чем пассивные реципиенты новых форм социальности и культуры.

Современное научное кавказоведение дает достаточнозвешенные оценки имперской правительственной политики в регионе. При этом выделяются две ее характерные черты – компетентность и прагматизм.

Всестороннее и масштабное изучение Кавказского региона со временем привело к пониманию и учету российской военной администрацией самобытности местных народов, осознанию неприемлемости исключительно силовых мер по их включению в политическое, правовое и культурное поле Российской империи и предопределило направления поисков социально-культурного синтеза.

Проблема совместимости в одном государственном организме существенно различных социокультурных систем постепенно выходила на первый план. В ее решении определились две противоположные стратегии – «регионализм» и «централизм». Регионализм рисуется как стратегия управления, которая использует культурное разнообразие и особенности, способствует их функциональному усилению для более органичной интеграции в единое целое. Централизм выступает как стратегия «принудительной интеграции», состоящая в укреплении единой вертикали власти, усиления «проницаемости» объектов управления, в том числе за счет снижения/подавления уровня их разнообразия и автономии.

В профессиональных научных кругах, приобщенных к разработке и осуществлению правительственной политики, выдвигались весьма глубокие идеи, предполагавшие не просто сосуществование культур в единых имперских рамках, но их конвергенцию в общем цивилизационном процессе. Таковы были, например, взгляды выдающегося ученого-кавказоведа П.К. Услара (1816-1875 гг.). Но в конечном итоге, в политике «центра» на Северном Кавказе брал верх более приземленный pragmatism.

На всех этапах имперской политики обязательным условием осуществления конкретных действий, реформ и других мероприятий российских властей на северокавказской окраине было предварительное изучение специфики социальных отношений и культуры местных обществ. Последнее обстоятельство наиболее ярко себя обнаружило в ходе подготовки земельной и сословной реформ на Северном Кавказе. Подготовленные в комитетах и комиссиях решения позволили сравнительно безболезненно провести сословную и земельную реформу. А вот попытки выявить соответствия и перебросить мост между сословными отношениями и формами собственности в северокавказских обществах и сословным строем и экономическими отношениями в коренной России не удались. Они оказались несопоставимы.

По этим же причинам на всем протяжении пребывания Кавказа в составе Российской империи сохранялись особые формы управления краем. Кавказская администрация стремилась без резкой, радикальной ломки адаптировать дороссийские институты управления к своим целям, что воплотилось в системе «военно-народного управления». Уже современники оценили правительственный курс на постепенное внедрение системы управления с максимальным учетом существующих социокультурных различий.

Окончательное включение народов Северного Кавказа в социально-экономическую, административно-политическую и культурную среду российского общества и государства привело к радикальному изменению основ и механизмов их исторического развития. Можно сказать, что между эпохой автономного общественного бытия на основе собственной социокультурной традиции и эпохой их пребывания в составе России действительно существует глубокий разрыв исторической преемствен-

ности. С другой стороны, время с 1860-х гг. и вплоть до наших дней характеризуется принципиальным единством своего содержания. Внешне противоположные политico-идеологические формы имперского, советского и постсоветского периодов пронизываются сквозными линиями становления современных форм экономики, социальности и культуры. В рамках этой эпохи тема «Россия и Кавказ» приобретает качественно новое звучание. Основным мотивом в ней становится проблема совместного развития, т.е. органичного включения Северного Кавказа в процессы российской модернизации. Ключевым для государственной политики России на Северном Кавказе с этого времени становится вопрос о соотношении системы власти и управления в регионе с процессами преобразования местных обществ.

В рамках имперского периода можно выделить два этапа. Первый из них можно обозначить как этап становления Системы – формирования институционального каркаса и правовой базы, обеспечивающих неконфликтное сосуществование в пределах единого государственного пространства качественно разнородных социально-культурных единиц. Хронологически он совпадает с «великими реформами» 1860-начала 1870-х годов в России.

Конечно, можно говорить об эклектичности новой институциональной среды, организующей социальную практику как населения, так и властей на Северном Кавказе. Но именно в этой эклектичности заключалась Система, поскольку речь идет о процессе постепенной и поэтапной адаптации населения к новым условиям существования и столь же постепенной его инкорпорации в единый социально-политический организм империи.

Длительный и упорный поиск общего между общественной и административно-правовой системой России, с одной стороны, и народами Северного Кавказа – с другой, способствовал, скорее, лучшему пониманию различий. Северокавказские общества оказались слишком архаичными для восприятия собственно либеральных реформ, поэтому правительство пожертвовало либеральным содержанием реформ ради достижения своего рода цивилизационного компромисса. Ценой цивилизационного компромисса стала ограниченность, если не полное отсутствие импульсов пореформенной экономической

модернизации северокавказских этнических обществ. Но социальная и культурная дистанция между Центральной Россией и местными обществами не снижала, а подчеркивала актуальность проблемы социально-культурного синтеза.

Функциональность и эффективность созданной системы проверялась на этапе пореформенного развития ее соотношением с процессами социоэкономических и социокультурных трансформаций в регионе вообще и в местных этнических обществах в частности. На этом этапе институциональные сдвиги были дополнены глубокими изменениями социально-экономической среды, в которой протекала жизнедеятельность местных этнических обществ. Но и в том, и в другом случае речь должна идти о масштабном обновлении именно внешних условий и контекстов социального бытия народов Северного Кавказа.

Общие масштабы и глубина воздействия реформ на внутренний строй местных обществ, на хозяйственно-бытовой уклад и религиозную жизнь сельских общин были весьма незначительны. Коренные народы оставались в местах традиционного проживания. В подавляющем большинстве это было сельское население. Произошел скорее подрыв устоев традиционного общества, чем его преобразование. Но при этом происходили динамичные изменения в окружающей народы Северного Кавказа экономической, социальной и культурной среде.

Для народов региона это означало изменение всей картины окружающего мира. С этого времени фундаментальной чертой социального бытия горцев Северного Кавказа становится дуализм, двойственность социальной структуры и социальных институтов, в которых и через которые они осуществляют свою жизнедеятельность. Привычные, «естественные» институты, представления и нормы, коренящиеся в этносоциальной и этнокультурной традиции каждого народа, включаются теперь в современный, («имперский», «русский») социокультурный и правовой контекст, взаимодействуя с ним, испытывая его мощное влияние.

В качестве ответа на ситуацию социально-культурного дуализма в каждом этносоциальном сегменте Северо-Кавказского региона проявили себя и попытки сопротивления к новой реальности, и стремление «уйти» от непривычного порядка, и тенденции адаптации к нему.

Всеобъемлющая и масштабная ломка привычных условий существования при одновременном «отключении» ряда социо-регулятивных функций традиционных общественных институтов усилившала «непрозрачность» нового социально-политического порядка, превращали его для традиционалистского сознания в источник угроз.

В длительной перспективе наиболее существенным проявлением дивергирующего импульса в эволюции структур идентичности было глубокое и всепроникающее влияние на население Дагестана и Чечни радикальных форм ислама. Специалисты отмечают, что после Кавказской войны мусульманское духовенство здесь не только сохранило за собой все ключевые позиции, но и завоевало в массах огромный авторитет как борец за независимость. В результате антиправительственные выступления 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и Чечне проходили большей частью под религиозной окраской и лозунгами «газавата».

Специфической формой «катастрофического» восприятия нагрянувших перемен и стремления уйти от их пугающей новизны стало переселение горцев Северного Кавказа в Турцию. Это было длительное по времени, широкое по охвату различных национальных групп и достаточно массовое по масштабам движение, отравившее специфическую структуру идентичности, в которой конфессиональное измерение являлось неустранным и самостоятельным элементом.

Административная и военная служба, наем на промышленные предприятия и железные дороги, трудовая миграция не только в пределах региона, но и в Европейскую часть России (отходничество) фактически являлись формами освоения новых условий и возможностей. Этнические общности Осетии, Ингушетии, Балкарии и Карачая использовали рычаги имперской администрации, добиваясь решения проблемы малоземелья в нагорной полосе Терской области. Во всех этих проявлениях адаптации к новой социально-культурной среде присутствовали существенные ограничения. Так, учащение контактов с городской средой и культурой еще не выливалось в реальный процесс урбанизации. Случаи переселения горцев в города были единичны.

Наиболее ярким выражением тенденции адаптации к модернизационным сдвигам являлось медленное, постепенное, но неуклонное распространение среди народов Северного Кавказа современных форм образования и культуры. Постепенно складывается пока еще крайне тонкий слой местной интеллигенции.

Но развитие процессов социально-культурного синтеза в институциональной среде, организованной жизнедеятельность народов Северного Кавказа в пореформенный период, и даже сдвиги в их внутренней социальной структуре и социальных практиках не влекли за собой столь же прямых последствий для их самоидентификации. На определенном этапе обретение российской государственно-политической идентичности у населения Северного Кавказа сопровождалось упрочением этнической и религиозной обособленности от основной культурной матрицы, интегрирующей Российское общество и государство.

Сама политика государства на Северном Кавказе способствовала этноконсолидационным процессам у народов региона. В целом развитие шло в направлении административно-территориального размежевания различных этнических общностей и гомогенизации «внутреннего» для данного этноса социального пространства.

Культурно-идеологические предпосылки антироссийских выступлений подкреплялись своеобразной «мозаичностью» социально-экономической структуры региона. Границы социально-экономических секторов и укладов зачастую совпадали здесь с границами этническими. Наиболее острый для местных этнических обществ вопрос о земле имел (в отличие от губерний Российской Федерации) не столько социальное, классовое, сколько «национальное» содержание.

Ситуацию социокультурного дуализма, переходный и противоречивый характер положения горских народов Северного Кавказа в конце XIX-начале XX века остро ощущали представители местной интеллигенции. С одной стороны, деятельность носителей отрефлектированной общественной мысли – интеллектуальных кругов, просветителей, публицистов – представляла собой наиболее полное воплощение форм и результатов социально-культурного синтеза. С другой стороны, трудно-

сти и проблемы на пути его достижения составляли основной предмет их размышлений и поисков.

Это может создать преувеличенное представление о масштабах и глубине включения северокавказских народов в модернизационные процессы пореформенного периода. Между тем сохранившаяся на протяжении этого периода социокультурная изоляция, «канклавность» северокавказских обществ резко снижала возможности органичного и позитивного усвоения социальных и культурных инноваций, успешной адаптации к общественной динамике модернизирующейся России.

Но с другой стороны, главные коллизии и антагонизмы общественно-политического развития предреволюционной России также не находили прямого отражения на Северном Кавказе. Основные предпосылки нарушения социально-политического равновесия в регионе создавались противоречиями самой российской имперской модернизации и назреванием ее революционного «срыва».

Глубокий дуализм социально-культурной структуры, сложность и запутанность социально-этнической карты региона предопределили различия вариантов реакции на условия крушения государственной власти и открытое противоборство социальных и политических сил в революционный период. При этом процессы этносоциальной консолидации отдельных народов еще не были завершены, а их массовое самосознание еще не стало самосознанием национальным. Именно поэтому на Северном Кавказе не развернулось массовое национальное движение за независимость от России.

Если рассматривать процессы, развернувшиеся на российском политическом пространстве в 1917-1922 годах, не с идеологической или социальной точки зрения, а в контексте государственно-политического развития, то очевидно, что главным их содержанием были распад и последующее созидаание Российского государства в новой пространственной и политической конфигурации. Для того, чтобы лучше понять место Северного Кавказа в этом процессе, важно не утонуть в деталях, а разглядеть *действие формообразующих факторов*, определивших новый политический механизм его интеграции в государственную систему Советской России.

Прежде всего, следует подчеркнуть: хотя конечный итог революционного процесса на Северном Кавказе определялся исходом противоборства основных военно-политических лагерей, столкнувшихся в гражданской войне, социально-политические процессы в регионе развивались автономно, под воздействием внутренних для Северного Кавказа факторов и в результате активности самих его народов.

Содержание этой активности определялось не социально-классовым противоборством и не массовой тягой народов региона к отпадению от России. Главная проблема, с которой столкнулись в этот период северокавказские народы – это восстановление какого-либо устойчивого порядка взамен рухнувшего имперского и формирование соответствующих механизмов для регулирования наиболее конфликтогенных сфер общественной жизни региона – межнациональных и поземельных отношений. Это было, по сути дела, проявлением политической самоорганизации местных этно-социальных общинностей, в которой соединялись автохтонные традиции политического самоуправления и устойчивость административно-территориального деления, установленного в регионе Российской государственной властью.

ЭтнотERRиториальная структура Северного Кавказа, которая до этого времени выполняла функции административного управления жизнью местного населения, восприняла теперь функции политического представительства его народов. Весь ход событий 1917-1918 гг. в Терской, Кубанской и Дагестанской областях свидетельствует об этом. Наиболее яркое выражение процессы этнополитической консолидации народов региона нашли в деятельности «съездов народов» Терской области, ставших в 1918 г. единственной реальной формой установления упорядоченной власти на обломках имперской администрации.

Формирование системы государственной власти и управления после гражданской войны на принципах национально-территориальной автономии также отражало объективную реальность, сложившуюся в регионе. Оно происходило на основе сочетания инициатив и волеизъявления, идущих снизу (от отдельных национальных групп, от местной партийно-советской элиты), и принятия окончательных решений высшими органами государственной власти РСФСР. Таким образом, в процессе становления

национальной государственности народов Северного Кавказа обязательно присутствует элемент их самоопределения.

С точки зрения обобщения опыта национально-государственного устройства России советского периода главное заключается в том, что национальная государственность народов Северного Кавказа определяла политическую, территориальную и административную форму, в рамках которой происходило социальное развитие этих народов. Конечно, изначально это была для них «одежда на вырост», но характерное для советской эпохи ощущение общественного прогресса, преодоления «анклавности» и расширения горизонтов для вчера еще сугубо традиционных обществ имело вполне реальные основания.

В 1920-50-е годы основным фактором интеграции северокавказских народов в тогдашнее российское общество выступала их политическая и идеологическая «советизация». Она базировалась на постулате о несовместимости традиционной социальной организации и культуры народов региона с принципами организации и функционирования нового социалистического общества.

Различные аспекты социально-политической эволюции северокавказского общества реализовались неравномерно. В 1920-е гг. на первый план выступали сдвиги в культурно-идеологической и административно-политической среде при относительной устойчивости традиционной системы хозяйствования и деревенского уклада жизни. В 1930-е гг. сплошная коллективизация, огосударствление сельской экономики и бюрократизация колхозов приводят к слому «попреформенной» социальной и организационно-хозяйственной структуры, подрывают духовно-идеологическую автономию горской деревни, остававшейся до этих пор средоточием воспроизводства этносоциальной и этнокультурной традиции. Затем период Великой Отечественной войны дал народам Северного Кавказа, первый со временем их вхождения в состав России опыт всенародной причастности к общей для всей страны трагедии и массового участия в вооруженной защите государства от внешнего врага. В 1950-е гг. – переход социального лидерства к советскому поколению местных обществ и превращение государственной системы образования в основной механизм социализации подрастающих поколений завершили интеграцию народов Северного Кавказа в российское советское общество.

Вместе с тем существенные различия между северокавказскими народами сохранялись не только в показателях социокультурной модернизации, но и в глубине их интеграции в общественную систему советской России. У тех народов, которые имели значительные массы сельского высокогорного населения, сохранялись более устойчивые позиции социального лидерства традиционных элит и обусловленное этим запаздывание процессов социокультурной адаптации, а опыт депортации придал этому обстоятельству и известную политическую заостренность. Но сохранившаяся еще в тот период инерция государственной дисциплины и порядка, а также общественная тяга к спокойствию и благополучию создавали условия для нового периода этнополитической стабильности в регионе и модернизационного рывка местных обществ.

Три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в северокавказских обществах. Ощутимо выросла их демографическая масштабность. В результате прекратилось снижение доли титульных национальных групп в общей численности населения соответствующих автономных республик и областей

Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре этнических обществ Северного Кавказа. Изменения социально-экономических структур в этот период определяются не столько перестройкой социально-демографического состава населения в результате механического притока русскоязычного населения извне региона, сколько трансформациями самого этнического социума.

Изменения в социальной структуре коренного населения все еще отставали от общих сдвигов в социально-экономической структуре республик. И, тем не менее, в долгосрочной перспективе и в структуре этнических обществ выступает подлинно революционный сдвиг. Динамично происходило сближение с общероссийскими показателями по удельному весу основных общественных групп. Хотя показатели урбанизации в регионе еще уступали общероссийским, динамика этого процесса была чрезвычайно высокой. Другой показатель социокультурной модернизации – уровень образования населения – также

претерпел качественные изменения. В итоге, к 1989 г., когда в целом по РСФСР на 1тыс. чел. населения в возрасте 15 лет и старше приходилось 806 человек с высшим и средним (полным и неполным) образованием, на Северном Кавказе этот показатель колебался от минимального – 750 человек в Чечено-Ингушетии, до максимального – 831 в Северной Осетии.

Социокультурные последствия процессов модернизации социально-экономических структур были неоднозначными. На этой стадии происходит как бы взаимное наложение результатов исторического и современного развития, породившее явно выраженные «кумулятивные» эффекты. С одной стороны, процессы модернизации сопровождаются заметным ослаблением влияния традиционной этнической культуры на всю сферу социальных отношений и жизненного поведения народов Северного Кавказа. Вместе с тем действие новых факторов этнонациональной консолидации (социальная и географическая мобильность, интенсивность и многообразие социальных взаимодействий, массовая образованность и расширение слоя национальной интеллигенции) привело к заметному подъему чувств национальной общности и национальной гордости у народов региона, связываемой с собственной историей и высоким ценностным статусом традиционных социокультурных образцов. Массовое национальное сознание стало основным носителем культурно-исторической преемственности в современном бытии северокавказских народов.

Круг современных противоречий и проблем, связанных с Северным Кавказом, непосредственно коренится в итоговом балансе социально-культурных трансформаций и этносоциальной преемственности сложившемся к концу советской эпохи. Наиболее важный результат советской эпохи – выравнивание и сближение социально-экономических характеристик северокавказских этносоциальных общинностей со структурой российского общества в целом, достижение их принципиального «стадиального» единства. Но стирания национальных граней социального пространства региона к концу советской эпохи, конечно же, не произошло. Ни характер развития модернизационных процессов в регионе, ни их общие итоги не позволяют считать, что была преодолена дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций северокавказских этнических обществ. Однако эта

константная для XIX-XX вв. претерпела заметное видоизменение к концу советской эпохи. Во-первых, если в начале века местные этносоциальные общности выступали на социоэкономической карте региона как своего рода анклавы традиционализма, подвергающиеся внешним модернизационным воздействиям, то теперь дуализм стал характеризовать внутреннее состояние каждого этнического социума. Во-вторых, взаимодействие этносоциальных и этнокультурных традиций с современными формами социально-культурных практик по-прежнему порождало определенные явления социально-психологической напряженности. Однако содержание ее стало более сложным. В общественном сознании противоречиво сочетались позитивное отношение к современным формам жизнедеятельности и высокая оценка этнокультурной традиции, неудовлетворенность в связи с трудностями доступа к престижным профессиональным сферам и тревога по поводу возможной утраты национальных корней.

С конца 1980-х годов официальным содержанием политики правящих кругов России становится программа экономической и политической модернизации страны – переход к рыночной экономике и демократии. На первый взгляд, развитие событий на Северном Кавказе не просто расходилось, но прямо противоречило этой программе. Ситуация в регионе на протяжении 1990-х годов описывается по преимуществу в терминах этнического национализма и сепаратизма, межэтнической напряженности и конфликтов, религиозного фундаментализма и террористической угрозы. Чтобы понять, почему развитие событий здесь приобрело такую направленность, необходимо принять во внимание две группы факторов.

Во-первых, очевидно, что отражение модернаторской политики в социокультурной и этнополитической среде Северного Кавказа не могло быть прямым и однозначным в силу отмеченной выше двойственности, пронизывавшей социально-экономические структуры, формы социального поведения, общественное и индивидуальное сознание народов региона. В северокавказском региональном сообществе имелись предпосылки, позволяющие ему органично включиться в общероссийский модернизационный процесс: более или менее развитой городской и промышленный сектор, достаточно представительный

профессиональный класс, присутствие в массовом сознании элементов трудовой этики и эгалитаристских ценностей. Но наряду с этим сохранялся мощный пласт этносоциальных и этнокультурных традиций, поддерживаемый непропорционально большой долей сельского населения в местных этнических сообществах (к 1989 году только среди осетин и балкарцев городское население превышало сельское).

Во-вторых, современный этап общественных трансформаций развертывался в условиях распада союзной государственности и резкого ослабления государственности российской. При этом «рыночные» и «демократические» преобразования предполагали глубокий радикальный разрыв с прежней общественно-политической системой, ее тотальную делегитимацию в общественном сознании. Осуществляемые реформы носили форсированный характер и не предусматривали какого-либо учета специфики социально-экономических структур и социокультурных традиций как российского общества в целом, так и его отдельных этнорегиональных сегментов.

Необходимо рассматривать в едином ключе и включать в содержательную характеристику идущих в российском обществе процессов все проявления и последствия политики реформаторского центра на всем социальном и культурном пространстве страны, в том числе на Северном Кавказе. В самом деле, основные явления, развивавшиеся в последние годы на социальной и этнической почве Северного Кавказа и составившие затем предмет озабоченности комментаторов и властей – суверенизация автономий, подъем этнонационализма, сепаратизм, межэтнические конфликты, – выступают как достаточно изоморфные содержанию и идеально-политическому оформлению переходных процессов, инициированных политикой перестройки и продолженных в постсоветской России. Они развивались, резонируя с революционно-реформаторской активностью правящей элиты, особенно на этапе «отвоевания» России у союзного центра. Можно сказать, что процессы, протекавшие в последние годы в региональном «северокавказском социуме», выражали его реакцию и адаптацию к радикальным изменениям в «окружающей» институциональной и культурно-идеологической среде, превращаясь в конечном итоге в составную часть самих этих изменений.

На этом фоне обычные попытки объяснить этнополитическую динамику в Северо-Кавказском регионе отдельно взятыми этнодемографическими, историко-политическими, социокультурными либо социально-экономическими факторами представляются упрощенными. Реальное этнополитическое развитие определялось скорее их конкретно-историческим сочетанием и кумулятивным (взаимодополнительным) действием именно в контексте «переходного» состояния общества и государства, и вызванного им всеобщего кризиса идентичности.

Для северокавказского этносоциального конгломерата с его «спрессованной неоднородностью», с наличием явных и латентных элементов архаики и традиционализма в тесно контактирующих социокультурных системах специфическое значение приобретало все то, что могло вести к «возбуждению» этих элементов при одновременном ослаблении всей системы общественного порядка и потере «управляемости» этносоциальными процессами. Идеология и практика революционного реформаторства в России несли с собой достаточно много такого рода факторов. Реальный ход событий в стране вылился в глубокий кризис государственности и повсеместный подрыв устоев общественного порядка.

Неизбежным следствием, в известном смысле необходимой для северокавказского социума компенсирующей реакцией на разрушительные и дестабилизирующие воздействия, стало хотя бы частичное восстановление социорегулятивных функций традиционных, «досовременных» моделей самоидентификации, ценностей, социальных ролей и институтов, ментальных структур и типов социального действия.

В этих условиях этносоциальные общности региона оказались вынужденными не столько осваивать возможности модернизации, сколько противостоять вызовам архаизации. На Северном Кавказе эти вызовы по преимуществу приняли форму этнического национализма и межэтнической напряженности, а в ряде случаев – конфликтов и прямых столкновений.

Архаизирующие аспекты экономических реформ и экономической политики последних лет также выражены достаточно сильно. Оценивая их результаты, один из крупных российских специалистов подчеркивает, что за десятилетие 1990-х гг. произошел не только небывалый (даже в период Второй мировой войны) общий спад производства, но и резко увеличился разрыв

между регионами Российской Федерации по важнейшим (если не по всем) макроэкономическим и социальным показателям.

При этом имел место подрыв наиболее современных секторов производственной и научно-технической сферы и резкое снижение статуса соответствующих социально-профессиональных категорий. Происходило их вытеснение в более «отсталые» и традиционные сферы хозяйства. В целом резко возросла значимость для населения натурального самообеспечения на основе парцельного сельскохозяйственного производства. Столь различные, но взаимосвязанные процессы, как ослабление социальных функций государства и развертывание свободной экономической самодеятельности, в том числе частного предпринимательства, привели к резкому повышению функциональности традиционных типов социальных связей и институтов, прежде всего семейно-родственных, земляческих, клановых. Развал бюджетной сферы снижал социально-интегративные функции российской государственности и вел к размытию социальных слоев, ориентированных в своей жизнедеятельности на стабильное и эффективное функционирование институтов социetalного центра огромной страны. Дополняла картину дифференциация этих проявлений в различных этнических средах и тенденция к экономической самоорганизации населения в этнически однородных коллективах.

Имеется достаточно эмпирических и концептуальных оснований для того, чтобы трактовать общественно-политическое развитие республик Северного Кавказа в условиях современной российской революции как развернутый ответ локальных этно-социальных общностей на вызовы архаизации, порожденные крушением прежнего социально-политического порядка и преобладанием деструктивных аспектов в политике нового режима.

Учет, а я бы сказал – «признание» этого обстоятельства, что привнесенные и архаизирующие факторы доминировали здесь над спонтанными и модернизирующими факторами, меняет всю аналитическую перспективу. Становится очевидным, что северокавказский этносоциальный конгломерат, если и рассматривать его как сложноструктурированное единство, проявил достаточно высокую степень устойчивости и «инертности» к дестабилизирующим и архаизирующим общественную жизнь воздействиям. Обнаружившая себя здесь мера упругости социальной ткани, мера укорененности в местной социокультурной почве «современных» ценностей, символов и норм свидетельст-

вует не столько о присущих Северному Кавказу центробежных тенденциях, сколько о глубине интеграции локальных этносоциальных общностей в российское «большое» общество.

Анализ экономических и социально-демографических процессов в северокавказском этносоциальном конгломерате в условиях государственного распада и радикальных преобразований постсоветского периода свидетельствует об их долгосрочном воздействии на перспективы политической консолидации и социально-культурного синтеза в российском государственном пространстве.

Экономическая динамика 1990-х гг. и современные экономические проблемы Северного Кавказа складывались в результате взаимодействия двух групп факторов – структурного наследия эпохи советской модернизации и условий, возникших в результате крушения советской системы и радикальных реформ начала 1990-х гг.

К концу 1980-х гг. сохранялось определенное «отставание» северокавказских этносоциальных общностей по параметрам модернизации от общероссийского уровня и от русскоязычного населения Северного Кавказа. Этносоциальные и этнокультурные особенности северокавказских народов оказывались при освоении ими как советских форм модернизации. На эту социокультурную почву наложились условия, возникшие в результате крушения советской системы и радикальных реформ начала 1990-х гг. Рыночные преобразования привели к сворачиванию индустриального сектора экономики Северного Кавказа, усилению её сырьевой направленности, росту теневой её составляющей, углублению внутрирегиональной хозяйственной стратификации.

Оценивая общие результаты экономических трансформаций, специалисты рассматривают Юг России как территорию с особо существенной ролью в экономике её малых, мелкотоварных форм, с выраженным проявлением многоукладности, спецификой региона большее «представительство» доиндустриальных и индустриальных видов хозяйственной деятельности в целом. Применительно к реалиям национальных республик, с учётом преобладания сельского населения и в целом сельского образа жизни, неформальной занятости доля традиционных видов и форм хозяйственной активности превышает половину объема ВРП. В связи с этим в науке утверждается представление о существенной роли этноэкономики в обеспечении важнейших социальных и макроэкономических функций в условиях переходного общества.

Урбанизация населения в Южном федеральном округе существенно ниже, чем по России в целом. Еще ниже уровень урбанизации в национальных республиках. Но социально-демографические последствия кризисного периода 1990-х гг. и массового исхода русского населения выявляются при сопоставлении уровня урбанизации в республиках региона по данным переписей 1989 и 2002 годов. Они показывают, что за указанный период доля городского населения выросла – но крайне незначительно – только в Адыгее и в Ингушетии. В остальных республиках региона даже по формальным статистическим показателям происходит своего рода рурализация населения.

Экономические сдвиги конца XX в. выступают в качестве важнейшего фактора, видоизменяющего всю этнодемографическую композицию Юга России. В рамках советской модернизации вплоть до начала 1960-х гг. экономические преобразования сопровождались ростом «русской составляющей» в населении северокавказских автономий. Вместе с тем уже с 1970-х гг. наблюдалось снижение численности русских, которое в 1990-е приняло форму «исхода» из региона. Удельный вес населения северокавказских народов в общей численности всего населения рассматриваемых республик вырос, а доля русских в численности всего населения республик региона сократилась. Это рассматривается как свидетельство происходящих в республиках Северного Кавказа процессов моноэтнической национализации населения.

Изучение содержания, тенденций, функций культурно-идеологических трансформаций, протекавших на Северном Кавказе в условиях государственного распада и радикальных преобразований постсоветского периода, показало, что для перспектив политической консолидации и социально-культурной интеграции государственного пространства современной России культурно-идеологическое измерение общественной жизни имеет фундаментальное значение. Весь предшествующий опыт преобразований показывает, что культура выполняет в обществе не надстроечные, а базовые функции. Ведь именно доминирующие в культуре общества ценности и нормы непосредственно определяют жизненное поведение и социальную практику. Между тем, здесь продолжают развиваться тревожные процессы. Налицо ярко выраженные тенденции фрагментации культурного пространства страны. Подвергается эрозии образ единой, общей для всей страны, национальной российской культуры. Полюсами

культурного воздействия на молодежь оказываются, с одной стороны, современная массовая культура, лишенная национального начала, а с другой – возрождаемые традиционные культурные формы, зачастую несущие этническую и религиозную обобленность. Вместе с тем сохраняется определенная угроза для целостности нашего государства. В этих условиях текущие культурные процессы приобретают двойственность: они могут оказаться и фактором разрушения, и фактором укрепления общероссийской исторической и гражданской идентичности. Между тем единство России не может быть воплощено только в политических и административных «скрепах», удерживающих общество и государство от распада. Оно должно присутствовать в сознании – в умах и сердцах всех граждан страны.

На пересечении социально-экономических и этнодемографических процессов в регионе формируются структурные условия дальнейшего дробления единого общероссийского поля гражданской самоидентификации, связанное с феноменом «канклавизации» социально-культурного и правового пространства юга России.

В сфере рационального общественного дискурса или в культуре интеллектуалов, представляющих тот или иной северокавказский этносоциум, проблемы культурного обновления не находят адекватного решения. Концептуальные построения местных обществоведов и общественных лидеров несут глубокие внутренние противоречия и не способны предложить убедительные ориентиры для личностного самоопределения и коллективных политических практик.

Набор индикаторов социокультурного «разлома», пролегающего по границам национальных республик либо по этническим границам на юге России в целом, можно при желании умножить, но чрезвычайно важно обратить внимание и на некоторые уравновешивающие тенденции. Прежде всего это массовые установки этнических социумов Северного Кавказа в сфере современного образования. В этом отношении обнаруживается существенная общность процессов, протекающих в регионе с общероссийскими тенденциями.

Результаты анализа политических, социально-экономических и культурно-идеологических трансформаций на Северном Кавказе конца XX-начала XXI века позволяет дать характеристику исторических констант и базовых общественных про-

цессов, определяющих перспективу решения проблемы социально-культурного синтеза.

Культурная самобытность Кавказа, зародившаяся в глубокой древности, сформировала две константные черты российско-кавказского исторического процесса.

Во-первых, это присутствие в государственном и социокультурном пространстве России исторического региона, отмеченного культурной инаковостью. Во-вторых, это внутренняя двойственность самих основ жизнедеятельности и самосознания народов Северного Кавказа. Глубокие предпосылки этой двойственности восходят к периоду X-XV веков, когда определилось принципиальное расхождение цивилизационных путей России и народов Северного Кавказа. А с того времени, когда российское государство приступило к глубоким преобразованиям местных обществ с целью их инкорпорации в социально-политический организм империи, дуализм привнесенных и автохтонных, современных и традиционалистских начал общественной жизни пронизал все аспекты мировидения и социальной практики народов региона.

На субъективном срезе исторического процесса обозначенные выше структурные константы порождали две столь же постоянные проблемы. Во внутрироссийском плане – это необходимость отыскания особых форм государственно-политической организации Северного Кавказа, отражающих его этно-территориальную и этнокультурную специфику, но выполняющих при этом функцию интеграции местных обществ в общероссийский социально-политический процесс. В международном плане культурная (этническая и конфессиональная) инаковость региона по отношению к коренной России порождала постоянное стремление внешних сил использовать его в целях геополитического давления на Россию.

На основе системного изучения всего комплекса социально-экономических, культурно-идеологических, политических процессов современности могут быть предложены научно обоснованные рекомендации для обеспечения стабильности и устойчивого модернизационного развития российского Кавказа.

Чтобы сформировать такое знание современного российско-го Кавказа, которое могло бы лежать в основу стратегической политики государства в этом регионе, то важно в первую очередь уловить возможные расхождения в тенденциях экономического и социокультурного развития Северного Кавказа и коренной России.

То напряжение, которому подверглась дуалистичная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период 1990-х годов, не снято до сих пор. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом какими-либо одномоментными правовыми, административными или даже политическими акциями. Равным образом, не существует отдельных решений для экономических, этнодемографических и культурных проблем – они не просто взаимосвязаны, но взаимообусловлены. Здесь требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации.

По сути дела, речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы в регионе получили центростремительный и модернизационный вектор. Но даже если окончательно определятся одинаковая направленность развития, это еще не гарантирует, что расхождение в уровнях модернизации российского «центра» и северокавказской «периферии» не будет увеличиваться, а дуалистичность социально-экономических структур и культурных ориентаций в масштабах всей страны и внутри Северо-Кавказского региона не будет углубляться. Модернизационный процесс в регионах России в любой случае будет разноскоростным. Чтобы Россия выдерживала единое общенациональное движение в этом направлении, необходимо стимулировать его ускорение на Северном Кавказе.

Модернизация развертывается в современном мире как глобальный процесс. При этом цивилизационное многообразие человечества сохраняется, но все современные культуры становятся участниками «полилога цивилизаций», в ходе которого универсальные категории и ценности современности осваиваются, перетолковываются, модифицируются в соответствии с собственными культурными кодами взаимодействующих цивилизаций. Для народов Северного Кавказа полноценное включение в мировой модернизационный процесс и полилог цивилизаций возможно только при посредстве цивилизации российской, в которой они только и могут одновременно строить свое бытие по меркам современности и поддерживать этнокультурные традиции. С другой стороны, многовековая традиция диалога культур в рамках российской цивилизации позволяет современной России привнести в процессы глобализации бесценный опыт поддержания и развития единства в многообразии.

Примечания

- ¹ Сухачев В.Ю. Этническая и национальная составляющая в кавказском конфликте: пришествие «чужого» // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 171-176.
- ² Колесов В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. – 1994. – № 6. – С. 120.
- ³ Известия. – 2004. – 27 февраля. – С. 7.
- ⁴ Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. – 1995. – № 2. – С. 13-16.
- ⁵ Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Полис. – 1996. – № 2. – С. 27.
- ⁶ Ласлетт П. История и общественные науки // Философия и методология истории. Сб. статей. – М., 1977. – С. 200.
- ⁷ Аймермахер К., Бордюгов Г. «Своё» и «чужое» прошлое. Введение // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999. – С.13.
- ⁸ Шнирельман В.А. В поисках престижных предков: этнонационализм и школьные учебники // Ответственность историка: преподавание истории в глобализирующемся обществе. – М., 2000. – С. 155-160.
- ⁹ Гагарова Л. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999. – С. 271.
- ¹⁰ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 37-38.
- ¹¹ Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса – Нальчик, 1998. – С. 48, 54-55.
- ¹² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 45-64; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960; Мунчайев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1976; Марковин В.И. Дольмены западного Кавказа. – М., 1978; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – Киев, 1978.
- ¹³ Дунаевская И.М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Западного Кавказа // Сборник в честь академика И.А. Орбели. – М., 1960; Гиоргадзе Г.К. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. – М., 1961; Меликишивили Г.А. Наири-Урарту. – Тбилиси, 1965; Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии – М., 1967; Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов. – М., 1967; Герни О.Р. Хетты. – М., 1977; Оппенхейм А.Л. Древняя Месопотамия. – М., 1980;

- Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982; Марр Н.Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры // Избранные работы – М.-Л., 1983. Т. I; Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. – М., 1983; Иванов В.ВС. Об отношениях хаттского языка к северокавказским // Древняя Анатolia. – М., 1985; История Древнего Востока. Передняя Азия. Египет. – М., 1988; Древние цивилизации. – М., 1989.
- ¹⁴ Народы Кавказа. – М., 1960. – Т. I.; Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. – М., 1983.
- ¹⁵ Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействия и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). – СПб., 1996. – С. 27,56.
- ¹⁶ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – С. 142.
- ¹⁷ Панарин С. А. Позиционно-исторические факторы кавказской политики // ПолиС. – 2002. – № 2. – С. 105.
- ¹⁸ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949; Анфимов Н.В. Древние поселения Прикубанья. – Краснодар, 1953; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. – Нальчик, 1957; Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. – М., 1959; Крушкал Ю.С. Древняя Синтика. – М., 1971.
- ¹⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 112, 172-180.
- ²⁰ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 178-179.
- ²¹ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л., 1979.
- ²² Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. – Л., 1983.
- ²³ Аччабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Народы Кавказа. Кн.1. – М., 1991.
- ²⁴ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI- второй половины XVII в. – М., 1963; Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.
- ²⁵ Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 1973; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов // Советская этнография. – 1978. – № 6; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978; Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа в XVIII-первой половине XIX // Блиев М.М. Осетия, Кавказ: история и современность. – Владикавказ, 1999.
- ²⁶ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII-первая половина XIX в.). – М., 1967; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и критик Восточного вопроса в конце 20-начале 30-х годов

- XIX века. – Майкоп, 1994; Чирг А.И. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII-60-е гг. XIX в.). – Майкоп, 2002.
- ²⁷ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001. – С. 21-23.
- ²⁸ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI-вторая половина XVII в. – М., 1963; Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.
- ²⁹ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. – М., 1963. – С. 18-22.
- ³⁰ Дзамихов К.Ф. Адыги – вехи истории. – Нальчик, 1994. – С. 3-14.
- ³¹ Ходарковский М. В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в. // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999. – С. 19-38.
- ³² Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000. – С. 36.
- ³³ Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия. – М., 2000. – С. 69.
- ³⁴ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов. – М., 1957. – Т.2. – С. 3.
- ³⁵ Блиев М.М. К вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. – 1970. – № 7; Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России // История СССР. – 1991. – № 6; История и историки. – М., 1995. – С. 32, 126-127.
- ³⁶ Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. – Махачкала, 1998; История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 274.
- ³⁷ Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? – М., 1998. – С. 10.
- ³⁸ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960. – С. 340.
- ³⁹ Дегтяев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003. – С. 334.
- ⁴⁰ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 69.
- ⁴¹ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. – М., 1999. – С. 178.
- ⁴² Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002. – С. 148.
- ⁴³ Российский государственный военно-исторический архив. – Ф.414. – Д. 300; Там же. – ВУА. – Д. 1849, 19247; Там же. – Ф.400. – Оп.1. – Д. 4675; Броневский С. Новейшие географические и исторические

-
- известия о Кавказе. В 2 т. – М., 1823; Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. – СПб., 1829; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И.М. Назаровой. – Нальчик, 1999; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. В 3 т. – СПб., 1869; Забудский Н. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. – СПб., 1851.
- ⁴⁴ Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. – Ставрополь, 1994; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. – СПб., 1871–1888; Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – СПб., 1913.
- ⁴⁵ Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. – Вильнюс, 1990. – С. 82.
- ⁴⁶ Национальная политика в Императорской России. Цивилизованные окраины / Сост. Ю.И. Семенов. – М., 1997. – С. 92; Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве XIX–XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 376.
- ⁴⁷ Rhinelander L.H. Russia's Imperial Policy. The Administration of the Caucasus in the First Half of the XIX-th Century // Canadian Slavonic Papers. 1975. – Vol. 17. – № 2-3. – P. 218-235; Князкина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. – 1983. – № 4 – С. 35-47.
- ⁴⁸ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М., 2006. – С. 18.
- ⁴⁹ См.: Бунькова Ю.В. Культурологический синтез в концепции кавказской политики П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 4. – С. 112-115.
- ⁵⁰ Услар П.К. Письмо к В.А. Франкини // Магометов А.А. П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. – Махачкала, 1979. – С. 96.
- ⁵¹ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006. – С. 19.
- ⁵² Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003. – С. 348.
- ⁵³ Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII-80-е годы XIX века. – Владикавказ, 2005. - С. 145-195.
- ⁵⁴ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998. – С. 301.

-
- ⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи – II. – Т. XXVII. – Отд. I. – С. 497-502.
- ⁵⁶ Маремкулов А.Н. Основы geopolитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII-начале XIX века: политico-правовой аспект. – Нальчик, 2003. – С. 109-110.
- ⁵⁷ Малахова Г.Н. становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001; Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX-начало XX в.) // Известия вузов. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. – 2002. – № 2. – С. 7-12; Матаев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. – Ростов-на-Дону, 2006.
- ⁵⁸ Малахова Г.Н. Становление и развитие Российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 212.
- ⁵⁹ История Кубани с древнейших времен до конца ХХ века. – Краснодар, 2004. – С. 107.
- ⁶⁰ Битова Е.Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местная политическая традиция: отторжение или адаптация // *Res publica*. Альманах социально-политических и правовых исследований. – Вып. 1. – Нальчик, 2000. – С. 173.
- ⁶¹ Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ 1780-1995: история и границы. – Владикавказ, 1997. – С. 8-9.
- ⁶² РГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 1849. – Л.32.
- ⁶³ Захарова Л.Г. Россия и Кавказ: взгляд из XIX в. // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 134.
- ⁶⁴ РГВИА. – ВУА. – Д. 6482. – Л. 46.
- ⁶⁵ Сборник сведений о кавказских горах. – Вып. II. – Тифлис, 1869. – (Ротапринтное издание). – М., 1992.
- ⁶⁶ Великая Н.Н. Феномен «российского ислама» у карангайцев // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Вопросы Северокавказской истории. – Вып. 7. – Армавир, 2002. – С. 38.
- ⁶⁷ Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан). Мусульманская периферия в российском имперском пространстве XIX-XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 381.
- ⁶⁸ Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Моск. Центр Карнеги. – М., 2001; Бабич И. Эволюция правовой культуры адыгов. – М., 1999. – С. 118.

-
- ⁶⁹ Эсадзе С. К 300-летию дома Романовых. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913. – С. 56.
- ⁷⁰ Ходарковский М. В Королевстве кривых зеркал // Чечня и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. – М., 1999. – С. 22, 26.
- ⁷¹ Зайончковский Н.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х начала 90-х годов). – М., 1970; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX в. // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 136-137.
- ⁷² Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006. – С. 87.
- ⁷³ Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашкова. Наместник кавказский // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 138-149; Кавказ и Российской империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX-начало XX вв. – СПб., 2005. – С. 250-251, 481-495.
- ⁷⁴ Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России: тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М., 1996. – С. 332-353; Бахтурин А. Имперская государственность и российская этнополитика // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А.Бордюгова. – М., 2003. – С. 246-267.
- ⁷⁵ Бахтурин А. Имперская государственность и российская этнополитика // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А.Бордюгова. – М., 2003. – С. 253.
- ⁷⁶ Кирей Н.И. Создание и реформирование власти административного управления на Кубани в дореволюционный период (1792-1917) // Средневековая и новая Россия. – СПб., 1996; Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М., 1997; Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX-начало XX в.) – М., 1997.
- ⁷⁷ Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // ПолиС. – 1997. – № 5. – С. 34.
- ⁷⁸ Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическое понятие и политическая проблема). – Вопросы социологии. – 1992. – Т.1. – № 1. – С. 105.
- ⁷⁹ Родина. – 1995. – № 9. – С. 28-29.
- ⁸⁰ Матвеев В.А. Северокавказская окраина Российской империи: колония или субъект единого отечества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 3. – С. 36-42; Щербина А.В. К вопросу о специфике Российской империи и импер-

-
- ского типа государственной власти (по материалам современных исследований) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2004. – № 3. – С. 43-48; Клычников Ю.Ю. Формирование Северо-Кавказской окраины России: равноправное историческое партнерство или проявление имперской политики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 2. – С. 45-51; Великая Н.Н. Старые споры о главном (об особенностях национальной политики Российской империи) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 2. – С. 51-57.
- ⁸¹ Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., Нарожный Е.И. «Российскость» в новейших научных изданиях Северного Кавказа // Вопросы Северо-кавказской истории. – Вып. 9. – Армавир, 2004. – С. 3-11.
- ⁸² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В 2-х т. – СПб., 1999. См. также: Миронов Б.Н. Новое видение истории России XVIII-первой половины XIX века // Вопросы истории. – 2001. – № 11-12.
- ⁸³ См. подробнее: Вишневский А. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. – М., 1998; Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М., 2001; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим леком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII-XX вв. – М., 2001.
- ⁸⁴ См. подробнее: Кузьминов П.А. Крестьянская реформа на Северном Кавказе: проблемы и решения // Известия международной Академии наук высшей школы. – 2002. – № 4. – С. 87-100; Кузьминов П.А. Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50-60-е годы XIX века // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Материалы научно-практической конференции 11 августа 2005 г. – Нальчик, 2005. – С. 44-71.
- ⁸⁵ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик, 1965. – С. 209.
- ⁸⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 268.
- ⁸⁷ Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ – сквозь два столетия: Исторические чтения. – СПб., 2001. – С. 195-196.
- ⁸⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 270.

- ⁸⁹ Кузьминов Г.А. Новые аспекты изучения «старой» крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск. 2000. – С. 126.
- ⁹⁰ Невская В.П. Земельные отношения в Карачае во 2-ой пол. XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. – Ставрополь. 1964. – Вып. VI. – С. 88.
- ⁹¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. С. 299.
- ⁹² Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). – Пятигорск, 2005. – С. 105.
- ⁹³ Шебзухова Т.А. К вопросу о пореформенной колонизации Северо-Кавказского региона // Северный Кавказ: geopolitika, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. – М.-Ставрополь, 2001. – С. 64.
- ⁹⁴ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX вв. – Ростов-на-Дону, 1989. – С. 33.
- ⁹⁵ История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959; Ортабаев Б.Х. Земельные отношения и развитие капитализма в сельском хозяйстве Северной Осетии в конце XIX-начале XX в.(1860-1917 гг.). – Орджоникидзе, 1979; Очерки истории балкарского народа (с древнейших времен до 1917 г.). – Нальчик, 1961; Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900 гг.). – Грозный, 1963; История Дагестана. – Т.2. – М., 1968; История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004.
- ⁹⁶ Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма впирь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 61.
- ⁹⁷ Хубулова С. А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX-начале XX в.: социально-экономические, этнодемографические и политические аспекты развития. – СПб., 2002. – С. 148.
- ⁹⁸ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. – Нальчик, 1962. – С. 121.
- ⁹⁹ Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период(1861-1900 гг.). – Грозный, 1963. – С. 95.
- ¹⁰⁰ История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – С. 304; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик, 1963. – С. 263.
- ¹⁰¹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. – Нальчик, 1962. – С. 195; История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004.

-
- ¹⁰² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 308.
- ¹⁰³ История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004. – С. 554.
- ¹⁰⁴ Яковлев С. Ю. Индустриальная модернизация на Северном Кавказе в конце XIX-начале XX вв. // Северный Кавказ: geopolитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. – М.-Ставрополь, 2001. – С. 64.
- ¹⁰⁵ Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма в ширь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 57.
- ¹⁰⁶ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога – несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. – Т. 1 (33). – М., 2004. – С. 116-125.
- ¹⁰⁷ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 315; Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма в ширь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 54.
- ¹⁰⁸ История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – С. 215.
- ¹⁰⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 316.
- ¹¹⁰ История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004. – С. 562.
- ¹¹¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 319.
- ¹¹² Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России (к проблеме развития капитализма в ширь) // История СССР. – 1959. – № 6. – С. 58-59.
- ¹¹³ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начало XX в. – М., 1974. – С. 232.
- ¹¹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 68. – Терская область. – СПб., 1905. – С. V.
- ¹¹⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 68. Терская область. – СПб., 1905. – С. II; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX века. – М., 1993. – С. 184.
- ¹¹⁶ Народы Дагестана. – М., 2002. – С. 38.
- ¹¹⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 68. Терская область. – СПб., 1905. – С. 140-141, 146-147.

-
- ¹¹⁸ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX-XX веках. ЭтноСтатистическое исследование. – СПб., 1996. – С. 173-174, 198-201, 144-145, 203-207.
- ¹¹⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). – М., 1988. – С. 385.
- ¹²⁰ Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). – Махачкала, 1999. – С. 116-117.
- ¹²¹ История Северо-Осетинской АССР. – М, 1959. – С. 189-190.
- ¹²² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.) /Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М., 1988. – С. 269.
- ¹²³ Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). – Махачкала, 1999. – С. 121.
- ¹²⁴ Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичности (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичности и конфликт в постсоветских государствах. Сб. статей. – М., 1997. – С. 168.
- ¹²⁵ Дудова С.С. Ислам у народов Карачаево-Черкесии: традиции, современное состояние, тенденции развития: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2006. – С. 15.
- ¹²⁶ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 2. – С. 82.
- ¹²⁷ История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004. – С. 516-517.
- ¹²⁸ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. – Т. 1. – Грозный, 2006. – С. 695-704.
- ¹²⁹ Мусаев М.А. Причины восстания 1877 года в Дагестане // Северный Кавказ: geopolitika, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. – Москва-Ставрополь, 2001. – С. 146-147.
- ¹³⁰ История Дагестана с древнейших времен до XX века. – М., 2004. – С. 524-525.
- ¹³¹ Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения кавказского края» (Предисловие и публикация Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. – М., 2005. – Т. 2 (34). – С. 149.
- ¹³² Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 2. – С. 83.
- ¹³³ Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1967. – С. 11.
- ¹³⁴ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. – Майкоп, 1986. – С. 152.

-
- ¹³⁵ Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. – Нальчик, 1992. – С. 189-191.
- ¹³⁶ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). – Пятигорск, 2005. – С. 195.
- ¹³⁷ Шаханов Б. Избранная публицистика. – Нальчик, 1991. – С. 88.
- ¹³⁸ Тульчинский Н. К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа // Терские ведомости. – 1901. – № 36. – С. 2.
- ¹³⁹ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке. – М., 1924. – С. 216.
- ¹⁴⁰ РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 46. – Д. 1279. – Л. 3 об.
- ¹⁴¹ Гутива М.А. Формирование осетинской военной интеллигенции и ее участие в войнах России: Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 1999. – С. 30.
- ¹⁴² Дышеков М.В. Правовое положение княжеско-дворянских сословий Кабарды и Балкарии (вторая половина XIX-начало XX вв.). – Нальчик, 2002. – С. 96.
- ¹⁴³ Битова Е.Г. Политико-административная интеграция Российской империи с ее северокавказской периферией в XIX веке // Сборник научных трудов молодых ученых Кабардино-Балкарского университета. – Нальчик, 1998. – С. 40.
- ¹⁴⁴ ЦГА КБР. – Ф.И-3. – Оп. 1. – Д. 218. – Л. 27.
- ¹⁴⁵ ЦГА КБР. – Ф.И-6. – Оп. 1. – Д. 695. – Л. 56-59.
- ¹⁴⁶ Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. – Нальчик, 1995. – С. 71.
- ¹⁴⁷ Ортабаев Б.Х. Развитие промышленности и торговли в Северной Осетии в конце XIX- начале XX в. – Орджоникидзе, 1978. – С. 57.
- ¹⁴⁸ Обзор Дагестанской области за 1905 год. – Темир-Хан-Шура, 1906. – С. 68.
- ¹⁴⁹ Агасиева Н.М. Миграционные процессы народов Южного Дагестана во второй половине XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С. 24.
- ¹⁵⁰ История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – С. 267.
- ¹⁵¹ Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа на пути к Великой Октябрьской социалистической революции. – Нальчик, 1971. – С. 35.
- ¹⁵² Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX-начало XX в.). – М., 1994. – С. 78-84.
- ¹⁵³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). – М., 1988. – С. 342-343.
- ¹⁵⁴ Дзидзоев В.Д. От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. – Владикавказ, 2003. – С. 145-146.

-
- ¹⁵⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 68. Терская область. – СПб., 1905. – С. 146-147.
- ¹⁵⁶ Записка «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспления населения кавказского края» (Предисловие и публикация Л.И. Цвижбы) // Кавказский сборник. – М., 2005. – Т. 2 (34). – С. 149.
- ¹⁵⁷ Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX-начало XX в.). – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 125, 126.
- ¹⁵⁸ Аничабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Народы Кавказа. Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. ХХVII. – Кн. I. – М., 1993. – С. 160-183.
- ¹⁵⁹ Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. – С. VI.
- ¹⁶⁰ Цаликов А.Х. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М., 1913. – С. 55-56.
- ¹⁶¹ Цховребов З.Н. Развитие общественно-политической и философской мысли Осетии (вторая половина XIX-начало XX века). – М., 1977; Байрамуков А.С. Общественно-просветительская мысль в Карачае во второй половине XIX – в первой половине XX века и развитие карачаевского этноса: Автореф. ... канд. ист. наук. – Карачаевск, 1998; Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX-начале XX века. – Нальчик, 2002; Долгиева М.Б. Общественная мысль Ингушетии второй половины XIX-начала XX вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2002; Айларова С.А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. – Владикавказ, 2003; Лайланова З.К. Общественно-политическая мысль народов Карачая и Черкесии второй половины XIX-начала XX веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – Черкесск, 2004; Хашхожева Р.Х. Избранные статьи. – Нальчик, 2004.
- ¹⁶² Каламбий (Адиль-Гирей Кешев). Записки черкеса. – Нальчик, 1988. – С. 51-52, 181.
- ¹⁶³ Долгиева М.Б. Общественная мысль Ингушетии второй половины XIX-начала XX вв.: Автореф. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2002. – С. 18.
- ¹⁶⁴ Цховребов З.Н. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX-начало XX века). – М., 1977. – С. 170-171.
- ¹⁶⁵ Алиев У. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнографический и культурно-экономический очерк. – Ростов-на-Дону, 1927. – С. 164.

-
- ¹⁶⁶ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Вступительная статья С.М. Исхакова // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 14.
- ¹⁶⁷ Долгиева М.Б. Жизнь, творческое наследие и эволюция взглядов Вассан-Гирея Джабагиева. – Назрань, 2000. – С. 9.
- ¹⁶⁸ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 82-83.
- ¹⁶⁹ Терский вестник. – 1917. – 20 мая.
- ¹⁷⁰ Терский вестник. – 1917. – 6 мая.
- ¹⁷¹ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала, 1994. – С. 45; Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927. – С. 15.
- ¹⁷² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала, 1994. – С. 50.
- ¹⁷³ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала, 1994. – С. 51-52.
- ¹⁷⁴ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.). Горская республика (1918-1920 гг.). (Документы и материалы). – Махачкала, 1994. – С. 4,27, 34.
- ¹⁷⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996. – С. 293, 294.
- ¹⁷⁶ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.). Горская республика (1918-1920 гг.). (Документы и материалы). – Махачкала, 1994. – С. 32, 40-42.
- ¹⁷⁷ Магомедов Ш.М. Октябрь на Тerekе и в Дагестане. – Махачкала, 1965. – С. 54.
- ¹⁷⁸ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Вступительная статья С.М. Исхакова // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 25.
- ¹⁷⁹ Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С. 213.
- ¹⁸⁰ Терский вестник. – 1917. – 22 июля.

-
- ¹⁸¹ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 24.
- ¹⁸² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). – Махачкала, 1994. – С. 46, 48.
- ¹⁸³ Абдурахманов И.В. Образ власти в общественном сознании в феврале–октябре 1917 года // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. – Т. 1. – М., 2002. – С. 314.
- ¹⁸⁴ Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 155.
- ¹⁸⁵ Исхаков С. М. Российские мусульмане в социальных и межнациональных отношениях 1917 года России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М., 1999. – С. 264–265.
- ¹⁸⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996. – С. 294.
- ¹⁸⁷ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы). – Махачкала, 1994. – С. 29, 63–66.
- ¹⁸⁸ Бутаев К.С. Избранное. – Владикавказ, 2003. – С. 61.
- ¹⁸⁹ Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. По материалам Терской и Дагестанской областей. – М., 1986. – С. 116.
- ¹⁹⁰ Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). – Нальчик, 1979. – С. 86–87; Магомедов Ш.М.. Северный Кавказ в трех революциях. По материалам Терской и Дагестанской областей. – М., 1986. – С. 117.
- ¹⁹¹ Голос. – 1917. – 14 декабря.
- ¹⁹² Цит. по: Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. По материалам Терской и Дагестанской областей. – М., 1986. – С. 118.
- ¹⁹³ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 25.
- ¹⁹⁴ Документы по истории борьбы за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 66–68.
- ¹⁹⁵ Съезды народов Терека. – Т. 2. – Орджоникидзе, 1978. – С. 169.
- ¹⁹⁶ Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов. – Орджоникидзе, 1957. – С. 72.
- ¹⁹⁷ См.: Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. – Т. 1. – М., 1956. – С. 77.

-
- ¹⁹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918-январь 1919. – М., 2002. – С. 175-176.
- ¹⁹⁹ Вольный горец (Владикавказ). – 1920. – 6 декабря.
- ²⁰⁰ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 87.
- ²⁰¹ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 86.
- ²⁰² Цаликов А. Избранное. – Владикавказ, 2002. – С. 480.
- ²⁰³ Донного Хаджи Мурат Нажмуддин Гоцинский // Вопросы истории. – 2005. – № 6. – С. 45.
- ²⁰⁴ История Северной Осетии: XX век. – М., 2003. – С. 120.
- ²⁰⁵ Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917-1937 гг.). – Нальчик, 1979. – С. 167.
- ²⁰⁶ Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. – Т. 1. – М., 1956. – С. 98.
- ²⁰⁷ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922). – Нальчик, 1983. – С. 210-212.
- ²⁰⁸ Почешков Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917-1920). – Майкоп, 1998.
- ²⁰⁹ «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана. Вступительная статья С.М. Исхакова // Вопросы истории. – 2001. – № 5. – С. 3.
- ²¹⁰ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 83.
- ²¹¹ Донного Хаджи Мурат Нажмуддин Гоцинский // Вопросы истории. – 2005. – № 6. – С. 39-40.
- ²¹² Тахо-Годи А.А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927. – С. 10.
- ²¹³ Борьба за установление советской власти в Дагестане 1917-1921 гг. (сборник документов и материалов). – М., 1958. – С. 136-137.
- ²¹⁴ За власть Советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1957. – С. 209.
- ²¹⁵ Чистяков О.И. Становление «Российской Федерации» (1917-1922). Изд. 2, репринтное. – М., 2003.

-
- ²¹⁶ Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1983. – С. 390, 417-430.
- ²¹⁷ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 108. – Л. 1.
- ²¹⁸ Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесия). – Нальчик, 2004. – С. 76-77.
- ²¹⁹ Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1921. – С. 63.
- ²²⁰ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 608-609.
- ²²¹ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 612-613.
- ²²² Бутаев К. Политическое и экономическое положение Горской республики. – Владикавказ, 1921. – С. 3-4.
- ²²³ Алиев У. Карабай. – Ростов-на-Дону, 1927. – С. 181.
- ²²⁴ КПСС в революциях и решениях. Ч. 1. Изд. 7. – М., 1953. – С. 559.
- ²²⁵ ЦГА КБР. – Ф. Р-2. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 28.
- ²²⁶ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 663.
- ²²⁷ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 674.
- ²²⁸ Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.). – Нальчик, 1983. – С. 674, 703, 705.
- ²²⁹ Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. – Нальчик, 2000. – С. 95-96.
- ²³⁰ Карданова А.Х. Создание национальной государственности Карабая и Черкесии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995. – С. 178-180.
- ²³¹ Установление советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее, 1917-1923. – Майкоп, 1980. – С. 160.
- ²³² Мекулов Д.Х. национально-государственное строительство Адыгейской автономной области // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995. – С. 185-188.

- ²³³ Сланов И.М. Национально-государственное строительство в Северной Осетии // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995. – С. 150-151.
- ²³⁴ Бутай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941 гг.). – Майкоп, 1995. – С. 118.
- ²³⁵ Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920-1930-е годы // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 131-132.
- ²³⁶ Шадже А., Шеуджан Э. Северо-Кавказское общество: опыт системного анализа. – Москва-Майкоп, 2004. – С. 89-90.
- ²³⁷ См.: Дзидзоев В.Д. От Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР. – Владикавказ, 2003. – С. 28-29.
- ²³⁸ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала, 1994. – С. 66.
- ²³⁹ Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. – Нальчик, 2000.
- ²⁴⁰ Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917-1941). – Майкоп, 1995. – С. 217-218.
- ²⁴¹ Карданов А.Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии в период строительства социализма (1920-1937 гг.). – Нальчик, 1976. – С. 35-37.
- ²⁴² Комплекс вопросов социально-экономического развития Кабардино-Балкарии в 1920-е гг. обстоятельно освещен в работе: Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г. Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20-30-е годы. – Нальчик, 1999. Дальнейший анализ этих вопросов основан на ее материалах.
- ²⁴³ Йушиев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. – Владикавказ, 1997. – С. 3.
- ²⁴⁴ Янрова Н.С. О темпах и формах коллективизации в национальных областях Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии) // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Вып. 7. – Нальчик, 2002. – С. 30-31.
- ²⁴⁵ Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. – Нальчик, 2001.
- ²⁴⁶ История Кабардино-Балкарской АССР. В двух томах. – Т. 2. – М., 1967. – С. 314-316.
- ²⁴⁷ Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (на примере национальных республик Северного Кавказа). – М., 1998. – С. 89-114.

- ²⁴⁸ История Северной Осетии: XX век. – М., 2003. – С. 224-232.
- ²⁴⁹ Булатов Б.Б. Проблемы социально-экономического и социально-культурного развития Дагестана (80-е годы XIX-30-е годы XX вв.): Автореф. дисс.... док. ист. наук. – М., 1997. – С. 40-42.
- ²⁵⁰ История Северной Осетии: XX век. – М., 2003. – С. 233-234.
- ²⁵¹ Очерки истории Адыгеи. – Т. II. – Майкоп, 1981. – С. 122, 206.
- ²⁵² Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. – Владикавказ, 1997. – С. 13-14.
- ²⁵³ Цуциев А.А., Дзугаев Л.Б. Северный Кавказ. 1780-1995. История и границы. – Владикавказ, 1997. – С. 19.
- ²⁵⁴ Час испытаний. депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (документы и материалы). – Нальчик, 2001. – С. 739-745.
- ²⁵⁵ Хашхожева Т.А. Темпы роста и изменение отраслевой структуры промышленности Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики КПСС (Материалы научной конференции). – Нальчик, 1983. – С. 20-21.
- ²⁵⁶ Хашхожева Т.А. Экономическая эффективность промышленного производства Кабардино-Балкарской АССР. – Нальчик, 1984. – С. 28-30.
- ²⁵⁷ Карданов А.Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938-1980). – Нальчик, 1984. – С. 127-130.
- ²⁵⁸ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963. С. 152-154; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. II. – М., 1991. – С. 88, 98-101.
- ²⁵⁹ Абубакаров Т.Т. Развитие населения Северного Кавказа (1917-1977): Автореф. дисс.... канд. эконом. наук. – М., 1980. – С. 9-11.
- ²⁶⁰ Муслимов С. Ш. От свободомыслия к научному атеизму: Процесс секуляризации и атеизации общественного сознания народов Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1987. – С. 109.
- ²⁶¹ Кошев М.А. История и проблемы культурно-технического развития рабочих кадров народов Северного Кавказа в 60-е-начале 80-х годов. – Майкоп, 1994. – С. 70-71.
- ²⁶² Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963. – С. 18, 27, 388-407; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М., 1980. – С. 4; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – Т. 10. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. – М., 1990. – С. 276-283.
- ²⁶³ Абубакаров Т.Т. Развитие населения Северного Кавказа (1917-1977). Автореф. дисс.... канд. экон. наук. – М., 1980. – С. 12.
- ²⁶⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928. – С. 106-119; Краткая социально-демографическая характеристика населения

-
- ния РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. I. – М., 1991. – С. 13-14.
- ²⁶⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999. – С. 105-106, 110-111; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. I. – М., 1991. – С. 158-169.
- ²⁶⁶ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. I. – М., 1991. – С. 158-164.
- ²⁶⁷ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963. – С. 152-154; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. II. – М., 1991. – С. 88, 98-101.
- ²⁶⁸ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). – М., 2006. – С. 336-341.
- ²⁶⁹ Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Безработица и новые формы занятости населения на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 33-36.
- ²⁷⁰ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М., 2001. – С. 115-116, 123.
- ²⁷¹ Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. – Ростов-на-Дону, 1996. – С. 64.
- ²⁷² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. – М., 1990. – Т.10. – С. 276-279.
- ²⁷³ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. I. – М., 1991. – С. 56-62.
- ²⁷⁴ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – Ч. I. – М., 1991. – С. 38-41.
- ²⁷⁵ Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.
- ²⁷⁶ Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 196-197.
- ²⁷⁷ Карлов В.В. Этнокультурные процессы новейшего времени. – М., 1995. – С. 83-84.
- ²⁷⁸ Цущиев А.А. Русские и кавказцы: очерк незримой неприязни // Вестник института цивилизации. – Владикавказ, 1998. – Вып.1. – С. 251.
- ²⁷⁹ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1986. – С. 60, 271.

- ²⁸⁰ Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963. – С. 18-21; Возраст и состояние в браке населения СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 года. – М., 1990. – С. 24, 32-33.
- ²⁸¹ Панарин С.А. Позиционно-исторические факторы кавказской политики // ПолиС. – 2002. – № 2. – С. 111-112.
- ²⁸² Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М., 2001. – С. 110.
- ²⁸³ Петров А. Победоносное отступление // Коммерсант власть. – 1998. – № 30 – С. 9.
- ²⁸⁴ Бусыгина И. Региональное измерение политического кризиса в России // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 5. – С. 7.
- ²⁸⁵ Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин И.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // ПолиС. – 1995. – № 4. – С. 16.
- ²⁸⁶ Горлон Л.А., Плискевич Н.М. Развилки и ловушки переходного периода // ПолиС. – 1994. – № 4. – С. 85.
- ²⁸⁷ Драгунский Д.В. Навязанная этничность // ПолиС. – 1993. – № 5. – С. 24.
- ²⁸⁸ Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Безработица и новые формы занятости населения на Северном Кавказе // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 33-36.
- ²⁸⁹ Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. ТERRиториальное поведение россиян (историко-социологический анализ). – М., 2006. – С. 336-341.
- ²⁹⁰ Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). - Ростов-на-Дону, 2005. – С. 152-153.
- ²⁹¹ Болотин Б.М. Региональные диспропорции в России в результате «реформ» // Глобализация и крупные полупериферийные страны. – М., 2003. – С. 309.
- ²⁹² Болотин Б.М. Региональные диспропорции в России в результате «реформ» // Глобализация и крупные полупериферийные страны. – М., 2003. – С. 312-313.
- ²⁹³ Гохберг М.Я. Федеральные округа Российской Федерации: анализ и перспективы развития. – М., 2002. – С. 138-139.
- ²⁹⁴ Гохберг М.Я. Федеральные округа Российской Федерации: анализ и перспективы развития. – М., 2002. – С. 140.
- ²⁹⁵ Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия и ее регионы. – М., 2006. – С. 141.
- ²⁹⁶ Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия и ее регионы. – М., 2006. – С. 49.
- ²⁹⁷ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007. – С. 156.
- ²⁹⁸ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007. – С. 161-163.

-
- ²⁹⁹ Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия и ее регионы. – М., 2006. – С. 46-47.
- ³⁰⁰ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года (В 14 томах). – Т. 4. – Кн. 1. – М., 2004. – С. 1806-1817.
- ³⁰¹ Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 122-123.
- ³⁰² Киягинин В., Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России // Россия между вчера и сегодня. – М., 2003.
- ³⁰³ Колесников Ю.С. Модернизация территориальной организации экономики и макроэкономические функции этноэкономики // Этноэкономика в модернизационной парадигме развития национального хозяйства: ресурсы устойчивости и резервы адаптивности. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 15-25.
- ³⁰⁴ Регионы России: социально-экономические показатели. – М., 2002. – С. 63.
- ³⁰⁵ Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 124-125.
- ³⁰⁶ Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 128-129.
- ³⁰⁷ Дружинин А.Г., Давыденко Е.И. Рентоориентированная региональная экономика: приоритеты декриминализации. – Ростов н/Д, 2003.
- ³⁰⁸ Дружинин А.Г., Гонтарь Н.В. Асимметрия в социально-экономическом развитии территорий Юга России: тенденции роста в условиях рыночной трансформации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Юбилейный выпуск. – 2002.
- ³⁰⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. V. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. – М., 1928; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Россия. – СПб., 1999.
- ³¹⁰ Российский Кавказ. Книга для политиков / Под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007. – С. 174-176.
- ³¹¹ Дружинин А.Г. Южно-Российский регионогенез: факторы, тенденции, этапы // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2.
- ³¹² Дружинин А.Г. Юг России конца ХХ-начала ХХI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 40-41.
- ³¹³ Дзидзоев В.Д. Национальные интересы Российской Федерации на Северном Кавказе после «холодной войны» (историко-политологический аспект глобальной проблемы) // Кавказский регион: пути стабилизации. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 21.
- ³¹⁴ См.: Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов-на-Дону, 2003.

-
- ³¹⁵ Милованов Ю.Е. Адатная культура и проблемы трансформации общества // Кавказский регион: пути стабилизации: Материалы международной научной конференции / Отв. Ред. Ю.Г. Волков. — Ростов-на-Дону, 2004.
- ³¹⁶ Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичностей (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова. — М.: Московский центр Карнеги, 1997.
- ³¹⁷ Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичностей (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова. — М.: Московский центр Карнеги, 1997. — С. 181.
- ³¹⁸ Малашенко Исламские ориентиры Северного Кавказа. Книжная полка // <http://www.kavkaz-uzel.ru/>.
- ³¹⁹ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. — М., 1999. — С. 10-11.
- ³²⁰ Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — С. 28.
- ³²¹ Булатов А. Ислам на Северном Кавказе: современные проблемы. Северо-Восточный Кавказ. Ежегодный доклад. 2004. // <http://eawarn.ru/>.
- ³²² Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Книжная полка // <http://www.kavkaz-uzel.ru/>.
- ³²³ Дагестан в период социальных реформ. — Махачкала, 2002. — С. 61-62.
- ³²⁴ Кисриев Э. Ислам как политический фактор в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. — 2000. — № 5 (11). — С. 77.
- ³²⁵ Кривицкий К.В. Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России. — М., 1997. — С. 40.
- ³²⁶ Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичностей (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова. — М.: Московский центр Карнеги, 1997. — С. 178.
- ³²⁷ Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии // www.kavkazonline.ru/.
- ³²⁸ Сиверцева Т. Культурная трансформация и смена идентичностей (Дагестан, Цумадинский район) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова. — М.: Московский центр Карнеги, 1997. — С. 176.

Содержание

Введение	3
Часть 1. Предпосылки включения северокавказских народов в российский цивилизационный процесс	13
Глава 1. Истоки самобытности	13
1.1. Древность Кавказа и современные поиски идентичности	13
1.2. Формирование этнической структуры и цивилизационной специфики региона	17
Глава 2. Кавказ в магнитном поле державной политики России (середина XVI-середина XIX в.)	24
2.1. Этап партнерства феодальных элит	24
2.2. XVIII век в отношениях России и Кавказа: от взаимодействия к имперскому «мопологии»	26
2.3. Кавказская война как проблема взаимопонимания социокультурных систем	28
Часть 2. На пути к современности: системы власти и преобразование обществ (1860-1980-е гг.)	32
Глава 3. Имперский опыт управления и реформ	33
3.1. Государственная политика в поисках социально-культурного синтеза: достижения и пределы	33
3.2. Имперская модернизация и этнические общества Северного Кавказа: изменения условий и контекстов социально-культурного воспроизводства	49
3.3. Социокультурный дуализм и реакция на него горского общества	64
Глава 4. Эпоха советской модернизации	86
4.1. Северный Кавказ в революционной «смуте» 1917-1920 гг.	86
4.2. У истоков современной национально-государственной структуры региона	103
4.3. Советизация и этносоциальные трансформации северокавказских обществ на этапе политico-идеологической унификации (1920-50-е гг.)	117
4.4. Процессы социально-культурного синтеза и этносоциальной консолидации народов Северного Кавказа на этапе зрелой соцмодернизации (1960-80-е гг.)	147
4.5. Итоговый баланс социально-культурных трансформаций и этносоциальной преемственности на исходе советской эпохи	169
Часть 3. Российский Кавказ на перевале времен	184
Глава 5. Российский «центр» и северокавказская «периферия» в переходных процессах конца XX века	184
Глава 6. Тенденции развития базовых общественных процессов и структур	198
Глава 7. Константы социально-исторического процесса и перспективы Северного Кавказа в начале XXI века	239
Заключение	252
Примечания	275

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Боров Аслан Хажисмелович

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В РОССИЙСКОМ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ
(Проблема социально-культурного синтеза)**

Редактор *Л.П. Кербнева*

Компьютерная верстка *А.А. Елисеевой*

Корректоры *В.В. Вакулина, Е.А. Балова*

В печать 03.10.2007. Формат 60x84¹/16.

Печать трафаретная. Бумага офсетная. 17.44 усл.л.л. 17.5 уч.-изд.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 5178.

Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Полиграфическое подразделение КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.